

Высшее профессиональное образование

БАКАЛАВРИАТ

Е. Н. ИВАНИЦКАЯ

РУССКАЯ ДИАЛЕКТОЛОГИЯ

УЧЕБНИК

*Рекомендовано УМО по образованию
в области подготовки педагогических кадров
в качестве учебника для студентов
высших учебных заведений, обучающихся
по направлению 050100 — Педагогическое образование
(профиль «русский язык»)*



Москва
Издательский центр «Академия»
2013

УДК 81(075.8)
ББК 81.2Рус-67я
И193

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор Московского педагогического государственного университета *К. П. Смолина*;
доктор филологических наук, профессор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова *М. Ю. Федосюк*

Иваницкая Е. Н.

И193 Русская диалектология : учебник для студ. учреждений высш. проф. образования / Е. Н. Иваницкая. — М. : Издательский центр «Академия», 2013. — 128 с. — (Сер. Бакалавриат).

ISBN 978-5-7695-9545-5

Учебник создан в соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом по направлению подготовки 050100 — Педагогическое образование (профиль «русский язык», квалификация «бакалавр»).

В учебнике содержится материал по лексике, фонетике и грамматике русских говоров. Даны сведения об основных терминах и понятиях диалектологии, выявляются основные отличия говоров, представлен материал о диалектном членении русского языка на современном этапе.

Для студентов учреждений высшего профессионального образования.

УДК 81(075.8)
ББК 81.2Рус-67я

*Оригинал-макет данного издания является собственностью
Издательского центра «Академия», и его воспроизведение любым
способом без согласия правообладателя запрещается*

© Иваницкая Е. Н., 2013

© Образовательно-издательский центр «Академия», 2013

© Оформление. Издательский центр «Академия», 2013

ISBN 978-5-7695-9545-5

Русская диалектология является важной лингвистической дисциплиной, играющей существенную роль в процессе подготовки учителя-словесника. Знакомство с диалектологией нужно также писателям, журналистам, актерам, режиссерам, работникам СМИ, криминалистам и просто всем тем, кто интересуется народным бытом, любит родной язык и стремится овладеть всеми его богатствами.

Однако в преподавании этой, на первый взгляд несложной дисциплины существуют некоторые трудности, постоянно возрастающие в последнее время.

Это связано, во-первых, с тем, что современные студенты, в подавляющем большинстве горожане, совершенно не знают деревни; во-вторых, с недостаточным количеством учебных часов и формальным отношением к диалектологической практике; в-третьих, с отсутствием современного доступного учебного пособия. Существующие учебники либо устарели, либо являются библиографической редкостью, либо недоступны современным студентам по форме изложения. «Русская диалектология» под редакцией Л. Л. Касаткина, являющаяся сейчас основным учебником, представляет собой фундаментальный труд, учитывающий все достижения современной науки. Но, к сожалению, он слишком сложен и велик по объему для студентов-первокурсников. В связи с этим возникает потребность в новом учебнике, рассчитанном на реальное количество часов и соответствующем возможностям и подготовке прежде всего бакалавров.

Предлагаемый нами учебник построен в соответствии с действующей программой и основан на многолетнем опыте преподавания диалектологии в педагогическом вузе. Его отличают небольшой объем и доступность изложения материала.

В учебнике представлены также некоторые изменения в содержательном и методическом плане.

По-новому дается группировка говоров. Диалектное членение, разработанное в «Русской диалектологии» под редакцией Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой (1964) и в общем принятое затем во всех учебных пособиях, громоздко, внутренне противоречиво и методически крайне неудобно. В то же время классификация Москов-

ской диалектологической комиссии (МДК), данная в «Опыте диалектологической карты русского языка в Европе» (1915), четкая и компактная, естественно, устарела. Группировка говоров, предлагаемая в данном учебнике, представляет, как показывает практика, достаточно удачный компромисс между этими классификациями.

Более четко, чем в большинстве других учебников, даются главы «Синтаксис» и «Лексика». Рассмотрение лексики в начале курса, сразу после «Введения», способствует углублению интереса к специфике диалектной речи, в то время как сложные явления вокализма, с которых обычно начинается систематический курс, отпугивают студентов, создают ложное впечатление о крайней трудности предмета.

Большее внимание уделяется сопоставлению диалектных явлений с фактами литературного языка, употреблению диалектизмов в языке художественной литературы, современным процессам в русских говорах.

Все главы завершаются контрольными вопросами и заданиями, способствующими лучшему усвоению материала.

В результате изучения дисциплины студент должен:

– знать: основные термины и понятия; в чем состоит научное и практическое значение диалектологии; отличия северного и южного наречий и среднерусских говоров, их территориальное распространение; основные диалектные различия в области фонетики, грамматики и лексики;

– уметь: анализировать диалектный текст; определять и объяснять диалектизмы в языке художественной литературы; выявлять и исправлять диалектные отклонения от литературных норм, особенно в речи учащихся, работников школ и СМИ;

– владеть навыками чтения диалектного текста, транскрибирования и анализа живой речи.

Учебник рассчитан на студентов педагогических вузов, прежде всего бакалавров, а также может быть полезен аспирантам и начинающим преподавателям и просто всем интересующимся современной народной речью.

Введение

ПРЕДМЕТ И ЗАДАЧИ ДИАЛЕКТОЛОГИИ. СВЯЗЬ ДИАЛЕКТОЛОГИИ С ДРУГИМИ НАУКАМИ, ЕЕ НАУЧНОЕ И ПРАКТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Название науки «диалектология», как и названия большинства наук, образовано от двух греческих корней: *dialektos* — «разговор», «говор» и *logos* — «слово», «наука». То есть **диалектология** — это наука о говорах. Или точнее: диалектология — лингвистическая дисциплина, которая изучает язык в его местных, территориальных разновидностях: говорах, диалектах.

Любой современный язык неоднороден на всей территории своего распространения. Сильно различается речь сельских жителей юга и севера Франции, разных земель Германии или областей Италии. Каждый горожанин, побывавший в деревне, замечает, что речь местных жителей, особенно стариков, отличается от литературного языка. Однако мало кто задумывается о том, что местные разновидности речи — это не искажения литературного языка, а самостоятельные языковые единицы, имеющие важное значение для лингвиста. Вот эти-то языковые единицы и изучает диалектология. Соответственно, русская диалектология изучает говоры русского языка.

Для обозначения местной разновидности языка безотносительно к ее величине и конкретной территориальной принадлежности обычно употребляется термин «диалект». «**Диалект** (выделено нами. — *Е. И.*) — это разновидность языка, распространенная в качестве орудия общения местных жителей на определенной территории и характеризующаяся относительным единством языковой системы»¹.

Для обозначения конкретной языковой единицы, являющейся орудием общения жителей определенного села, деревни, района, чаще используют термин «говор». **Говор** — это мельчайшая, далее не делимая разновидность языка, например: говор деревни Топориха Тотемского района Вологодской области. Говоров в любом

¹ Русская диалектология / под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой. — М., 1964. — С. 15.

языке очень много, практически невозможно ответить на вопрос, сколько их сейчас можно выделить в русском языке. Однако сходные по ряду признаков говоры можно объединить в определенное ограниченное число групп. Крупные подразделения языка, объединяющие группы говоров по ряду существенных общих признаков, называются **наречиями**. Так, в русском языке сейчас выделяют два наречия: северное и южное.

Любой современный язык наряду с чертами, общими для всего языка, имеет и частные различительные признаки, распространенные на той или иной территории, т.е. включает в себя ряд диалектов. Диалект всегда выделяется внутри языка, так как имеет не только специфические отличия, но и значительное число черт, характерных для всего данного языка. Таким образом, в строе языка и диалектов следует различать признаки общие и частные. Если бы не было отдельных частных (различительных) особенностей, т.е. языковых отличий на определенной территории, не пришлось бы выделять говоры. Но если нет общих признаков (или различий больше, чем сходства), то перед нами уже разные языки, а не диалекты одного языка.

Так, мы можем выделить северное и южное наречия русского языка, потому что они противопоставлены друг другу по ряду признаков и в то же время во многом сходны между собой и с русским литературным языком. Например:

Мужы́к да ба́ба жы́л'и о р'е́ку, о са́му р'е́ц'ку. Бы́ло у них дво́ю д'ет'е́ц:
сын и до́ц'. Мужы́к был пол'й'с'н'ик, пол'е́совал в л'есу́. Ув'ид'ел он там
д'эват' розбо́ин'икоф, пото́м пр'ишо́л домо́й и говор'ит жон'я́...

(Северный говор)

Р'ьскажу́ т'иб'е́ пр'яда́ин сл'уч'а́ц. Р'ьбата́ли мы у п'япа́ В'ьлад'и́м'ира.
Пр'ин'о́с ја б'ир'е́м'а с'е́на, засы́п'ыл л'шад'о́м афса́ и пашо́л на с'е́нь сп'а́т'.
Удру́х слышу: ка́к'и-та л'у́д'и зь с'ра́им у́ввр'а́т'...

(Южный говор)

Различия заметны даже без специальной подготовки, но в то же время оба отрывка в общем понятны любому носителю русского языка.

В современной диалектологии иногда употребляется также термин «диалектный язык», обозначающий всю совокупность говоров данного языка.

Таким образом, понятие «современный русский язык» в широком смысле обозначает совокупность литературного языка (во всех его стилистических разновидностях) и большого количества местных говоров (или совокупность литературного и диалектного языков). Очевидно, что нельзя считать себя специали-

стом в области русского языка, зная только его литературную форму.

Все диалекты, будучи противопоставлены по ряду черт, в той или иной степени противопоставлены литературному языку. Можно сказать, что диалектный язык в целом отличается от литературного некоторыми общими существенными признаками.

1. Литературный язык не связан с определенной территорией, надтерриториален, един для всех. В идеале учителя из Архангельской и Рязанской областей должны говорить одинаково (в действительности это не совсем так именно из-за неизбежного влияния диалектного окружения).

Говоры же распространены на определенных территориях. Это зафиксировано в самих названиях: северное и южное наречия, среднерусские говоры, вологодские или смоленские говоры и т. д. Речь пожилых сельских жителей Архангельской и Рязанской областей будет различаться весьма существенно.

2. Литературный язык, как известно, существует в двух равноправных формах: устной и письменной.

Говоры бытуют только в устной форме. Те элементы диалектной речи («диалектизмы»), которые встречаются в произведениях художественной литературы, являются лишь стилистическим средством, определенным приемом литературного языка.

3. Литературный язык является языком нормализованным (или нормированным), т. е. регулируется определенными общепринятыми нормами. По известному выражению А. М. Горького, он «обработан мастерами слова».

Диалектный язык не нормирован в том смысле, что не имеет общепринятых официально зафиксированных норм, «правил». Вопрос этот спорный и недостаточно изученный, но во всяком случае «нормы» в говорах весьма зыбки и подвижны и к тому же в настоящее время социально не престижны (мало кто из носителей говора будет сейчас настаивать на его «правильности»).

4. Литературный язык стилистически дифференцирован, т. е. существует в многообразии стилей, таких как научный, публицистический, поэтический, деловой и т. д.

Говоры стилистически дифференцированы слабо. Практически диалектная речь — это один бытовой, разговорный стиль. Некоторые ученые как особый стиль диалектного языка выделяют язык фольклора, но это спорно.

5. Литературный язык одинаково свободно бытует и в форме монолога, и в форме диалога. Для говоров в силу их специфики, как и для разговорно-бытовой речи, более характерен диалог.

Отмеченные отличия от литературного языка в основном характерны и для социальных диалектов (жаргонов, аргю), поэтому

следует оговорить, что в курсе диалектологии изучаются лишь территориальные диалекты.

Социальный диалект, или **арго**, — это разновидность языка, употребляемая той или иной социальной группой (язык определенной части дворянства, духовенства, воровской жаргон, тайные языки бродячих торговцев и т.д.). В наше время можно говорить скорее о профессиональных диалектах, характерных, скажем, для моряков, музыкантов, студентов, школьников и т.д. Элементы арго часто отражались в художественной литературе (вспомним хотя бы разговор двух дам из «Мертвых душ» Гоголя, «Очерки бурсы» Помяловского, произведения Лескова, Куприна и др.). Используются они и в современной литературе. Например:

Кроме выявления сути подозреваемых, засадой с живцом можно добиться и так называемого эффекта экстренного потрошения... В некоторой растерянности он помедлил, и за эти секунды я успел оказаться от него со стороны солнца и, таким образом, задействовал подсветку <...> для давления на психику я немедленно «пощекотал ему уши» — произвел по одиночному выстрелу из обоих наганов.

(Богомолов В. В августе 44-го)

Крепкие парни не сразу перестали «качаться». Им трудно было поверить своим глазам.

— Здорово, пацаны! — вызывающе сказал Юрка. — А кто из вас прошлой ночью к нам приезжал?

На вопрос его никто не ответил. Качки переводили дыхание, вытирали пот.

— Ты совсем оборзел? — наконец выдохнул один из них. — Ты врубаешься, кого ты привел? Мы же вас тут порвем...

(Геласимов А. Дом на Озёрной)

Несомненно, социальные диалекты представляют определенный интерес, однако изучение территориальных диалектов гораздо важнее для лингвиста по двум причинам.

1. Социальные диалекты характеризуются только специфической лексикой и фразеологией, но целиком используют фонетику и грамматику литературного языка (реже — какого-нибудь говора).

Говоры же (территориальные диалекты) имеют свои характерные признаки во всех звеньях языковой системы, например в фонетике: [хорошб], [болото]; [выд́а], [с'астрá], [п'ат́ух]; [ц'а̀й], [ц'йсто] и т.д.; в морфологии: *дом стоит на горы, пошел за грибам*; [ид'б́т'], [ул'ад'át']; в синтаксисе: *у крыс дырка проедено; кошка лёгши, лёгши и помёрши*; в лексике: [гл'ад'йл'ц'о] — *зрачок, баскóй — красивый, поосб́ — раздельно, наестся в крякву — досыта, до отвала* и т.д.

Таким образом, хотя на первый взгляд кажется, что арготическая речь больше отличается от литературного языка, особенности территориальных диалектов более существенны и ценны в лингвистическом плане. Ср.:

Хлябыш в дудоргу хандырит пельмиги пышлять (Начальство в лавку идет бумаги читать).

(Мельников - Печерский Д.Н. На горах)

Жыў быў купец' дoс'ул, было у н'оуб три доц'ер'и, задумалос' жому за мор'о поторговат' с'яз'д'ит'. Бол'ша доц'и отц'у говор'йт'...

Первый отрывок менее понятен, зато второй более интересен в лингвистическом отношении.

2. Социальные диалекты искусственны и недолговечны, в то время как современные территориальные говоры представляют собой закономерный результат исторического развития древнерусских диалектов, что особенно важно для историка языка.

Следует отметить, что в настоящее время территориальные диалекты приобретают определенную социальную окраску, так как их особенности наиболее полно сохраняются в речи сельского населения.

Итак, предмет русской диалектологии — изучение русского языка в его говорах (или русского диалектного языка).

Современные русские говоры принято объединять в три большие группы: северное наречие, южное наречие и среднерусские говоры.

Каждая из этих групп характеризуется целым комплексом черт, подробное изучение которых составляет задачу нашего курса. Сейчас необходимо указать лишь те определяющие черты, по которым они противопоставлены друг другу, и примерную территорию их распространения.

Северное наречие распространено в северной и северо-восточной части европейской территории России¹. К нему относятся говоры Архангельской, Вологодской, Кировской, Костромской, части Ленинградской и Новгородской областей, северная часть говоров Поволжья.

К южному наречию относят говоры южной части Российской Федерации, т.е. Смоленской, Брянской, Калужской, Тульской, Рязанской, Орловской, Курской, Воронежской, Липецкой, Тамбовской областей.

¹ Изучение говоров Урала, Сибири и Дальнего Востока, а также русских говоров на территориях других государств, не входит в задачу данного курса.

Эти два наречия принято противопоставлять по четырем основным признакам: двум фонетическим и двум морфологическим.

1. Для всех северных говоров характерно оканье, т. е. различие <о> и <а> в безударном положении [водá] — [травá], [молоко́] — [самол'о́т] и т. д. Для всех южных говоров — аканье, т. е. неразличие в безударном положении гласных <а> и <о>: [вада́] — [травá], [м'ялако́] — [с'мал'о́т] и подобные.

2. Северное наречие характеризуется взрывным образованием заднеязычного звонкого согласного [г] [гус'], [горот], [дорога]; в южных говорах [г] фрикативное [γ] [γус'], [γо́рбт], [да́рбу́т].

3. Глаголы 3-го лица единственного и множественного числа настоящего и простого будущего времени в северном наречии оканчиваются на [т] твердое: [ид'о́т], [иду́т], [кр'ичи́т], [кр'ича́т]; в южном — на [т'] мягкое: [ид'о́т'], [иду́т'], [кр'ичи́т'], [кр'ича́т'].

4. Личные (1-го и 2-го лица) и возвратное местоимение в форме родительного и винительного падежей оканчиваются в северных говорах на [-'а]: [у м'ен'а], [т'еб'а], [с'еб'а]; в южных — на [-'е]: [у м'ин'е́], [т'иб'е́], [с'иб'е́].

Конечно, северное и южное наречия характеризуются еще рядом диалектных черт, которые мы рассмотрим в дальнейшем. Группу среднерусских говоров, расположенную между северным и южным наречиями, не называют наречием потому, что эти говоры совмещают в себе северные и южные черты и почти не имеют собственных различительных признаков.

К среднерусским традиционно относятся говоры Псковской, Тверской, Московской, Пензенской областей, части Новгородской области. К середине XX в. граница среднерусских говоров значительно продвинулась к северу, и теперь к ним относят также говоры Владимирской области и Поволжья.

Какое же место занимает диалектология среди других лингвистических дисциплин?

С одной стороны, она тесно связана с курсом современного русского литературного языка. Диалектолог изучает современные говоры в тесной связи с литературным языком, который всегда (вольно или невольно) служит определенным эталоном, с которыми сравниваются говоры.

Говоры и литературный язык находятся в процессе постоянного взаимовлияния. В наше время, конечно, решающим является воздействие литературного языка на диалекты. Но на протяжении своей истории он испытывал сильное влияние говоров, большее или меньшее в разные периоды, но не прекратившееся полностью и сейчас. Из говоров пришли в литературный язык такие, например, слова, как: *назойливый, напускной, земляника,*

цапля, шуришатъ — и даже: *очень, улыбаться*; такое морфологическое явление, как все расширяющееся употребление окончания *-а* в именительном падеже множественного числа существительных (*слесаря́, договорá* и даже — *зеленя́*); вероятно, не без влияния среднерусских говоров сейчас в литературном произношении побеждает иканье: [с'истра́], [р'ика́], [п'ита́к] и т. п. Таким образом, нельзя говорить о знании современного языка, не имея представления о его диалектах.

С другой стороны, диалектология имеет большое значение при изучении истории языка. Академик А. А. Шахматов писал: «Главный источник, откуда извлекается надежнейший и важнейший материал для исторической грамматики — это, конечно, современные живые говоры»¹.

Дело в том, что диалекты развиваются неравномерно (одни быстрее, другие медленнее) и все — более свободно, чем литературный язык, сдерживаемый наличием общепринятых норм. Особый интерес для историка языка представляют те архаические явления, те остатки старины, которые сохраняются во многих говорах.

Например, в некоторых говорах сохраняются: особые фонемы <ê> (э закрытое), <ô> (о закрытое) в соответствии с древними Ъ и о под восходящим ударением; старые формы существительных *ма́ти, дѣчи, свекрѣ* в именительном падеже единственного числа; остатки двойственного числа; отдельные слова, утраченные литературным языком, но известные по памятникам древнерусской письменности. Особое значение имеют данные диалектологии для исторической фонетики, так как, по словам академика Шахматова, «письменные памятники не всегда дают надежный материал для определения звукового состава минувших эпох»².

Рассмотрим один пример. По старой орфографии, действовавшей до 1917 г., звук [э] после мягких согласных мог обозначаться двумя буквами: *е* и Ъ (ять). Так, писали: *отець*, но *дѣдь; крестъ*, но *хлѣбъ* и т. д. Подобные написания находим и в древнерусской письменности. Очевидно, что первоначально буквой Ъ обозначался какой-то самостоятельный звук. Но какой? Материалы письменных памятников не могут дать удовлетворительного ответа на этот вопрос. И тут на помощь приходят говоры. Оказывается, в одних словах во всех говорах произносится одинаковый звук [’э] (*оте́ц, крѣст, се́льский* и т. п.), в других — произношение по говорам меняется. Так, могут сказать [д’ет], [д’ѣт] (с [э] закрытым, звуком более высоким и напряженным, чем в литера-

¹ Шахматов А. А. Очерки древнейшего периода истории русского языка. — Пг., 1915.

² Там же.

турном языке), [д'иѐт] (с дифтонгом [иѐ]) и даже — [д'ит]; [н'ѐт], [н'ѐт], [н'иѐт] и [н'ит] и т. д. Диалектные данные помогли ученым установить (используя сравнительно-исторический метод и данные других славянских языков), что в древности буквой Ъ обозначался звук типа [иѐ], впоследствии по-разному изменившийся в разных говорах. Этот и многие подобные примеры подтверждают справедливое замечание профессора Р. И. Аванесова, что «история языка наиболее надежные выводы делает на основе перекрестного изучения, взаимного контроля данных современных говоров и показаний письменных памятников прошлого»¹.

Диалектология связана не только с лингвистическими, но и с другими гуманитарными науками, прежде всего с историей. Знание истории помогает понять многие языковые явления, например объяснить, почему русский и украинский языки имеют четкую границу, а говоры русского и белорусского языков образуют как бы постепенный переход от одного языка к другому. Иногда трудно определить, к какому языку отнести тот или иной говор, скажем, в западной части Смоленской области: к русскому или белорусскому. Это связано с тем, что граница русского и украинского языков проходит по территории сравнительно позднего заселения. Там встретились люди, говорившие на уже сложившихся русских и украинских диалектах. Территории же к западу от Москвы неоднократно переходили из рук в руки на протяжении нескольких веков борьбы за эти земли между Русским государством и Литовским княжеством, поэтому между русскими и белорусскими говорами четкой границы нет. В свою очередь, диалектология может помочь историку. Так, определение границы распространения различных типов произношения фонемы <в> помогло уточнению границ Московского государства с великим княжеством Литовским в XV—XVI вв. Как пишет профессор Аванесов, «территориальное распределение диалектных различий представляет собой как бы отпечаток, след пройденного народом исторического пути»².

Диалектология связана также с такими науками, как археология (наука, изучающая вещественные памятники прошлого) и этнография (наука о материальной культуре народа). Данные диалектологии в сочетании с археологическими помогают в решении таких, например, больших научных проблем, как вопрос о прародине славян, о расселении древних восточнославянских племен и др.

Особенно тесно связана диалектология с этнографией. Определенные этнографические познания необходимы диалектологу

¹ Аванесов Р. И. Очерки русской диалектологии. — Ч. 1. — М., 1949. — С. 15.

² Там же. — С. 16.

в его конкретной «полевой» работе. Невозможно собирать и изучать материал по лексике говора, не зная хотя бы основных различий в типах строений, костюмах, обрядах и обычаях. В свою очередь, этнографы пользуются данными диалектологии, а сопоставление диалектологических и этнографических сведений приводит к важным выводам об истории населения определенных территорий и его говорах.

Знание диалектологии необходимо также специалистам в области фольклора, писателям и литературоведам, специалистам по стилистике и истории литературного языка.

Употребление диалектизмов в языке художественной литературы является распространенным стилистическим средством, которое использовали многие писатели начиная с XVIII в. Достаточно назвать таких писателей и поэтов, как И. С. Тургенев, Н. А. Некрасов, Л. Н. Толстой, С. А. Есенин, А. Т. Твардовский, М. А. Шолохов. Активно использовали диалектизмы писатели XX в.: В. Белов, Ф. Абрамов, М. Алексеев, В. Липатов, В. Распутин и другие.

Вот, например, начало романа М. А. Шолохова «Тихий Дон»:

Мелеховский двор — на самом краю хутора. Воротца со скотиньего база ведут на север к Дону. Крутой восьмисаженный спуск меж замшелых в прозелени меловых глыб, и вот берег: перламутровая россыпь ракушек, серая изломистая кайма нацелованной волнами гальки и дальше — перекипающее под ветром вороненой рябью стремя Дона. На восток, за красноталом гуменных плетней, — Гетманский шлях... С юга — меловая хребтина горы. На запад — улица, пронизывающая площадь, бегущая к займищу.

Широко использовал диалектизмы С. А. Есенин, особенно в своих ранних стихах, например:

Матушка в Купальницу по лесу ходила,
Босая, с подтыками, по росе бродила.
Травы врожбиные ноги ей кололи,
Плакала родимая в купырях от боли.
Не дознамо печени судорга схватила,
Охнула кормилица, тут и породила...

Или:

Чёрная, пóтом пропахшая выть!
Как мне тебя не ласкать, не любить?
Выйду на озеро в синюю гать,
К сердцу вечерняя льнет благодать.
Серым веретьем стоят шалаши,
Глухо баюкают хлюпья камыши...

Определенные знания в области диалектологии нужны театральным и кинорежиссерам, актерам, воспроизводящим в кино и на сцене народную речь, и, наконец, просто любому культурному человеку. Всем известно крылатое выражение *перекуём мечи на орала*, однако далеко не все знают, что *орало* — это «плуг», существительное, образованное от глагола *орати*, широко распространенного в северных говорах в значении «пахать».

Особое значение имеют знания диалектологии и их практическое применение в работе учителя-словесника, основная задача которого — привитие норм литературного языка: произносительных (орфоэпических), грамматических, лексических и орфографических. Ведь основной источник отклонения от литературных норм — родной говор учащихся. Таким образом, сельский учитель должен прежде всего определить, в каком диалектном окружении он будет работать, а затем в соответствии с этим строить свою методику. Например, в условиях окающего северного говора не придется уделять много внимания безударным гласным, так как произношение детей будет в основном соответствовать орфографии: [водá], [молоко́], [самова́р], [се'ло́], [п'атак] и т.д. Зато здесь возможны написания, совершенно неожиданные для человека, не знакомого с диалектологией: «цисто», «цяйник», «ключи» и подобные, отражающие так называемое цоканье. К югу от Москвы при написании нередки ошибки типа: «сних», «друх», «идётъ», «пишуть». Учащиеся, в речи которых отсутствует звук [ф], могут написать «хвонарь», «хвамилия», «хронт», а овладев этим звуком, иногда пишут (и произносят) [ф] вместо сочетания [хв]: «фост», «фалить» и подобные.

С диалектными ошибками может встретиться и городской, в том числе столичный, учитель, так как население наших городов постоянно пополняется за счет сельских жителей. Здесь задача оказывается даже сложнее, так как определять причину этих ошибок и методику борьбы с ними приходится в каждом случае отдельно. Например, недавно в одной из центральных московских школ третьеклассница написала в сочинении: *Бабушка научила меня вязать «кохту» и «шарх»*. Внучка усвоила не только уроки вязания, но и бабушкину диалектную особенность: замену звука [ф] звуком [х]. Задача учителя не посмеяться над нелепыми ошибками, а понять и объяснить их причину.

Знание диалектологии необходимо и учителю литературы, поскольку диалектизмы (элементы диалектной речи) встречаются во многих произведениях И.С. Тургенева, Н.А. Некрасова, М.А. Шолохова, С.А. Есенина, входящих в школьную программу. Учитель должен уметь объяснить, что означают непонятные слова, для чего они введены писателем. Иногда незнание диалектно-

го слова искажает смысл, не дает возможности правильно понять авторскую идею. Например, в строчках Некрасова:

Приподнимая косулю тяжелую,
Баба поранила ноженьку голую...

Большинство современных читателей понимает слово *косуля* как уменьшительное от *косы*. Но деревенская женщина, не умеющая справиться с небольшой косой, едва ли может вызвать сочувствие. Нет, *косуля* — это разновидность сохи, тяжелого сельскохозяйственного орудия, предназначенного для вспашки земли, дела исконно мужского. Получается совсем другой образный ряд...

В строке *То бурла́ки идут бечево́й* Н. А. Некрасов, конечно, не искажает слово в угоду стихотворному размеру, а сознательно использует диалектизм. В говорах Поволжья существительные такого типа имеют ударение на суффиксе *-ак*: *рыба́ки*, *моря́ки*, *бурла́ки*.

Данные диалектологии используются и в криминалистике. Первый пример такого, казалось бы, неожиданного их применения приводит еще В. И. Даль. В одном из своих путешествий он встретился с двумя бродягами, под видом монахов собиравшими деньги с доверчивых попутчиков.

— Я удивился с первого слова, когда молодой сказал, что он вологжанин.

— Да откуда вы родом?

— Я тамодий, — пробормотал он едва внятно, кланяясь.

Только что успел он произнести это слово «тамодий» вместо «тамошний», как я поглядел на него с улыбкой и сказал: «А не ярославские вы, батюшка?» Он побагровел, потом побледнел, взглянул, забывшись, с товарищем и отвечал, растерявшись: «Не, родимый!» «О, да еще и ростовский!» — сказал я, захохотав, узнав в этом «не, родимый» необлывного ростовца. Не успел я произнести эти слова, как «вологжанин» мне бух в ноги: «Не погуби».

Они убедились в основательности моих познаний по части отечественного языкознания.

(Даль В. И. Говор)

Такие познания и сейчас используются при розыске и обнаружении преступников. Подобный пример находим, в частности, в книге В. Богомолова «В августе 44-го», в которой южный акцент разыскиваемого шпиона — одна из важных составных частей его словесного портрета.

Интересно, что в настоящее время при Министерстве внутренних дел Российской Федерации работает Фонетическая лаборатория,

исследования которой успешно используются в следственной практике, помогая выявлять, в частности, диалектные черты в речи подозреваемых.

Наконец, знание диалектологии практически необходимо всем носителям диалектных черт, стремящимся полностью овладеть нормами литературного языка. Соблюдение этих норм, правильная литературная речь — один из первых существенных показателей культуры. Однако нередко даже люди с высшим образованием, будучи хорошими специалистами в своей области знания, сохраняют в речи диссимилятивное аканье, [ɣ] фрикативное, [w] губно-губное и другие диалектные черты.

К сожалению, это встречается даже в речи политиков и телеведущих.

Отсюда очевидна необходимость усвоения основ диалектологии еще в средней школе и сознательной работы над своей речью.

Таким образом, диалектология является важной лингвистической дисциплиной, имеющей большое теоретическое и практическое значение.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Что такое диалектология? Каково значение терминов «говор», «диалект», «наречие», «диалектный язык»?
2. Каковы основные отличия говоров от литературного языка?
3. Охарактеризуйте специфику социальных диалектов и их отличия от диалектов территориальных. Приведите примеры из современных жаргонов.
4. На какие три большие группы можно разделить современные русские говоры? Какова территория их распространения?
5. По каким основным признакам противопоставлены северное и южное наречия? В чем специфика среднерусских говоров?
6. Что такое «диалектизмы» в языке художественной литературы? Какие писатели и с какой целью их употребляли? Приведите примеры.
7. С какими лингвистическими и нелингвистическими дисциплинами связана диалектология? Приведите примеры.
8. В чем практическое значение диалектологии?

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКИХ ГОВОРОВ

§ 1. История изучения диалектной лексики. Лексикография, типы словарей

Диалектные отличия в области *лексики* наиболее заметны, легко выявляются даже без специальной лингвистической подготовки, поэтому именно с лексики начинается изучение народных говоров, собственно зарождение диалектологии.

Своеобразие диалектной лексики хорошо видно на примере, который приводит писатель Лев Успенский в своей книге «Слово о словах»: «Да батько уж помешался, так ён на будворице орет, а matka — тая шум с избы паше». Это обозначает: отец закончил вторую вспашку поля и теперь копает огород возле избы, а мать выметает мусор из дома. (Интересно, что это образец псковского, т. е. среднерусского, говора.)

Особые местные слова отмечали писатели и ученые еще в XVIII в. (Ломоносов, Татищев, Барсов). Еще в Словаре Академии Российской (1785 — 1794) приводилось много диалектных слов.

В начале XIX в. в связи с ростом интереса к народной жизни, народному творчеству многие лингвисты, историки, писатели изучают быт, психологию крестьян, записывают и особые диалектные слова. Так параллельно зарождаются и развиваются две науки: этнография и диалектология.

В XIX в. составляются первые диалектные словари, которые не потеряли своего значения и в наше время. Это «Опыт областного великорусского словаря» (1852), «Дополнения к “Опыту”» (1868) и, конечно, известное творение В. И. Даля «Толковый словарь живого великорусского языка» (1863 — 1866), включающее более 200 тысяч слов. Он как бы подвел итог и завершил определенный этап в развитии русской диалектологии. В конце XIX в. и в первой половине XX в. больше внимания стали уделять фонетике, морфологии, а затем синтаксису и словообразованию.

Но в 1960-е годы лингвисты вновь вернулись к изучению лексики русских народных говоров. Был собран большой материал. Началось бурное развитие диалектной лексикографии. *Лексикографией* называется раздел языкознания, который занимается

составлением словарей. Соответственно, словарями говоров занимается диалектная лексикография.

Диалектные словари бывают, с одной стороны, монодиалектными или полидиалектными; с другой стороны — полными или дифференциальными.

Монодиалектными называют словари, отражающие лексику одного говора, обычно это говор одного населенного пункта. Это, например, «Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области)» или «Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области».

Особая разновидность монодиалектного — это **идиалектный** словарь, составленный на материале речи одного человека. Например, «Диалектный словарь личности», составленный В. П. Тимофеевым на основе записей наблюдений над языком одного диалектоносителя из Шадринского района Курской области.

Полидиалектный словарь содержит лексику, зафиксированную в ряде населенных пунктов, обычно относящихся к сравнительно однородному по языку региону. Это, например, «Псковский областной словарь», «Словарь русских донских говоров», словари брянских, смоленских и ряда других говоров. Для 1970 — 1990-х годов это самый распространенный вид диалектного словаря.

Собственно, к полидиалектным относятся и словари, авторы которых стремятся представить лексику всего русского диалектного языка. Это прежде всего многотомный «Словарь русских народных говоров», издание которого еще не закончено.

Полный диалектный словарь (который может быть и монодиалектным, и полидиалектным) должен содержать всю лексику говора, в том числе и общерусскую, территориально не ограниченную. Такими задуманы Архангельский и Псковский областные словари. Создание таких словарей представляет значительные технические трудности, прежде всего в силу их объема, поэтому более распространены дифференциальные словари.

Дифференциальный словарь должен содержать только такие слова, которые так или иначе территориально ограничены и не отмечены в литературном языке, т. е. в нем представлена собственно диалектная лексика. Такие словари сейчас преобладают.

Существуют также словари **тематические**, представляющие лексику профессиональную (например, связанную с льноводством, прядением и ткачеством, рыболовством или местными обрядами и обычаями).

Таким образом, к середине XX в. лексика русских говоров была изучена совершенно недостаточно, данный раздел диалектологии представлял собой совокупность разнородных фактов. В настоя-

щее время в результате большой практической и научной работы стало возможным сделать определенные выводы о характере диалектной лексики, наметить основные группы лексических диалектизмов.

§ 2. Типы диалектной лексики

Прежде всего всю лексику говоров (т.е. все слова, которыми пользуются жители той или иной местности) принято делить на три слоя, или на три большие (и неравные) группы.

1. Слова, общие для литературного языка и всех говоров, — общерусские. Например: местоимения *я, ты, он, мой* и др., все числительные, союзы, предлоги; такие существительные, как: *рука, нога, голова, земля, небо*; глаголы: *ходить, сидеть, стоять, жить, родиться* и т.д. Этими словами пользуются все носители русского языка.

2. Слова, общие для литературного языка и части говоров, например: *изба, чердак, петух, волк, лает, бодает* и многие другие. Эти слова не являются диалектными, но они территориально ограничены, т.е. встречаются не во всех русских говорах. Например, слово *петух* бытует в литературном языке и северных говорах, а в южных — ему соответствует *кочет*, литературному и северному *волк* — южное *бирюк* и т.д.

3. Слова собственно диалектные, местные, территориально ограниченные и не входящие в состав литературного языка. Например: *рогач (ухват), скородить (боронить), баской (красивый), лонись (в прошлом году)* и т.п. Эта группа представляет особый интерес для диалектолога, но в курсе диалектологии мы изучаем и лексику 2-й группы, т.е. для нас представляет интерес вся территориально ограниченная лексика.

Слова 3-й группы обычно называют диалектизмами (или лексическими диалектизмами).

Выделяют четыре типа **лексических диалектизмов**.

1. Собственно лексические диалектизмы. Это слова, корень которых отсутствует в литературном языке, т.е. «непонятные», требующие перевода, например: *порáто — очень, сильно, кáлика — брюква, брухáться — бодаться, баскóй — красивый*.

Эти слова имеют синонимы в литературном языке.

К этой же группе обычно относят так называемые этнографические диалектизмы, т.е. слова, обозначающие предметы, характерные для народного быта определенной территории.

Например: *понёва* — «вид женской одежды» (юбка в клетку) (рис. 1); *кíка, кíчка* — «определенного типа головной убор за-

мужней женщины»; *шушун* — «тип верхней женской одежды» (рис. 2); *ба́бка*, *суслóн*, *кубáч* — «виды укладки снопов сена».

Слова этого типа не имеют синонимов в литературном языке, так как называют предметы и явления, характерные только для сельского быта определенной местности. Некоторые лингвисты не считают их диалектизмами, так как это обычно единственные названия предмета.

2. Семантически е диалектизмы. Эти слова как бы омонимичны соответствующим словам литературного языка, т. е. само слово известно носителям литературного языка, но в говоре имеет другое значение.

Например, глагол *пахать* известен в литературном языке в таких значениях:

- «обрабатывать землю»;
- «резать крупными кусками» (*ну, напахала хлеба!*) — просторечие;
- «много и тяжело работать» (*пахал на него пахал, а он...*) — просторечие, жаргон.



Рис. 1. Южнорусский тип женской одежды — *понёва* : *поня́ва* : *пoнька*... — «разновидность юбки»



Рис. 2. Южнорусский тип верхней женской одежды — *шушун* : *шушпáн* : *шу́шка* : *косталáн* : *чупру́н* : *сукма́н* : *корoтыши* : *наве́ршник*

В северных же говорах этот глагол означает «подметать пол» (*Сейчас я пол подпашу — ляжете*, — говорит хозяйка пришедшим вечером в деревню диалектологам). В значении «пахать землю» в этих говорах употребляется глагол *орать*.

Слово *мост* в ряде говоров обозначает «сени». Известен курьезный случай, когда свекровь предложила молодой невестке *помыть мост*, а та покорно пошла с ведром и тряпкой на речку. Так, наличие семантических диалектизмов может приводить к недопониманию.

В 1970-е годы в Московской области были зафиксированы такие забавные примеры семантических диалектизмов: *самолет* (в контексте: *у моей бабушки самолет был*) — в значении самопряжи; *гейша* — «мужская зимняя верхняя одежда» и даже — *Мефистофель* (!) — «черная шелковая блузка».

3. Лексико-грамматические или словообразовательные диалектизмы.

Это слова, корни которых известны в литературном языке. Сами слова в общем понятны (не нуждаются в переводе), но иначе грамматически или словообразовательно оформлены, например: *ботбвь* — *ботва* и наоборот: *моркв́а* — *морковь*; *пету́н* — *пету́х*, *плагид́а* — *пакса*; *храпёж*, *придурство*, *прихлобучить* и подобные.

Иногда слова этой группы нуждаются в толковании, например: *уписка* — «регистрация брака», *орьба́* — «пахота» (производное от слова *орать*), *глядильцо* — «зрачок».

Это слова как бы промежуточные между собственно лексическими и словообразовательными диалектизмами, т.е. между 1-й и 3-й группами нет четкой границы.

4. Лексико-фонетические диалектизмы. Иногда их еще называют фонематическими. Это слова, отличающиеся от соответствующих литературных фонетическими особенностями, не обусловленными фонетической системой говора. Они представляют собой пеструю и довольно неопределенную группу. Сюда относят слова с немотивированными отличиями в составе фонем: *сусед* (*сосед*), *кумарь* (*комар*), *вышня* (*вишня*), *дйверь* (*деверь*) и подобные, — а также:

— с переносом ударения: *туча́*, *га́данье*;

— полногласием в соответствии с литературным неполногласием: *веред*, *беремя*, *солодкий*;

— метатезой: *бахмарá* — *бахрома*, *сахвоз* — *совхоз*, *шъпионы* — *шампиньоны*.

Лексике этой группы следует отличать от слов, отражающих особенности фонетической системы говора, например: произношение [хорошó] — это оканье, [иура] — [γ] фрикативное, [п'атух] — яканье и т.д.

§ 3. Основные тематические группы диалектной лексики

Лексика, как известно, наиболее непосредственно связана с общественной жизнью, бытом, трудовой деятельностью носителей языка. Принято выделять тематические группы диалектной лексики. Прежде всего это лексика терминологическая, отражающая специфику сельского труда и быта.

Рассмотрим несколько таких тематических групп.

Практически во всех говорах богато представлена лексика, связанная:

1) с земледелием, например: *пахотина* — «пахотная земля»; *пóжня* — «луг», «сенокосное угодье»; *паренина* — «земля под паром»; *жнитвина* — «сжатое поле»; *кошенина* — «скошенный луг»; *ржйще* — «поле, засеянное рожью»; *овсйще* — «поле, засеянное овсом»; *гон*, *переезд* — «часть поля, захватываемая пахарем от поворота до поворота»;

2) названиями построек и их частей (рис. 3), например: *изба* — «жилая часть крестьянского дома»; *мост* — «крыльцо, сени»; *пóдволока* — «чердак»; *вйшка* — «жилое помещение на чердаке»; *кут* — «часть избы за печью»; *повёт* — «сеновал над хлевом»; *закута*, *котух*, *омишник* — «помещения для скота» и др.;

3) особенностями местного ландшафта, например: *ляда*, *лядина* — «мелколесье»; *кулига* — «частый молодой лес»; *кóрба* — «сырой ельник»; *левада*, *пóжня*, *покóс*, *ляга*, *рель* и др. — наименования луга; *вязель*, *моховина*, *мочеляга*, *жидель*, *зыбняк* — болота; *враг*, *промбина*, *водомбина*, *круча*, *яруга*, *баяна* — оврага и др.

В тех деревнях, где когда-то существовали или еще сохраняются народные промыслы, бытует и соответствующая лексика, например: *силака*, *скóлон*, *скáльница*, *схвátка*, *вйшка*, *мотáльница*, *копейка* — слова, связанные с плетением кружев; *качáлка*, *круг*, *рогулька*, *кудэля с донцóm* — называют самопряжу (вид прялки) и ее части (рис. 4); *ниты*, *набйлки*, *бердо* (или *бёрдо*), *кобылка*, *зев*, *кобелёк-рябушка* и др. — ткацкий стан и его части.

К сожалению, объем данного учебника не позволяет достаточно полно осветить многообразие диалектной лексики. Необходимо лишь отметить, что сохраняется еще в говорах большое количество слов, связанных с народными обычаями, обрядами, особенно со свадебным обрядом (например, названия свадебных чинов: *дружбóк*, *полудружка*, *поезжáлки*, *шаферит* и др.).

Для говоров характерна детализация наименований. Одному слову литературного языка могут соответствовать несколько, а то и несколько десятков диалектных слов. Так, для наименования

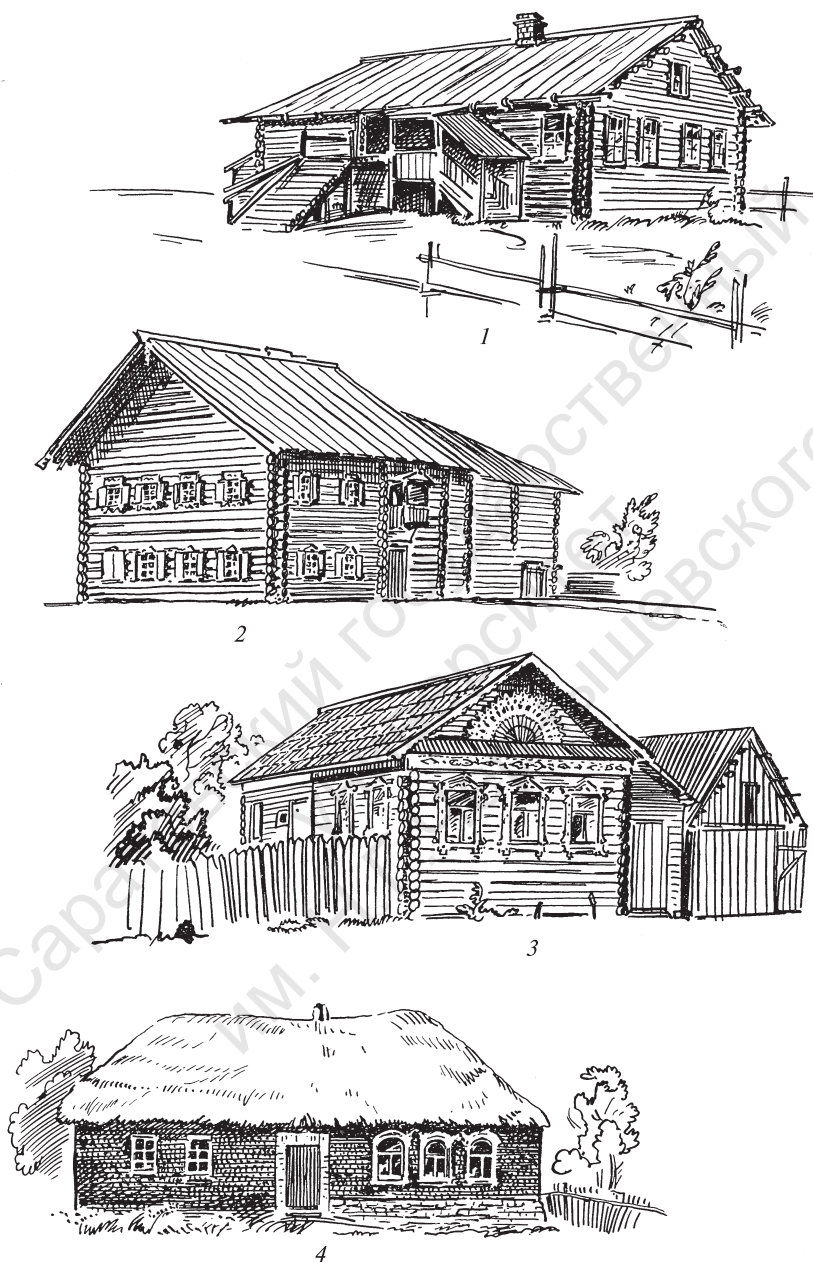


Рис. 3. Типы крестьянской постройки:

1, 2 — севернорусский тип постройки; 3 — среднерусский тип постройки; 4 — южно-русский тип постройки



Рис. 4. Женщина за прялкой

жеребенка, молодой лошади бытуют термины: *сосун*, *сосунок*, *сеголёток*, *селёток* — «жеребенок до первого года»; *стригун*, *лоншак*, *молодяшка* — «жеребенок от года до двух лет»; *третьяк*, *боронка*, *учка* — «от двух до трех лет»; *четвертак*, *соха* — «от трех лет».

Только на территории Псковщины отмечено более 300 (!) болотоведческих терминов, многие из них произошли от древнего корня «багно»: *багно*, *багнецо*, *баговинье*, *багнеще* и др.

В лексике говоров при большом количестве слов, обозначающих видовые понятия, может отсутствовать слово, обозначающее соответствующее родовое понятие.

Так, отсутствует общее название для укладки злаков, сена или соломы, а существует (вернее — еще недавно существовала) строгая детализация названий укладок в зависимости от размера и формы: *сноп* — «малая связка ржи при жатве», затем *крестец*, *копна*, *одбнье* и наконец *скирд* — «самая большая укладка ржи»; сено складывалось в *стога*, солома — в *омёты*. Интересно, что когда в связи с механизированной уборкой исчезает необходимость в этих словах, то их значение постепенно забывается. Так, словом *кладушка* в одной деревне называют «большую укладку снопов», а в другой, соседней — «маленькую»; *крестец*, по словам одних, состоял из четырех снопов, других — из 13 или 17, третьих — из 60 (!). Эти примеры ясно показывают тесную связь лек-

сики с бытом, общественной жизнью, иллюстрируют изменения, происходящие на наших глазах.

§ 4. Системные отношения в лексике говоров

Для говоров характерны явления, которые существуют в любой лексической системе: многозначность (полисемия), омонимия, синонимия, антонимия.

Многозначными в говорах чаще бывают общенародные слова, так как собственно диалектная лексика в связи с отмеченной выше дифференцированностью наименований близка к терминам. Многозначность часто возникает под влиянием литературного языка, например: у слова *погода*, имевшего в говоре значение «плохая погода, ненастье», появляется и более широкое значение: «погода вообще, состояние атмосферы».

Омонимия в современных диалектах также активно развивается в результате взаимодействия с литературным языком и другими говорами. Например, диалектное *вискi* (*волосы*) начинает употребляться в литературном значении «часть черепа от уха до лобной кости»; *болтун* — «яйцо, из которого не вылупись цыпленок» и *болтун* — «чрезмерно разговорчивый человек». Собственно все семантические диалектизмы (см. выше) становятся омонимами при усвоении одинаково звучащих литературных слов: *самолет* — «вид самопряхи» и «летательный аппарат»; *черепаха* — «часть дымохода, составленная из черепицы» и «животное». Реже омонимы возникают в самом говоре. Так, слово *векша* в значении «вековуха, старая дева» оказывается омонимом к *векша* — *белка* в тех говорах, где последнее слово употребительно.

Широко представлено в современных говорах явление **синонимии**. Синонимами могут быть слова, практически тождественные по значению и стилистически нейтральные, например: *загнёток* — *шесток* [пастáф' нъ шасток, нъ заун'ётку]; *бабка* — *отбой* [адб'ивáиут на бáпк'ь, ил'ь нъ адббiе ишó скáжут]; *кут* — *запéчек* — *примост* [вaz'м'и в зап'еч'к'ь] [ишó пр'имос йёвó звáл'и, кут; што кут, што пр'имос вóзл'е п'еч'к'и] (рис. 5).

Синонимы могут возникать и при усвоении литературной лексики. Тогда они приобретают определенную стилистическую окраску: старое слово воспринимается как разговорное, стилистически сниженное; литературное, новое — как правильное, книжное: *курушка* — *наседка* [эть нас'ётк'ь с цыпл'атъм'и, у нас курушк'ь завúт]; *рогач* — *ухват* [ухвát клад'от..., а рáн'шь рауáч' звáл'и].

Иногда в говоре может выступать не пара, а цепочка синонимов: *квашня* — *подбойка* — *гуца* — *закваска* [квашн'á — эть

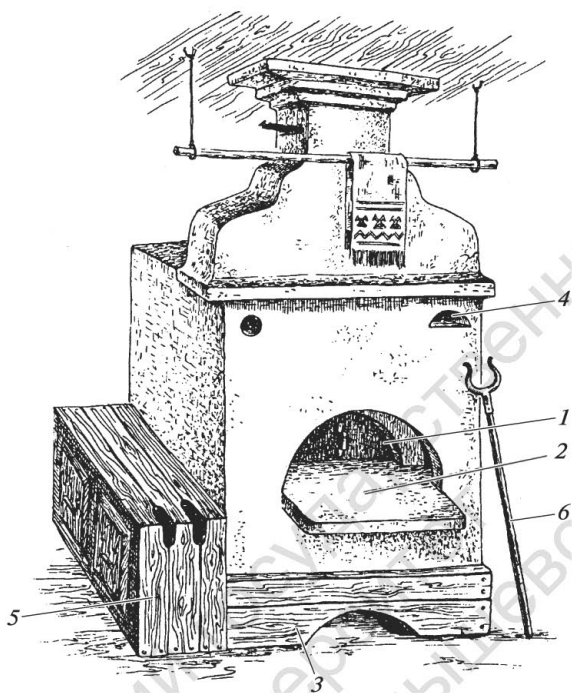


Рис. 5. Русская печь (бигая печь):

1 — чело; 2 — припечек; 3 — опечек; 4 — печурка; 5 — залавок (длинный ящик с подъемной крышкой для хранения продуктов, посуды); 6 — ухват

падббикъ дл'ь т'еста, хлеб патхóд'ит ат жей, а у нас нзывáют уúш'а, заквáска].

Среди синонимов выделяется группа полных, абсолютных синонимов, или дублетов, которые называют вариантами слов. Они совершенно тождественны по значению, сходны по материальному оформлению, но имеют некоторые различия в звуковом или морфемном составе, не обусловленные системой. В литературном языке такие случаи сравнительно немногочисленны, например: *ноль* — *нуль*, *матрас* — *матрац*, *твóрог* — *творóг*, *зал* — *зала*, *волчиха* — *волчица* и подобные. В говорах явление вариантности распространено гораздо шире. Так, в пределах одного подмосковного говора были отмечены такие фонетические варианты: *рубéль* — *рубíло*, *тубатéрка* — *табатíрка*, *дбйник* — *дойнiк*, *хоровóд* — *коровóд* — *куровóд* и несколько десятков (!) других.

Распространены также морфологические варианты: *дбйник* — *дбйница*, *рубéль* — *рубéльник*.

Отмечают цепочки слов, имеющих одно значение: *жнёвь — жнёвень — жнёвень — жнивó — жнитвó — жніввище*; *задóхлик — задóхлѣц — задвóхолька* («не вылупившийся из яйца цыпленок») и ряд других.

Такое широкое распространение явления вариативности, видимо, связано с неопределенностью понятия нормы в говорах. Как писал видный диалектолог И. А. Осовецкий: «Контуры нормативности в диалекте неопределенны, поэтому в нем создается благоприятная почва для возникновения вариантов различного типа»¹.

§ 5. Противопоставленные диалектные различия

От синонимов, бытующих в одном говоре, следует отличать слова с одинаковым значением, употребительные в пределах диалектного языка в целом. Они относятся к противопоставленным диалектным различиям и учитываются при характеристике наречия и анализе конкретного текста. Традиционно принято противопоставлять группу слов, по которым различаются северные и южные говоры. Это например:

Северное	Южное
изба́	ха́та
черда́к	потоло́к
ухва́т	рога́ч
сковоро́дник	ча́пельник
квашня́	дежа́
ковш	корѣц
сарафа́н	понѐва
косу́ля	соха́
назе́м	навóз
волк	бирю́к
пету́х	ко́чет
ора́ть	паха́ть
бодáться	бруха́ться
борони́ть	скороди́ть

¹ Осовецкий И. А. Лексика // Фонетика современного русского литературного языка / под ред. М. В. Панова. — М., 1968. — С. 143.

Бросается в глаза, что северная лексика в большинстве случаев совпадает с литературной, а южная отличается от нее, но для диалектолога важно, что и та и другая являются территориально ограниченными.

Приведенные примеры неоднородны. В некоторых случаях противопоставленные лексемы полностью тождественны по своему значению и характерны для всего северного или южного наречия, например: *петух* — *кбчет*, *сковорбдник* — *чппельник*, *боронить* — *скородить*. В других случаях противопоставленное слово употребляется не на всей территории распространения наречия, а на ее части. Так, слово *бирюк* отмечено не во всех южных говорах, но только в них. Северному *ухват* соответствует в южном наречии не только *рогач*, но и *емки* или *ёмки*. Некоторые приведенные выше пары слов обозначают не вполне тождественные предметы. Так, *изба* и *хата* существенно различаются по своим этнографическим признакам, общее у них только понятие «деревенское жилище»; *сарафан* и *понёва* вообще обозначают разные виды женской одежды, но поскольку сами предметы характерны для разных территорий, то их названия рассматривают *сарафан* как северное, а *понёва* как южное соответственно. Следует еще учитывать, что слова, обозначавшие предметы старого быта или связанные с исчезнувшими способами хозяйствования, активно уходят из языка современной деревни, сохраняясь лишь в речи лиц самого старого поколения.

§ 6. Диалектные фразеологизмы

В говорах отмечается и значительное количество специфических фразеологизмов, т. е. можно говорить о диалектной фразеологии, но этот раздел диалектологии изучен менее всего, поэтому ограничимся лишь некоторыми примерами.

Фразеологизмы в говорах строятся по общерусским моделям. Наиболее распространены следующие модели: существительное + прилагательное (*солоцкий человек* — *обжора*, *потная погода* — *оттепель*, *засиделая дева* и подобные); глагол + управляемое существительное (*сидеть в гнилушках* — «скучать», *солнышко глотать* — «зевать», *зуб съест* — «хорошо знать свое дело»). Интересны обороты тавтологического характера: *ходнем ходить*, *литма лететь*, *болтни болтать* и подобные. Некоторые фразеологизмы отражают быт, верования, обряды старой деревни, включая диалектные или устарелые слова: *в самородных сапогах* — *босиком*; *глаза, как на ворббах* — «внимательный, зоркий взгляд» (*ворббы* — «вращающаяся деталь ткацкого стана»); *осколки съест* — «получить отказ во время сватовства»; *крапивное*

заговение — «обряд, связанный с праздником Ивана Купалы» и др.

Но образуются и новые обороты, отражающие современные реалии: *на ученый ум — со знанием дела, ходить с десятикласской — иметь среднее образование, пустыри раздирать — поднимать целину* и др.

Как и в литературном языке, фразеологизмы обычно экспрессивны, эмоционально окрашены: *клюквой торговать* — «скушать» (*что же ты сидишь клюквой торгуешь, шел бы ты в клуб*), *грязный пупок* — «неряха», *в мах реветь* — «громко плакать» и т. п. В целом диалектная фразеология еще нуждается в серьезных исследованиях.

В заключение следует отметить, что именно лексические диалектизмы наиболее широко используются в языке художественной литературы. Вспомним еще раз произведения И. С. Тургенева, С. А. Есенина, М. А. Шолохова, В. Белова, Ф. Абрамова и многих других. Процесс взаимовлияния лексики литературного языка и диалектов продолжается и в наше время. Знание диалектной лексики обогащает язык современного человека, зачастую оторванного от национальных корней и засоряющего свою речь нелепыми американизмами и жаргонизмами.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Какова история изучения диалектной лексики? Какие вы знаете типы диалектных словарей и конкретные словари?
2. На какие три группы принято делить всю лексику говоров?
3. Какие четыре типа лексических диалектизмов можно выделить? Приведите примеры.
4. Расскажите о тематических группах, характерных для диалектной лексики. Приведите примеры.
5. Опишите особенности явлений полисемии, омонимии, синонимии в говорах.
6. Какие лексические единицы обычно рассматриваются как противопоставленные и учитываются при характеристике наречий русского языка? Приведите примеры слов, характерных для северного и южного наречий.

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКИХ ГОВОРОВ

Фонетика — наиболее изученная, разработанная часть русской диалектологии. В результате многолетних исследований удалось установить, что фонетические различия носят системный характер и играют существенную роль при группировке русских говоров. Поэтому в курсе диалектологии изучение фонетических особенностей и фонетических систем говоров занимает сравнительно большое место.

При изложении материала этой главы исходим из основных положений Московской фонологической школы в ее традиционном (классическом) варианте¹, которые известны студентам из курса «Введение в языкознание».

§ 7. Система гласных фонем в русских говорах. Ударный вокализм

В системе гласных фонем есть черты стабильные, устойчивые, общие для всего русского языка. Это различие гласных по подъему, наличие или отсутствие лабиализации, зависимость качества гласного от качества соседних согласных, варьирование качества гласного в зависимости от положения по отношению к ударению.

Практически во всех современных русских говорах имеются те же пять гласных фонем, которые присущи литературному языку: <и>, <э>, <а>, <о>, <у>. Однако по говорам наблюдаются и определенные отличия в системе ударных гласных.

Прежде всего следует уточнить понятие сильной позиции, т. е. позиции максимального различения. Для литературного языка такой позицией принято считать положение под ударением. Но в некоторых северных говорах гласные так же четко различаются в

¹ См.: Реформатский А. А. Из истории отечественной фонологии. — М., 1970.

безударном положении, как и под ударением (например, качество всех гласных слова [хорошó] в говоре с полным оканьем на слух практически одинаково). Поэтому некоторые исследователи склонны считать для таких говоров сильной любую позицию гласного.

Кроме того, также в основном в северных говорах соседние мягкие согласные могут оказывать такое большое влияние на характер ударного гласного, что его качество существенно изменяется, и возникают варианты фонем (перекрещивающиеся чередования) в положении под ударением, т. е. ударная позиция оказывается слабой. Например, во многих северных говорах <a> между мягкими согласными под ударением совпадает по звучанию с <э>. Так, звуковой комплекс [п'ет']¹ может означать и «петь», и «пять», т. е. в ударной позиции оказывается возможным совпадение двух фонем в общем варианте.

Таким образом, не всякая ударная позиция оказывается сильной для некоторых говоров.

Исходя из всего этого, в понятие сильной позиции гласного для всего русского языка вводится некоторое уточнение: это положение под ударением, но не между мягкими согласными (например: *дом, дам, дул, дело, удил*), или в начале слова (*он, ах, ух, это, имя*), или в позиции абсолютной изоляции: *а* (союз), *о!* (междометие), *у* (предлог), *э!* (междометие), *и* (союз). Основные пять гласных фонем, имеющиеся в русском литературном языке, отмечаются во всех русских говорах (правда, отношения между ними и конкретное звучание могут быть различными).

Какие же диалектные отличия возможны по говорам в ударной позиции? Отличия в ударном вокализме могут быть:

- 1) в самом составе (количестве) фонем;
- 2) в системе фонем, т. е. в их отношении друг к другу;
- 3) в качестве отдельных звуков, реализующих те или иные фонемы.

Диалектные отличия в составе гласных фонем

В некоторых говорах, как северных (вологодских, кировских), так и южных (рязанских, брянских, воронежских), встречается особая фонема, которую принято изображать знаком *ê* или *Ѣ*. Она может иметь в говорах несколько разное звуковое выражение: это или различные оттенки повышенного, напряженного [э] [ê], или звук типа дифтонга [иэ]: [л'êс], [д'êло], [с'м'êх] или [л'иес], [д'иело], [с'м'иех]. Но во всяком случае, это звук, отличный от [е],

¹ Знаком *e* здесь и далее обозначаем звук [э] согласно традиции, сложившейся при записи диалектных текстов.

причем это отличие играет смысловозначительную роль, например: [б'иес] — существительное и [б'ес] — предлог, [в'иес'т'] и [в'ес'] и подобные. (Следует отметить, что перед [е] возможно неполное смягчение согласных: [гус'еи̯], но [се̯и̯].)

Таким образом, в ряде говоров в соответствии с одной фонемой <e> литературного языка существует две фонемы: <e> и <ê> (э закрытое). Особая фонема <ê> отмечается, как правило, только в тех позициях, где в древнерусском языке был особый звук, обозначавшийся буквой Ѣ (ять). (Поэтому сейчас некоторые лингвисты обозначают эту фонему буквой Ъ.) Фонема <Ъ> была когда-то характерна для всего русского языка, но начиная с XIII — XIV вв. стала постепенно утрачиваться в ряде говоров, совпадая в произношении или с <e> (например, в смоленских говорах), или с <i> (в новгородских говорах). В московском говоре, как предполагают большинство лингвистов, особый звук на месте <Ъ> сохранялся до XVIII в., а позже заменился звуком [е]. Утрачен он и в литературном языке (сама буква Ѣ была упразднена орфографической реформой 1918 г.). Но в некоторых диалектах особая фонема на месте старого Ѣ сохранилась. В них, соответственно, на одну гласную фонему больше, чем в литературном языке.

В некоторых русских говорах, причем как в северных, так и в южных, отмечается особая гласная фонема, которую изображают знаком ô или w. Она может реализоваться в звуках типа более или менее закрытого, напряженного [o] — [ô] либо в звуках дифтонгического характера (yo): [вôл'а], [с'елô], [кôт] или: [вуол'а], [с'елуô], [куот]. При всем многообразии конкретных звучаний это во всяком случае звук, отличный от [o], причем это отличие играет смысловозначительную роль, например: [вôн] — указательное местоимение (*вон стоит...*), [вон] — наречие (*иди вон!*), [сл'епôи̯] — прилагательное мужского рода [сл'епби̯ старик], [сл'епôи̯] — женского рода [у сл'епби̯ старухи]; [мох] — существительное, [мôх] — глагол прошедшего времени [н'и мôх нест'и̯...].

Таким образом, в некоторых говорах (вологодских, Кировских, рязанских) одной фонеме <o> как в литературном языке соответствуют две фонемы <o> и <ô> (o закрытое).

Наличие <ô>, как и <ê>, — черта архаическая, объясняется историческими причинами. Когда-то в древнерусском языке ударение было не динамическое (экспираторное), как сейчас, а музыкальное, тоновое. Гласные различались не силой и длительностью, а высотой тона, причем ударный гласный мог быть под восходящей или нисходящей интонацией. Поэтому <ô> возникает (и сохраняется) лишь там, где в древности было <o> под восходящим ударением. Остатки старых интонационных различий прослеживаются в современном русском литературном языке, однако обыч-

но не осознаются говорящими, так как не играют смысловозначительной роли, ср.: *ворóна* (восходящая интонация) — *вóрон* (нисходящая). (Соответственно, в говоре с последовательным сохранением <ô> произнесут: [ворóна] и [вóрон].) Следует отметить, что <ô> отмечается только в ударной позиции и никогда не встречается на месте старого [ъ]: [селô], но [селóm] — [из селъмь].

В тех говорах, где есть особая фонема <ω> (<ô>), соответственно на одну гласную фонему больше, однако последовательное сохранение <ô> в современных говорах встречается довольно редко. Обычно старое произношение типа [кôт], [селô], [корôва] и подобное сосуществует с произношением [кот], [селó], [корóва], носит реликтовый характер, иногда лексикализуется. Специфически диалектные гласные фонемы <ѣ>, <ω> (<ê>, <ô>) реализуются в гласных звуках верхнесреднего подъема (<е> — переднего, <о> — непереднего ряда). Поэтому в говорах, в системе вокализма которых есть <ê>, <ô>, следует различать не три, а четыре подъема: верхний, верхне-средний (или средне-верхний), средний и нижний.

Таблица гласных для говора с семифонемным составом дана ниже (табл. 1). (Далее в подобных случаях таблицы даются в упрощенном виде.)

Таблица 1

Подъем / Ряд	Передний	Средний	Задний
Верхний	и		у
Верхнесредний	ê		ô
Средний	е		о
Нижний		а	

Например: [л'йст], [úхо], [л'êс], [порôда], [кр'êст], [гôды], [рады] и подобные.

Такой состав гласных фонем отмечен как в северных, так и в южных говорах, например в некоторых населенных пунктах Вологодской, Рязанской, Воронежской областей. Однако в настоящее время такая система сохраняется не вполне последовательно, в основном в речи старшего поколения.

Возможны и говоры с шестифонемным составом гласных:

и	у
ê	—
е	о
а	

Например: [л'йст], [у́хо], [л'ёс], [кр'ёст], [порóда], [гóды], [ра́ды].

Такие системы отмечены также в основном в Вологодской, Кировской, Новгородской, Воронежской, Рязанской областях, но распространены несколько шире, чем системы с семифонемным составом гласных.

Однако наиболее распространенными являются сейчас говоры с пятифонемным составом гласных:

и	у
е	о
а	

Например: [л'ист], [у́хо], [л'ес], [кр'ест], [порóда], [гóды], [ра́ды] и т. д.

Такая система характерна для большинства северных и южных говоров и является типичной для всех среднерусских говоров. Она не отличается от литературной по составу гласных фонем, однако отношения между фонемами внутри системы могут иметь некоторые различия.

Диалектные различия в системе ударных гласных

В некоторых говорах (например: рязанских, смоленских) невозможно (или почти невозможно) произношение [о] после мягких согласных. В соответствии со звуком [о] литературного языка там произносят [е]: [кл'ён], [ав'ёс], [б'ер'ёза], [ид'ём] и т. д.

Эта диалектная черта является архаической, объясняется историческими причинами и называется отсутствием перехода [э] в [о]. Дело в том, что в древнерусском языке первоначально [о] не мог употребляться после мягких согласных, [е] — после твердых, т. е. исконным было произношение [кл'ень], [ов'есь], [б'ер'еза] и подобные. После падения редуцированных, примерно в XIV в., большинство русских говоров охватил фонетический процесс, названный переходом [э] в [о]. Он заключался в том, что гласный [э] в положении после мягкого согласного перед твердым под ударением изменился в [о]: [кл'ёнъ] > [кл'енъ] > [кл'онъ] и подобные¹. Впоследствии по аналогии [о] мог возникнуть и перед мягким согласным [кл'онъ] — [на кл'он'е], [ид'омъ] — [ид'от'е]. Однако, ви-

¹ Подробнее этот фонетический процесс изучается в курсе исторической грамматики.

димо, этот процесс охватил не все говоры, во всяком случае результаты его в некоторых современных диалектах могут отсутствовать. Правда, в настоящее время почти нет говоров, в которых отсутствие перехода [э] в [о] наблюдалось бы последовательно. Чаще [е] в соответствии с литературным [о] отмечается в определенных формах, например: [ид'эт], [н'ес'эт], [ид'эт'е], [н'ес'эт'е], [мешечек], [горшечек]. Иногда, наоборот, [о] на месте этимологических *e*, *ь* распространено в говорах более последовательно, чем в литературном языке, например: [л'обшч] — *лещ*, [д'бржим], [кр'бст] и подобное.

В тех говорах, в которых отсутствуют результаты перехода [э] в [о], гласные [е] и [о] представляют собой разновидности одной фонемы, так как не встречаются в одинаковых позициях: [о] возможно только после твердых, а [е] — только после мягких согласных. Однако, как уже говорилось, такие говоры сейчас крайне редки.

Во многих северных говорах наблюдается изменение [а] в [э] под ударением между мягкими согласными, схематически такой переход обозначается: т'át' > т'эт', т.е. произносят: [гр'ес'], [з'эт'], [вз'эт'], [оп'эт'], [м'еч'ик], [ч'ейн'ик] и т.п. Эта фонетическая черта широко распространена на основной территории северного наречия.

Большинство лингвистов считают ее сравнительно новой и объясняют чисто фонетически: обычная для русского языка передвижка гласного между мягкими согласными вперед и вверх здесь настолько усиливается, что звук переходит в зону образования [е]. Но в результате возникают перекрещивающиеся чередования фонем <a>||<e>, <a> между мягкими согласными теряет свои смысловозначительные признаки, ударная позиция становится слабой.

В некоторых говорах (наиболее устойчиво — в вологодских, но отмечается и в отдельных северо-западных) наблюдается изменение [е] или [ê] под ударением между мягкими согласными в [и] (т'et' или тêt' > т'ut'), например: [с'ено] — [на с'йн'е], [д'эт] — [о д'йд'е], [зв'ыр'], [в'йт'ер], [м'йс'ац] и т.п. Произношение [и] в соответствии с [е] (точнее [ê]) литературного языка наблюдается, как правило, на месте этимологического Ё и связано с историей изменения этой фонемы, однако основная причина здесь, вероятно, та же, что и в предыдущем случае: изменение качества звука под влиянием соседних мягких согласных. В результате возникают перекрещивающиеся чередования фонем <e>||<и>.

В некоторых южных говорах наблюдается произношение звука [о] в соответствии с исконным [а] в таких словах, как *вóрит*, *тóщит*, *кóтит*, *плóтит*, а также иногда после мягких согласных: [потр'бс], [запр'бг], [п'бтны] — *пятна* и некоторых других.

Это явление связывают обычно с изменением глагольного ударения и аканьем. Безударное [a] в формах [вар'ит'], [сал'ит'] и подобных стало осмысляться как вариант фонемы <o>, а не <a> ([вар'ит'] — [в'ор'ит], как [вад'а] — [в'оды]).

Диалектные различия в качестве звуков, реализующих ударные гласные

При тождестве систем гласных фонем реальное качество звуков, в которых они реализуются под ударением, может быть различным.

Например, при семифонемном или шестифонемном составе гласных на месте <ω> может выступать или собственно [ô], т. е. [o] более высокое и напряженное, чем, например, в литературном языке, или дифтонг [yo]; на месте <Ѣ> как [ê], так и [ie]. Эти дифтонги характеризуются более высоким подъемом в начальной фазе артикуляции с понижением к концу. Дифтонгические звучания возможны в некоторых говорах и в соответствии с фонемами <o>, <e>, но они характеризуются обратной последовательностью: степень подъема в начальной фазе более низкая, чем к концу, т. е. произносится [ou], [ei]: [гоут] (*год*), [в'еирх] и т. п. Такое произношение часто не фиксируется наблюдателями, так как не имеет смысловозначительного значения.

В некоторых говорах (например: воронежских, липецких) под ударением наблюдается семь (или шесть) гласных фонем при отсутствии «закрытых» или «повышенных» гласных. Здесь на месте <w> и <Ѣ> произносятся звуки среднего подъема, близкие по качеству к [o], [e] литературного языка, а гласные фонемы <e>, <o> характеризуются пониженной артикуляцией, т. е. образуются в зоне средне-нижнего подъема. Так, в словах типа *год*, *кусок*, *сын* на месте <o> произносится звук заднего ряда средненижнего подъема, слаболабиализованный, близкий акустически к английскому [o] (например, в слове *dog*). В словах типа *отец*, *верх*, *весь* на месте <e> произносится звук переднего ряда средненижнего подъема, вызывающий неполное смягчение предшествующего согласного: [ат'ец], [в'ерх], [в'ес'] и подобные.

Возможен еще целый ряд тонких отличий в качестве ударных гласных по говорам, говорить о которых в пределах данного учебника не представляется возможным.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Каковы диалектные отличия в составе гласных фонем? Какие гласные, отсутствующие в литературном языке, сохраняются в говорах?

2. Какова история гласной фонемы <ê>? В каких звуках она может реализоваться в современных говорах?
3. Какова история фонемы <ô>? В каких говорах она встречается и в каких звуках реализуется?
4. Какое диалектное явление называют «отсутствием перехода е в о»? В чем оно выражается и где встречается? Приведите примеры.
5. Опишите изменения в качестве ударных гласных, которые могут происходить в положении между мягкими согласными. Приведите примеры.

§ 8. Безударный вокализм

Из предыдущего параграфа видно, что диалектные различия в ударном вокализме сравнительно немногочисленны и не связаны с противопоставлением основных наречий и групп говоров. Значительно более существенны для русского языка отличия в системе безударного вокализма, т. е. в типах реализации гласных фонем в слабых позициях.

Отметим, что вопросы, связанные с ударением и интонацией в русских говорах, еще недостаточно изучены, в последние годы они исследуются с применением инструментальных методов, но пока нет достаточно ясной картины для всех русских говоров, поэтому мы подробно останавливаться на них не будем.

В целом русскому языку свойственно динамическое (экспираторное) ударение, при котором ударный слог характеризуется большей силой и длительностью, чем все остальные, произносится с большим напряжением органов речи. В связи с этим формируется ритмо-метрическая структура слова. Для литературного языка она определяется так называемой «формулой Потемби»: соотношение слогов в слове 1, 2, 3, 1 [мѣ₁л₂д₃а₁и₁]. В говорах типы ритмо-метрической структуры могут быть различными, например: [погов₂ор₂и₂ли] — во многих северных говорах, [подош₁л₃и] — в онежских говорах. Как показывают исследования, есть даже такие говоры, где первый предударный слог сильнее ударного¹. Но во всяком случае, для большинства русских говоров, как и для литературного языка, характерно явление редукции гласных в безударном положении, с которым связано многообразие диалектных систем безударного вокализма. Количество безударных позиций в слове довольно значительно. Это положение в предударных слогах (среди которых особое место занимает I предударный) и в за-

¹ См., например: В ы с о т с к и й С.С. Определение состава гласных фонем в связи с качеством звуков в севернорусских говорах // Очерки по фонетике севернорусских говоров. — М., 1967; В ы с о т с к и й С.С. К проблеме изучения вокализма южнорусских говоров // Русские говоры. — М., 1975.

ударных, в которых следует различать слоги конечные и неконечные; открытые и закрытые; в начале слова, после твердых или мягких согласных, после шипящих, перед твердым, мягким или шипящим согласным. Все это многообразие позиций необходимо учитывать при характеристике безударного вокализма, но существуют некоторые общие закономерности, которые позволяют выделить определенные типы безударного вокализма. При рассмотрении этого вопроса особый интерес представляют гласные неверхнего подъема <a>, <o>, <e>. Гласные фонемы <ê>, <ô> в безударном положении не сохраняют своих различительных признаков, выступая, соответственно, в тех же разновидностях звучания, что и фонемы <e>, <o>.

Гласные верхнего подъема <i>, <ы>, <y> в большинстве говоров, как и в литературном языке, в безударном положении подвергаются лишь некоторой количественной редукции, сохраняя свои смыслоразличительные признаки, например: [йзбы] — [изба́], [бы́л'и] — [была́], [у́мный] — [умна́], [л'уд'и] — [л'уд'еи] и т. п. Однако в некоторых случаях возможны и качественные изменения гласных верхнего подъема. Так, в восточных среднерусских говорах во II предударном и заударном закрытом слогах часто наблюдается качественная редукция <i>, <y>, например: [мъжык'и́], [съндук'и́], [бкын'] — *окунь*, [ч'ел'вст'и] — *челюсти* и подобные. Эта фонетическая особенность проникает сейчас и в московское просторечие. Интересно, что студенты-первокурсники часто транскрибируют слова [ба́бьшка], [вы́п'ыл] и подобные как примеры литературного произношения.

В некоторых юго-западных говорах с диссимилятивным аканьем (см. ниже) гласный [ы] в I предударном слоге может несколько изменяться, становясь ниже по подъему и таким образом совпадая в общем варианте с <a>: [бы́ла] и даже [бАла́] — *была*, [бька́] (от *бок* и *бык*).

Однако системы безударного вокализма русских говоров в основном определяются характером реализации гласных неверхнего подъема. По характеру реализации гласных неверхнего подъема в безударном положении различаются две противопоставленные системы: оканье и аканье.

Оканье

Оканье — это различие в безударном положении гласных неверхнего подъема или (что одно и то же) — сохранение безударными гласными неверхнего подъема своих различительных признаков. Практически термин «оканье» чаще понимается в более узком смысле, как различие гласных [a] и [o] в безударном по-

ложении после твердых согласных, например: [водá] — [травá], [совá] — [самá]. (Следуя традиции, в данном параграфе рассматриваем лишь это положение.)

Оканье характеризует все северное наречие, являясь его наиболее яркой отличительной чертой, и северную часть среднерусских говоров.

Принято различать два типа оканья: полное (или архаическое) и неполное. При полном оканье гласные различаются во всех позициях: [водá], [посидéл], [ста́до] — [травá], [самол'óт], [кб́шка]. Полное оканье характерно для большей части северных говоров. Оно распространено в таких областях, как Архангельская, Вологодская, Кировская, частично в Костромской, Новгородской, Ленинградской областях. Полное оканье называют также архаическим, поскольку это древнейший тип безударного вокализма.

При неполном оканье гласные [а] и [о] различаются только в I предударном слоге, а в остальных безударных положениях совпадают в общем варианте, звуке среднего ряда, среднего подъема, который в транскрипции принято обозначать знаком [ъ], например: [м'ьлокóб], [с'ьмол'óт], [гóбрьт], [собáкъ], [болóтъ], [п'ьгъвор'íл'и] и т.п. Неполное оканье сейчас характерно в основном для восточной части среднерусских говоров (Владимирской, Ярославской, Горьковской областей), а также южной части Новгородской и Ленинградской областей, северной части Тверской области.

Неполное оканье — система, сложившаяся позднее, чем полное, возникающая (и активно складывающаяся сейчас) в тех говорах, в которых принцип полного оканья разрушается и происходит постепенный переход к системе неразличения гласных в безударном положении.

Общим для полного и неполного оканья является то, что в позиции I предударного слога гласные [о] и [а] сохраняют свои отличительные признаки: [травá] — [дровá], [самá] — [совá] — одинаково в любом окающем говоре.

Конкретное качество звука, в котором реализуется фонема <о>, может быть различным: от звука, сильнолабиализованного, повышенного по подъему, имеющего дифтонгоидный характер [о^у], до звука, более открытого, несколько пониженного по подъему, менее лабиализованного, чем [о] ударное [о^а]. «Чистое» [о], практически не отличающееся на слух от ударного, отмечается, например, в новгородских, вологодских говорах: [горá], [пошлá], [ход'íл] и т.п.

В архангельских говорах предударный [о] обычно слаблабиализованный, «нечеткий»: [го^арá], [по^ашлá] и подобное. Произношение типа [го^урá], [по^ушлá], [во^удá] особенно характерно для владимирско-поволжских говоров, в некоторых случаях звук при-

обретает такую степень лабиализации, что воспринимается наблюдателями как [у]: [вудá], [пушлá] и подобные.

Звук [у] довольно часто отмечается в говорах с неполным оканьем в начале слова, во II предударном слоге: [угурцý], [угорóт], [утопр'ý] и т. п.

Следует отчетливо понимать, что оканье — это именно различие <о> и <а>, а не замена всякого безударного [а] звуком [о], как это иногда представляется лингвистически неподготовленным носителям литературного языка. При оканье звук [о] произносится только в соответствии с фонемой <о>, т. е. обычно соответствует *o* орфографическому. Некоторые случаи могут показаться исключением, однако все это только кажется. Так, в окающих говорах обычно произносится [о] в приставке *роз-* (*рос-*): [розыскáл], [розбýйник], [роскáс] и подобные. Здесь произношение [о] соответствует системе говора, так как в данной приставке есть фонема <о> (ср.: *рóзыск*, *рóссказни*). В современном написании этих слов с буквой *а* отражается непоследовательность в проведении фонематического (морфологического) принципа орфографии.

С [о] произносят слова с корнем *-роб-*: [робóта], [робóтник] и подобные. Такое произношение является этимологически правильным, в литературном языке здесь старославянизм (вспомните изменение начальных сочетаний типа **ort* в древнерусском и старославянском языках).

Звук [о] в соответствии с [а] орфографическим возможен также в начале заимствованных слов и имен собственных ([оптека], [огроном], [овтобус], [Олексей], [Овдотья] и т. п.), что легко объясняется исконным отсутствием начального [а] в собственно русских словах. В отдельных случаях [о] «вместо» [а] может встречаться в словах с неясной этимологией и непроверяемой фонемой: [стокáн], [сопóг], [зобóта].

Оканье — система древнейшая, исконная для русского языка (что отразилось, в частности, в русской орфографии). До XVIII в. оно было нормой литературного произношения.

Аканье

Аканье — это неразличение гласных неверхнего подъема в безударном положении (или утрата гласными неверхнего подъема части своих различительных признаков), их совпадение в общем варианте.

В узком смысле термином «аканье» обычно обозначают совпадение гласных фонем <о> и <а> в безударном положении после твердых согласных в звуке типа [а]: [вадá] — [травá], [сталá] — [самá] и подобные. Конкретная акустико-артикуляционная ха-

характеристика этого звука может быть различной, одной из его разновидностей является тот звук, который характеризует литературное произношение и обычно обозначается в транскрипции знаком [А] (глр́а, глЛз́а и т.п.), но возможно и «чистое» [а], и звук более задний, более глубокий, а также звук более передний, типа широкого открытого [э]. Все это многообразие звучаний в диалектологической транскрипции принято обозначать знаком [а].

Аканье характерно для всего южного наречия и значительной части среднерусских говоров. Оно является также нормой русского литературного языка.

В зависимости от характера реализации гласных неверхнего подъема в I предударном слоге различается два типа аканья: недиссимильятивное и диссимильятивное.

При недиссимильятивном аканье гласные <о> и <а> в I предударном слоге после твердых согласных совпадают в звуке типа [а] независимо от фонетического окружения (т.е. постоянно, всегда): [вад́а], [вады́], [в вад'э́], [вадо́и]; [трава́], [фтрав'э́], [траво́и] и т.п. Недиссимильятивное аканье распространено в северной части южного наречия, в среднерусских говорах, именно этот тип аканья является нормой литературного произношения.

Принцип диссимильятивного аканья сложнее. При диссимильятивном аканье качество гласного в I предударном слоге зависит от качества ударного гласного. Если под ударением гласный верхнего подъема, то в I предударном слоге произносится [а]: [нас'и́], [нашу́], [вады́], [сталы́] и подобное, если же под ударением [а], то в I предударном слоге наблюдается более краткий звук, образуемый при более высоком подъеме языка, обозначаемый в транскрипции знаком [ъ], или звук типа [ы]: [вьда́], [трыва́], [дъла́], [пъшла́] или [выда́], [трыва́] и подобные.

Между гласным I предударного и ударного слогов происходит как бы диссимильяция (расподобление) по подъему. Гласные среднего и верхне-среднего подъема могут воздействовать на гласный I предударного слога по-разному. Чаще так же, как и гласные верхнего подъема, т.е. перед ними диссимильяции не происходит. Подобный тип вокализма может быть схематически представлен таким образом:

I предударный	Ударный слог
а	и (ы), у, е, о (ѐ, ô)
ъ (ы)	а

Например: [нас'и́], [вады́], [сталу́], [в вад'э́] (или [в вад'ѐ]), [парба́] (или [паро́да]), но [вьда́], [стъла́], [нъра́] и т.п.

Такая система предударного вокализма широко представлена в южном наречии, особенно ярко характеризую его западную часть (например, смоленские говоры). Такой тип диссимилятивного аканья называют иногда жи зд р и н с к и м или б е л о р у с с к и м, так как он характерен и для многих белорусских говоров.

Более сложный тип диссимилятивного аканья существует в основном в говорах, сохранивших <ê>, <ô> (т.е. различие ударных гласных по четырем подъемам). В таких говорах гласные среднего подъема по воздействию на I предударный слог примыкают к <a>, а гласные <ê>, <ô> — к гласным верхнего подъема. Схема приобретает такой вид:

I предударный	Ударный слог
а	и (ы), у, ê, ô
ь (ы)	а, е, о

Например: [нас'и́], [вады́], [сталу́], [в вад'ê], [парôда], но [вдâ], [стъя́], [стъя́ом], [дъя́'о́къ] и подобное.

Такой тип вокализма называют диссимилятивным аканьем архаического типа. Он отмечен на территории Воронежской, Липецкой, Белгородской областей, однако в настоящее время нигде не проводится вполне последовательно. Возможен и такой тип диссимилятивного аканья, когда [а] выступает лишь перед ударными гласными верхнего подъема, а перед всеми остальными произносится звук типа [ь] или [ы]. Примеры такого произношения отмечены в некоторых пунктах Белгородской области.

I предударный	Ударный слог
а	и (ы), у
ь (ы)	а, о, е (ê, ô)

Качество предударного гласного, выступающего в I предударном слог при диссимилятивном аканье, по говорам различно.

В западных говорах может произноситься звук типа [ы] или звук, сходный по своим акустическим характеристикам с тем, что в литературном языке произносится, например, во II предударном слог в словах типа [мья́'ако́], [гья́'ава́] и подобные. Он четко отличается от [а], и поэтому диссимилятивное аканье было первоначально обнаружено именно в этих говорах.

В говорах Липецкой, Воронежской, Белгородской областей при диссимиляции выступают звуки менее четкие, в той или иной

степени приближающиеся к [a], а иногда даже несколько лабиализованные. Их обозначают как [ɤ^a], [a^b], [ɤ^o] и т.п. Но во всяком случае, сохраняется зависимость качества гласного в I предударном слоге от качества ударного гласного, т.е. основной принцип диссимилятивного аканья. Диссимилятивное аканье является весьма устойчивой диалектной чертой, обычно не осознается носителями говора и часто сохраняется в их речи при усвоении норм литературного языка.

В других безударных слогах, кроме I предударного, в акающих говорах обычно произносится звук типа [ɤ], например: [хърашó], [уóрът], [дарóуь], [пъдашлá], [у́глава́]. (При диссимилятивном аканье соответственно: [хърашó], [уóрът], [дарóуь], [пъдъшла], [у́льва́].) Однако иногда отмечается и звук типа [a]: [харашó], [у́брат], [дарóуа], [падашлá] и т.п. Такое произношение особенно широко распространено в Краснодарском и Ставропольском краях, в речи русских на Северном Кавказе. Оно типично также для нерусских, в основном овладевших русским языком.

Время и причины возникновения аканья до сих пор окончательно не выяснены. Существуют различные, даже противоположные точки зрения на эти вопросы, однако наиболее убедительной из них представляется та, согласно которой аканье является вторичным для русского языка. Оно возникло, видимо, не ранее XIII в. и явилось одним из косвенных следствий падения редуцированных (подробнее этот вопрос рассматривается в курсе исторической грамматики). Во всяком случае, аканье явилось весьма продуктивной фонетической чертой и, возникнув на ограниченной территории, постепенно все активнее вытесняло оканье. Видимо, только с начала XVIII в. аканье становится признанной нормой московского произношения.

Продвижение аканья к северу продолжается и в наши дни. За несколько последних десятилетий оканье полностью утратилось в московских говорах и все больше отступает в говорах Тверской, Новгородской, Владимирской областей. При разрушении оканья возникают различные переходные типы вокализма, например: оканье с ассимилятивным аканьем: [столóм], [столы́], [столу́], [ф стол'é], [води́], [водóй], [в вод'é], но [вада́], [сталá], [савá] и подобные; аканье с ассимилятивным оканьем: [вада́], [в вад'é], [сталá], [сталы́], но [столóм], [водóй], [хорóш] и т.п.; гдовский и полновский типы вокализма, отмеченные на территории Псковской области¹. Встречается также беспорядочное употребление [a] и [o] в I предударном слоге на месте фонемы <o>, причем это возможно даже в речи одного лица, например: [кат'óньк]

¹ См., например: Русская диалектология / под ред. П.С. Кузнецова. — М., 1973. — С. 67, 68.

и [кот'о́ньк], [хад'и́ла] и [ход'и́ла] и подобные. Активному усвоению аканья, конечно, способствует все возрастающее влияние литературного языка, однако хочется отметить, что массовый переход к акающему произношению наблюдается прежде всего в южной части северного наречия, в говорах, соседствующих с акающими.

Утрата оканья, т. е. принципа различения безударных гласных, и переход к аканью, т. е. к их неразличению, — один из интереснейших фонетических процессов современных говоров.

Гласные I предударного слога после мягких согласных

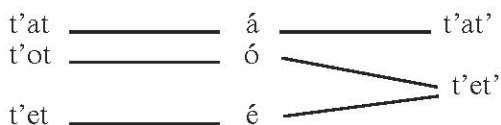
Безударный вокализм после мягких согласных характеризует-ся по говорам значительным многообразием систем, часто непосредственностью, наличием колебаний, однако вокализм I предударного слога представляет особый интерес. В этой позиции выявляются достаточно четко выраженные типы, которые играют большую роль при характеристике любого говора.

В рассматриваемой позиции интерес представляют в основном гласные неверхнего подъема, так как гласные верхнего подъема [и], [у] особым изменениям не подвергаются, претерпевая лишь некоторую количественную редукцию: [п'ил] — [п'илá], [л'уба] — [л'убо́ф']. Гласные же неверхнего подъема [а], [о], [е] реализуются в говорах различно, причем они могут как сохранять свои смыслоразличительные признаки, так и (чаще) утрачивать их, совпадая в различных вариантах в зависимости от позиции и типа вокализма говора.

Гласные I предударного слога после мягких согласных в северных говорах

В северном наречии, характеризующемся в целом оканьем, принцип различения гласных часто в той или иной степени сохраняется и в положении после мягких согласных. Однако полное различение гласных возможно лишь перед следующим твердым согласным, например: [с'оло́], [р'ека́], [п'ата́к], т. е. на месте фонемы <о> сохраняется [o] (ср. [с'о́ла]), на месте <е> — [e] ([р'еку́]), на месте <а> — [a] ([п'а́ты]). Перед следующим мягким согласным [о], как правило, не отмечается. Гласные среднего подъема совпадают в общем варианте, обычно в звуке типа [e]: [ф с'еле́], [в р'еке́]. В целом система вокализма I предударного слога после

мягких согласных в таких говорах может быть схематически представлена так:

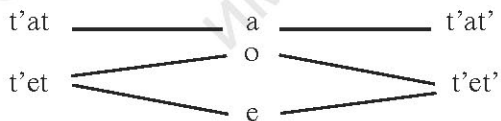


(t — любой согласный).

Например: [п'атáк], [р'абóи], [с'олó], [н'осó], [р'екá], [п'етóх], [п'ат'íи], [р'аб'íина], [ф с'ел'é], [н'ес'íи], [в р'ек'é], [б'ер'íи] и т. п.

Говоры с подобной системой встречаются в Вологодской, Кировской, Новгородской, Владимирской областях. Конкретное звучание гласного на месте <e> перед твердым согласным и фонем <o>, <e> перед мягким может быть различным — от широкого открытого [э] (иногда этот звук обозначают как [e^a]) до [и], но во всех таких говорах гласный <o> в I предударном слоге после мягких согласных сохраняет свои смыслоразличительные признаки. Эта яркая фонетическая диалектная черта по традиции называется **ёканьем**. При ёканье произносятся: [в'оснá], [с'острá], [з'орнó], [в'ослó], [н'осóт] и т. д. Иногда [o] возможно и в соответствии с фонемой <e>, например: [б'одá], [п'отóх], [сл'опóи], — однако такое произношение не является исконным и отмечается либо в окающих среднерусских говорах, либо в говорах со «сбитой» системой как отклонение от нее.

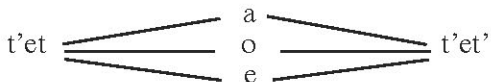
Довольно широко распространены в северном наречии и такие говоры, в которых в рассматриваемой позиции наблюдается частичное различие гласных среднего и нижнего подъема как перед твердым, так и перед мягким согласным. При этом гласный [a] (в соответствии с фонемой <a>) противопоставлен общему варианту фонем <o>, <e>, которым обычно является гласный типа [e]. На схеме это выглядит так:



Например: [п'атáк], [п'ат'íи], [с'елó], [р'екá], [ф с'ел'é], [в р'ек'е'].

В говорах с такой системой предударного вокализма после мягких согласных возможны отдельные случаи ёканья и отмечаются значительные колебания в качестве звука, в котором реализуются <o>, <e>, однако гласный нижнего подъема обычно устойчиво сохраняет свое качество.

На периферии северного наречия, причем как на Крайнем Севере, например в Архангельской области, так и на юге, на границе со среднерусскими, есть говоры, для предударного вокализма которых характерны неразличение всех гласных неверхнего подъема, их совпадение в одном звуке типа [e]:



Например: [п'е́та́к], [п'е́т'и́], [с'е́ло́], [р'е́ка́], [ф с'е́л'е́], [в р'е́к'е́] и подобные.

Такая система вокализма называется **эканьем**. По своему принципу реализации гласных неверхнего подъема оно сближается с типами безударного вокализма, характерными для южных говоров, которым также свойственно неразличение этих гласных.

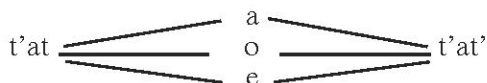
В целом типы предударного вокализма после мягких согласных в северных говорах довольно сложны и разнообразны, тем более что в последнее время они подвергаются активной перестройке под влиянием литературного языка и общей тенденции к неразличению. Однако в основе современных систем обычно лежит одна из перечисленных

Гласные I предударного слога после мягких согласных в южных говорах

Для безударного вокализма южных говоров, как уже говорилось, характерно неразличение гласных неверхнего подъема. После твердых согласных это аканье, после мягких — яканье. **Яканье** — это такая система безударного вокализма после мягких согласных, при которой гласные неверхнего подъема в I предударном слоге совпадают в звуке [a], по крайней мере в некоторых позициях, например: [с'а́стра́], [с'а́ло́], [р'а́ка́], [п'а́ту́х], [н'а́с'и́] и т.д.

В зависимости от того, произносится ли [a] в I предударном слоге всегда или при определенных условиях, различают три основных типа яканья: сильное, умеренное и диссимилятивное.

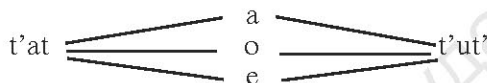
Сильное яканье — это такая система безударного вокализма, при которой гласные <a>, <o>, <e> в I предударном слоге после мягких согласных совпадают в одном звуке [a] независимо от фонетического окружения (т.е. всегда, постоянно). Схематически это можно изобразить так:



Например: [п'атáк], [с'алó], [р'акá], [п'ат'í], [ф с'ал'ё], [в р'ак'ё] и т. д.

Сильное яканье распространено в основном на территории Тульской, Рязанской, Орловской областей, встречается также в некоторых среднерусских говорах.

При умеренном яканье качество гласного в I предударном слоге зависит от качества следующего согласного, его твердости или мягкости. Перед следующим твердым согласным гласные <a>, <o>, <e> совпадают в звуке [a], перед следующим мягким — в [и]. На схеме это выглядит так:



Например: [п'атáк], [с'алó], [р'акá], [п'ит'í], [ф с'ил'ё], [в р'ик'ё].

Умеренное яканье распространено в говорах Тульской области, а также во многих среднерусских говорах.

Диссимилятивное яканье — это такая система предударного вокализма, при которой качество гласного в I предударном слоге зависит от качества ударного гласного (как при диссимилятивном аканье). Если под ударением гласные верхнего подъема, то в рассматриваемой позиции звучит [a] ([в'азу́], [н'ас'í]), если под ударением гласный [a], то в I предударном — [и] ([в'изла], [н'ислá]) или [e] ([в'езлá], [н'еслá]). Гласные среднего и средне-среднего подъема могут воздействовать на гласный I предударного слога по-разному: как гласные верхнего или нижнего подъема. В зависимости от этого различают несколько типов диссимилятивного яканья. Здесь мы рассмотрим только основные из них.

1. Ж и з д р и н с к и й тип диссимилятивного яканья может быть представлен так:

I предударный	Ударный слог
а	и (ы), у, о, е (ê, ô) ¹
и	а

¹ В говорах с жиздринским типом диссимилятивного яканья гласные [ê], [ô], как правило, не отмечаются.

Например: [н'ас'и́], [б'ады́], [в'аду́], [д'ар'эвн'а], [з'ал'обны́], [в р'ак'э́], [с'алó], но [н'ислá], [б'идá], [с'истрá] и подобные.

При этой разновидности диссимилятивного яканья гласные неверхнего подъема в I предударном слоге после мягких согласных совпадают в звуке [а] перед всеми ударными гласными, кроме [а]. Перед ударным [а] они совпадают в общем варианте [и]. Говоры с такой системой вокализма широко представлены в западной части южного наречия. Жиздринское яканье отмечается также в некоторых белорусских говорах, поэтому его иногда еще называют белорусским.

2. Донской тип диссимилятивного яканья как бы противоположен жиздринскому по воздействию на I предударный слог ударных гласных среднего подъема. При этом типе яканья в I предударном слоге произносится [а] только перед гласными верхнего подъема, а перед остальными ударными гласными — [и].

I предударный	Ударный слог
а	и (ы), у
и	а, о, е (ê, ô)

Например: [н'ас'и́], [с'астры́], [в'аду́], [н'ислá], [д'ир'эвн'а], [з'ил'обны́], [в р'ик'э́], [с'илó].

Такой тип предударного вокализма отмечен в некоторых говорах на Дону. Как показывают исследования последних лет, он распространен не очень широко.

3. Архаический тип диссимилятивного яканья отмечается, как правило, в тех говорах, где различаются два типа <о> и <е>. При этом гласные среднего подъема воздействуют на I предударный слог так же, как <а>, а <ê>, <ô> — как гласные верхнего подъема. Соотношения приобретают такой вид:

I предударный	Ударный слог
а	и (ы), у, ê, ô
и (е)	а, о, е

Например: [н'ас'и́], [с'астры́], [в'аду́], [в р'ак'э́], [с'алó], [н'ислá], [д'ир'эвн'а], [з'ил'обны́].

Предполагается, что это наиболее древний тип диссимилятивного яканья. Обычно различают две его разновидности — в зависимости от того, произносится ли перед гласными а, е, о звук [и] (обоянское яканье) или [е] (задонское яканье).

Безударный вокализм такого типа широко представлен в говорах Воронежской, Белгородской, Курской областей. Интересно, что сложный принцип такого яканья до сих пор выдерживается в говорах довольно последовательно.

Известен еще целый ряд разновидностей диссимилятивного яканья (шигровское, суджанское, дмитровское, мосальское), однако объем данного учебника не позволяет остановиться на них более подробно¹.

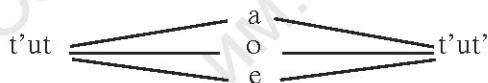
Яканье — резкая диалектная черта, которая осознается людьми, не имеющими специальной лингвистической подготовки, в том числе носителями говора, поэтому оно обычно довольно легко утрачивается при овладении нормами литературного языка. Наиболее устойчиво сохраняется звук [а] в соответствии с фонемой <а>, т. е. произношение [ч'асы́], [жа́зык] и подобные.

Гласные I предударного слога после мягких согласных в среднерусских говорах

Для среднерусских говоров, как уже отмечалось, характерно совмещение северных и южных черт. Наблюдается это и в области безударного вокализма.

Так, в северной части среднерусских говоров распространено ёканье (например, в Тверской, Московской областях), в то же время в них представлено сильное яканье, а также различные переходные типы.

Однако существует одна система безударного вокализма после мягких согласных, которая характерна только для среднерусских говоров, точнее, их центральной части. Это **йканье**, т. е. совпадение гласных неверхнего подъема в I предударном слоге в общем варианте [и]. На схеме это представлено таким образом:



Например: [п'ита́к], [с'ил'о́], [р'ика́], [п'ит'и́], [ф с'ил'е́], [в р'ик'е́] и подобные.

Интересно, что при йканье совпадают в одном звуке уже не три, а четыре фонемы, так как в этом же звуке реализуется и фонема <и> (ср.: [м'ила́] от [м'ил] и [м'ол], [л'иса] от [л'ис] и [л'ес] и т. п.).

¹ Наиболее удачно, с нашей точки зрения, излагается материал о типах яканья в кн.: Аванесов Р.И. Очерки русской диалектологии. — М., 1949. — С. 77—102.

Система йканья очень близка литературной, но, с нашей точки зрения, пока не тождественна. Нормой литературного произношения на месте гласных неверхнего подъема в рассматриваемой позиции остается звук [и^е] (или [e^и]). Однако йканье активно проникает в просторечие, в небрежную, беглую речь, в частности речь молодежи.

При усвоении литературной нормы следует не только отказаться от таких резких диалектных черт, как ёканье или яканье, но и стараться избегать побуквенного произношения ([п'атáк], [в'еснá], [п'етúх]) и слишком сильной редукции. Следует произносить звук переднего ряда верхне-среднего подъема как средний между [и] и [e].

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Какие две противопоставленные системы безударного вокализма существуют в русских говорах? Для каких наречий они характерны?
2. Что такое оканье? Какова территория его распространения? Какие типы оканья различаются в русских говорах? Приведите примеры.
3. Какая система безударного вокализма называется аканьем? На какой территории оно распространено?
4. Какие основные типы аканья известны в современных говорах? В чем заключается принцип диссимилятивного аканья? Приведите примеры.
5. Опишите основные типы безударного вокализма после мягких согласных, характерные для северных говоров. Охарактеризуйте ёканье как фонетическую особенность русских говоров.
6. Что такое яканье? Охарактеризуйте основные типы яканья и приведите соответствующие примеры.
7. Назовите основные разновидности диссимилятивного яканья и укажите, где оно распространено.
8. Что такое йканье? Для каких говоров оно характерно?

§ 9. Система согласных фонем в русских говорах (консонантизм)

В системе согласных фонем, как и в системе гласных, есть черты устойчивые, стабильные, постоянные, общие для всех русских говоров.

Во всех говорах, как и в литературном языке, согласные различаются по способу и месту образования, могут быть глухими и звонкими, твердыми и мягкими, образуют пары по глухости — звонкости, твердости — мягкости. Таким образом, основные характеристики согласных одинаковы для всего русского языка, очень близок и сам набор согласных по говорам. Однако есть в

консонантизме и определенные диалектные отличия. Они могут касаться:

- 1) количества, состава согласных фонем;
- 2) системы согласных, их отношений;
- 3) качества отдельных звуков, в которых реализуются согласные фонемы;
- 4) различных изменений в сочетаниях согласных.

Диалектные отличия в составе согласных фонем

Среди лингвистов в настоящее время нет полного единства при определении состава согласных фонем современного русского литературного языка, что связано с особым положением мягких заднеязычных [г'], [к'], [х']. Мы по традиции исходим из того, что в литературном языке 34 согласные фонемы:

б	—	п	м	в	—	ф	д	—	т	з	—	с	н	л	р	ж	—	ш
б'	—	п'	м'	в'	—	ф'	д'	—	т'	з'	—	с'	н'	л'	р'			
ж̄	—	ш̄	ч'	ц		ј	г	—	к	х								

подавляющее большинство этих согласных есть во всех говорах. К подвижным элементам консонантной системы русского диалектного языка относятся фонемы <ф> — <ф'>, <ж̄>, <ш̄>, <ч'> (или <ц>), т. е. в некоторых говорах эти фонемы (или некоторые из них) могут отсутствовать.

По количеству согласных можно выделить четыре типа говоров.

В большинстве среднерусских говоров, особенно в центральных областях, количество согласных фонем такое же, как в литературном языке, т. е. 34.

В северо-восточных (вологодско-кировских) говорах обычно отсутствуют долгие мягкие шипящие, которые заменяются различными сочетаниями звуков: [ш̄ч'ўка], [ш̄ч'и], [шт'и], [вб̄жд'и], [вб̄жд'и] и др. — и <ч'>, которое совпадает с <ц>: [ц'ай], [ц'исто] и т. д., т. е. в этих говорах на три согласные меньше, количество фонем — 31.

В некоторых говорах юго-западных областей (Смоленской, Брянской) отсутствуют долгие мягкие шипящие (вместо них — долгие твердые, которые уже не могут быть признаны самостоятельными фонемами — [шўка], [вб̄жы]) и <ф> — <ф'>, таким образом, здесь на четыре согласные меньше, т. е. 30 согласных фонем.

Наконец, в некоторых говорах (в Курской, Орловской областях) отсутствуют долгие мягкие шипящие, <ф> — <ф'>, а также звуки [ч'] и [ц]. Причем на месте [ц] произносится звук [с]: [сар'], [ат'эс] (*царь, отец*), на месте [ч] — звук [ш']: [ш'аѝ], [ш'йстъ] (*чай, чисто*). Таким образом, фонема <ц> в говоре отсутствует (совпадает с <с>), а в соответствии с <ч'> литературного языка сохраняется особая фонема, которая реализуется в звуке [ш']. Звук [ш'] сохраняет смыслоразличительные способности (ср.: [ш'аѝкъ] и [ш'аѝкь]), т.е. представляет собой особую фонему.

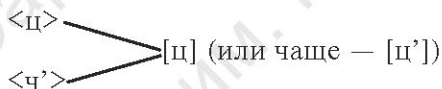
Значит, в этих говорах не на шесть, как кажется на первый взгляд, а на пять фонем меньше, чем в литературном языке, т.е. 29 согласных фонем.

Остановимся более подробно на некоторых диалектных явлениях, связанных с составом согласных фонем.

Аффрикаты <ц> и <ч> в русских говорах

В современном русском литературном языке, как известно, есть две аффрикаты <ц> и <ч'>, причем [ц] — всегда твердая, а [ч'] — всегда мягкая. Хотя их смыслоразличительные функции по отношению друг к другу выражены не очень ярко (можно подобрать лишь одну пару слов, различающихся только этими звуками: [цех] — [ч'ех]), они, несомненно, представляют собой самостоятельные фонемы в консонантной системе литературного языка и никогда не смешиваются.

В диалектах положение часто бывает иным. В северо-восточных говорах, как уже отмечалось, обычно существует лишь одна аффриката, чаще — <ц>, т.е. согласные <ц> и <ч> реализуются в одном звуке [ц]:



Например: [ц'аѝ], [ц'итáл], [ц'áсто], [кúр'иц'а], [от'эц'] или [цаѝ], [цытáл], [кúр'ица], [от'эц] и подобные.

Такая диалектная черта называется **цоканьем**, т.е. цоканье — это неразличение фонем <ц> и <ч'>.

Цоканье бывает т в е р д о е, когда аффрикаты совпадают в [ц], и м я г к о е, когда они реализуются в [ц'].

Сейчас часто встречаются говоры, в которых в соответствии с <ц> произносят [ц] твердое, а в соответствии с <ч> — [ц'], например: [ц'аѝ], [кл'уц'й], но [цыпл'онок], [от'эц]. Строго говоря, в таких говорах наблюдается уже различение двух аффрикат, од-

нако по традиции эту диалектную особенность принято называть цоканьем.

Будучи резкой диалектной чертой, цоканье тем не менее до сих пор довольно широко распространено в вологодско-кировской группе говоров и изредка встречается также в новгородских говорах.

Гораздо реже отмечается совпадение <ч> и <ц> в звуке [ч':]: [ч'ай], [кл'уч'й], [кúр'ич'а], [от'ёч'] и подобные. Такую диалектную особенность обычно называют **чóканьем**. Оно встречается в северо-восточных говорах (в Кировской области, в Приуралье), в настоящее время цоканье редко проводится последовательно. Ряд диалектологов рассматривают его как частный случай, разновидность цоканья (понимая под термином «цоканье» неразличение аффрикат вообще).

При разрушении цоканья (и чоканья) под влиянием литературного языка возникают сложные переходные случаи. При заимствовании фонемы <ч> как «правильной», литературной носитель говора нередко употребляет ее на месте не только исконного [ч], но и [ц], т. е. вместо [ц'ай], [ц'йсто], [от'ёц'], [кúр'ица] начинает говорить: [ч'ай], [ч'йсто], [от'ёч'], [кúр'ич'а]. Это не чоканье, а отражение тех сложностей, которые возникают при освоении новой фонемы. Иногда звуком [ч'] заменяется и то [ц], которое возникает как результат ассимиляции (так, в 1970-е гг. в Вологодской области был записан такой пример: [Гриша, ты бр'йч'ч'а бúдеш?]). Возможно также беспорядочное употребление [ч] и [ц], т. е. [ч'ай] и [ц'ай], [улица] и [ул'ич'а] и даже [ц'ай] и [ул'ич'а]. Кроме того, само качество звуков на месте <ч> может быть различным, наблюдается произношение [ч] твердого, полумягкого [ч'], а также звука, среднего между [ч] и [ц]: [ч'йсто], [ч'йтáл]; [ч'йсто], [ч'йтáл]; [ц'йсто], [ц'йтáл] и подобные.

Твердое [ч] встречается иногда и в западных среднерусских говорах, не знавших цоканья, как черта, заимствованная из белорусского языка: [уч'йт'ёл'], [ч'йст'ил], [кл'уч'й] и подобные.

Цоканье и связанные с ним диалектные явления, как уже говорилось, относятся к резким диалектным особенностям, которые обычно осознаются носителями говора. Однако оно довольно устойчиво, встречается даже в речи сельской интеллигенции. Интересно, что в контролируемой речи (скажем, при беседе с приезжими москвичами) аффрикаты могут достаточно последовательно различаться, а в непринужденной беседе с односельчанами последовательно проводится цоканье. (Такое явление наблюдалось автором в Вологодской области в конце 1980-х годов) В тех говорах, где сохраняется цоканье, соответственно, на одну согласную фонему меньше, чем в литературном языке и нецокающих говорах.

Происхождение цоканья относится к сложным и до конца не решенным вопросам исторической диалектологии. Примеры, отражающие цоканье, встречаются уже в древнейших памятниках русского языка. Однако обычно цоканье объясняется иноязычным влиянием, что не совсем убедительно.

Кроме цоканья и связанных с ним явлений, в русских говорах отмечается другой тип особенностей в реализации аффрикат. Это так называемое «распадение аффрикат» или «утрата затвора в аффрикате», т.е. на месте <ц> произносится [с], на месте <ч> — [ш'], например: [ат'эс], [кан'эс], [кúр'иса] и [ш'аи], [ш'итáл], [ш'йсто]. (Если вспомнить, что [ц] — это как бы сочетание [тс], а ч' — [т'ш'], то при утрате взрывного элемента остается [с] и [ш'].) Эти особенности называют соответственно **соканьем** ([куп'эс], [ул'йса]) и **шоканьем** ([ш'аика], [кóш'ка] — *чайка, кочка*).

Такое произношение встречается в говорах Курской, Орловской, Калужской областей, а также в некоторых говорах Урала и Сибири.

При этом происходит совпадение фонем <ц> и <с>, а звук [ш'] сохраняет свои смысловоразличительные функции, т.е. фонологичность. Если же [ш'] впоследствии отвердевает, как это иногда отмечается, то приходится говорить и о совпадении фонем <ч> и <ш>.

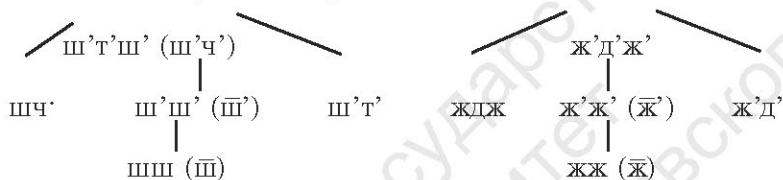
Вопрос о долгих мягких шипящих в говорах

В системе согласных современного русского литературного языка имеется две фонемы, для которых, в отличие от всех прочих, существенным является признак долготы, это <ж̄> и <ш̄>, например: [вóж'и], [дрóж'и], [ш̄'ука], [ш̄'и]. Эти согласные занимают особое место, <ж̄> некоторые лингвисты считают слабым звеном в системе, так как произношение вместо [ж̄'] — [ж] твердого сейчас широко распространено в литературном языке. В соответствии же с глухой долгой шипящей существуют два типа произношения: [ш̄'] и [ш̄'ч'] ([иш̄'у] и [иш̄'ч'у]).

В говорах картина оказывается еще более сложной и пестрой. В большинстве южных говоров наблюдается **отверждение** долгих мягких шипящих, т.е. произношение: [жéнш̄ына], [муш̄ына], [ш̄ука]; [вóжы], [дрóжы], [прижежáт] и подобные. (Интересно, что современному носителю литературного языка резкой диалектной чертой представляется лишь твердое произношение в соответствии с <ш̄>.)

В северных говорах отмечается произношение в соответствии с этими шипящими сочетаний согласных, в состав которых вхо-

дит взрывной элемент: [ш'ч'] ([ш'т'ш']), [шч'], [шч], [шт']; [ж'д'ж'], [ж'д'], [жд] и подобные, например: [иш'ч'ý], [ишч'ý], [ишчý], [ишт'у], [вóж'д'ж'и], [вóж'д'и], [вóжд'и] и т.п. Многообразие диалектных звучаний в соответствии с долгими мягкими шипящими литературного языка объясняется их историей. Исходными для русского языка являлись сочетания мягкого шипящего с аффрикатой, произносимые за одну артикуляцию, или «трехэлементные» мягкие аффрикаты: [ш'ч'] [ш'т'ш'] и [ж'д'ж']. В некоторых говорах эти сочетания сохранились, но в большинстве других подверглись тем или иным изменениям, при этом утрачивая либо взрывной элемент, либо конечный шипящий. Могло происходить также и отвердение. Схематически это можно представить следующим образом:



В результате в говорах возможны многочисленные варианты звучания: [ш'ч'ýка], [шч'ýка], [ш̄'ýка], [ш̄'ýка], [ш'т'ýка]; [jéжджу], [jéж'д'у], [jéж̄'у], [jéж̄у] и подобные.

В некоторых северных говорах, цокающих или цокавших в недавнем прошлом, встречается также своеобразное произношение типа: [с'ц'ýка], [ц'й'с'це], [п'ц'áс'ц'е], [хл'б'с'ц'ом] (*хлещем*), т.е. [с'ц'] в соответствии с [ш'ч']. Звук [ч'] вообще отсутствует в говоре и даже в составе сочетания заменяется звуком [ц'], а затем происходит ассимиляция по месту образования: [ш'] > [с'].

Вопрос о фонологическом статусе долгих мягких шипящих и выступающих на их месте сочетаний звуков в говорах является сложным и спорным. Большинство лингвистов склонно считать особыми согласными фонемами только <ш̄'> и <ж̄'>, а звучания типа [ш'ч'], [ж'д'] и подобные, [ш̄], [ж̄] — сочетаниями фонем. Если согласиться с этой точкой зрения, в большинстве говоров (за исключением некоторых среднерусских) на две согласные фонемы меньше, чем в литературном языке, так как в них нет <ш̄'>, <ж̄'>.

Губные фрикативные согласные

В современном русском литературном языке четыре губные фрикативные согласные, образующие пары по глухости — звонкости и по твердости — мягкости: <в> — <в'>, <ф> — <ф'>. Подобные отношения характерны для всех среднерусских, большин-

ства северных и некоторых южных говоров. Однако в ряде южных говоров (в Курской, Орловской, Смоленской областях) положение иное. Там могут отсутствовать фонемы <ф> — <ф'>. Это связано с тем, что, как известно, звук [ф] не был свойствен славянским языкам, в том числе русскому. Он проникал в русский язык первоначально лишь в заимствованных словах, причем в древнейших заимствованиях заменялся звуком [п]: [парус] (из греч. *faros*), [Степан] (ср.: *Стефан*), [Опанас] (ср.: *Афанасий*) и подобные. Звук [п] в соответствии с исконным [ф] изредка встречается сейчас в некоторых архаических северо-восточных говорах: [понар'], [П'ил'йп] и подобные. Однако после падения редуцированных появились условия для образования звука [ф] в исконно русских словах. Он возникал как результат оглушения [в] в конце слова и перед глухим согласным: [домбѡв] > [домѡв] > [домѡф]; [лавѡка] > [лавка] > [лафка] и т. п., т. е. сложилась база для фонемы <ф> в системе согласных фонем русского языка. Но так обстояло дело лишь в тех говорах, где [в] имел губно-зубное образование. В ряде говоров исконно было губно-губное <w>. Губно-губное (билабиальное) [w] — звук сонорный, близкий по своему акустическому впечатлению к [ў]. Он не подвергался оглушению; в таких говорах осталось: [каrow], [даmow], [лаwка], [траwка] и подобные. Там «свой» звук [ф] не возникал. Оставаясь чуждым системе таких говоров, [ф] в заимствованных словах заменялся звуком [х] или сочетанием [хв] (первое — обычно перед согласным и на конце слова, второе — перед гласным), например: [ар'ихм'ѣт'ика], [хронт], [кѡхта], [торх]; [сѣрахвѡн], [хвурѡшка], [Хв'ѡдѣр] и т. д. Таким образом, во многих южных говорах, имеющих преимущественно губно-губное [w], отсутствует звук [ф] и, соответственно, фонемы <ф> — <ф'>.

Звук [w] может в некоторых случаях заменяться звуком [ў] ([лаўка], [д'ир'ѣўн'а], [дамоў]) и даже [у]. Последнее обычно бывает в начале слова и в предлогах: [унўк], [удаваў], [у с'алѡ] (*внук*, *вдова*, *в село*). Если слово начинается с гласного, предлог приобретает вид [ув]: [ув акнѡ].

Иногда имеет место обратная мена: начальное [у] заменяется звуком [w], например: [wt'ўх] (*утюг*), [wч'йт'ьл'] и даже [фт'ўх], [фч'йт'ьл']. При усвоении звука [ф] под влиянием литературного языка в говорах может появиться как бы новая, вторичная диалектная особенность — замена любого сочетания [хв] звуком [ф], т. е. носители говора начинают произносить не только [фурашкѣ], [сѣрафѡн], [Ф'ѡдѣр] в соответствии с нормами литературного языка, но и [фѡст], [фатѡт'], [фал'йт'], [фѡстѡт'] и подобные.

Таким образом, с характером губных фрикативных согласных связан целый комплекс диалектных особенностей: отсутствие фонем <ф> — <ф'> и, соответственно, отсутствие глухих пар у <в> —

<в'>, замена звука [ф] звуками [п], [х] и сочетанием [хв], губно-губное образование <в> и произношение на месте <в> звуков [w], [ў], [у], «вторичная» замена [хв] звуком [ф] и некоторые другие частные особенности.

Все эти диалектные черты характерны для южных говоров, но билабиальное [w] встречается иногда и в северо-восточных говорах вологодско-кировской группы.

Диалектные отличия, не затрагивающие состава фонем, но связанные с их отношениями в системе

Характер звука [г]

Качество звука, выступающего в соответствии с фонемой <г>, обычно учитывается при характеристике северного и южного наречий русского языка. Это одна из определяющих черт при отношении говора к тому или иному наречию.

Для северного наречия, большинства среднерусских говоров и современного литературного языка характерно взрывное образование заднеязычного звонкого согласного ([г] взрывное): [гóрът], [дорóга], [дрúга]. На конце слова и перед глухим согласным [г] оглушается в [к]: [нóкти], [кóкти], [дрúк], [снék], [сапóк] и подобные. Таким образом, [г] — [к] образуют пару по глухости — звонкости, а [х] является внепарным глухим согласным.

Для всего южного наречия характерно фрикативное образование заднеязычного звонкого [γ]: [γóрът], [дорóга], [дрúга]. Фрикативное [γ] оглушается в [х]: [кóхти], [нóхти], [дрúх], [снéх], [сапóх] и т. п., т. е. пару по глухости — звонкости образуют [γ] — [х], а [к] оказывается глухим внепарным. Наличие [γ] — весьма устойчивая диалектная черта, которая часто сохраняется у людей, в общем овладевших литературным произношением. До сравнительно недавнего времени произношение [γ] рекомендовалось в качестве литературной нормы в корнях *богатый*, *благо*, *господь* и косвенных падежах от слова *бог* (т. е. [бауáтыи], [бла́уь], [γаспóт'ь], [бóуа], [бóуу] и подобных). Сейчас такое произношение сохраняется лишь в речи артистов старшего поколения. Общеупотребительными остались лишь формы [бóуа], [бóуу] и, соответственно, [бох].

В некоторых среднерусских говорах и у носителей литературного языка, имевших в прошлом [γ], возможно существование пары по глухости — звонкости: [г] — [х] ([сапогí] — [сапóх], [дрúга] — [дрúх]). Такая особенность произношения не очень за-

метна и обычно не осознается и не воспринимается окружающими как диалектная черта.

Фрикативное [ɣ] иногда встречается в некоторых северных говорах, в основном северо-западных, расположенных около Онежского озера, но лишь в положении между двумя гласными (в интервокальном), обычно в окончаниях Р. п. прилагательных и местоимений, например: [красноуо], [бол'шбóу], [jeуó], [тоуó] и т.п.

В некоторых южных говорах, обычно пограничных с украинскими и белорусскими, фрикативный [ɣ] может иметь более заднее, глубокое образование, т.е. это звук уже не заднеязычный, а гортанный. В транскрипции он изображается знаком [h]: [háл'a], [ihlá], [hóрыт]. Подобный звук характерен для украинского и белорусского языков. Как и [ɣ], он оглушается в [x].

Качество звука [л]

В современном русском литературном языке имеются парные по твердости — мягкости фонемы <л> и <л'> (например, [глад'ит] — [гл'ад'йт]). Будучи внепарными по глухости — звонкости, они никогда не вступают в перекрещивающиеся чередования с другими фонемами.

По говорам могут быть некоторые отличия в реализации этих фонем. В некоторых говорах, в основном в северо-восточных (вологодских), в соответствии с твердым [л] перед гласными переднего ряда произносится так называемое [л] «среднее» или «европейское» (в транскрипции обозначается знаком [l]). Например: [быlá], [пошlá], [стоlá], [лук], [поклón] и подобные. При образовании этого звука задняя часть спинки языка не поднимается к твердому нёбу, т.е. отсутствует дополнительная артикуляция веларизации («отвердения»), характерная для русского твердого [л], звук становится примерно таким, как в немецком, французском и многих других языках.

В положении перед согласным и на конце слова в таких говорах часто произносится в соответствии с твердым [л] [ǔ] или даже [w], например: [пáўка], [вóўк], [поўк], [быў], [пошóў] (или [быw], [пошów]). Если в таком говоре <в> имеет губно-губное образование, возможно совпадение фонем <в> и <л> (<w> и <l>) в определенных позициях: [пáўка] и [лáўка], [daw] и [damow], возможно даже совпадение словоформ. Например: звуковой комплекс [жыў] может обозначать и *жил* и *жив*, т.е. <л> может терять свои смысловоразличительные признаки, вступая в перекрещивающиеся чередования с фонемой <в> (или, что то же, <л> и <в> могут совпадать в общем варианте [ǔ]), что показано на схеме:



Подобное произношение [л], особенно [ŷ] перед согласным, довольно часто встречается у носителей литературного языка как своеобразный дефект речи. Поэтому не всегда легко распознать, являются ли особенности в произношении [л] диалектной чертой или индивидуальными дефектами говорящего.

Изредка в говорах встречается произношение на месте [л] (а иногда и [р]) звука [j]: [jubjŷ], [mojodája], [govoŷít], [jáno]. Такая фонетическая черта свойственна в основном речи женщин и детей, причем в детской речи распространена довольно широко и за пределами соответствующих говоров.

Вся совокупность диалектных особенностей, связанных с реализацией фонемы <л>, обычно объясняется иноязычным влиянием в основном финно-угорских языков. Думается, что для возникновения этих особенностей есть определенные предпосылки и в фонетической системе самого русского языка, о чем свидетельствуют детская речь и сравнительно широкое распространение соответствующих логопедических дефектов.

Диалектные отличия в качестве отдельных согласных звуков и в позиционных изменениях согласных

Согласные <ж> и <ш> в большинстве говоров, как и в литературном языке, являются твердыми: [жыл], [шыл], [жаба], [шуба] и подобные. Однако в некоторых архаических говорах Кировской области встречаются мягкие [ж'] и [ш'], чаще перед гласными переднего ряда, например: [ж'ил], [на нож'ё], [ш'ит'], [мьш'и]. Изредка отмечаются мягкие шипящие и перед гласными непереднего ряда: [пош'бл], [пож'ар] и подобные. Это резкая диалектная черта, однако она представляет большой интерес как сохранение древнейшего, архаического типа произношения этих согласных.

В некоторых говорах Рязанской, Псковской областей, а также на Урале и в Сибири встречается так называемое «шепелявое» произношение мягких свистящих [с'] и [з']. В транскрипции такие звуки обозначаются [с''], [з''] или [с^ш'], [з^ш'], например: [з^ш'имá], [с^ш'в'ин'já], [с^ш'йла], [кн'áс^ш] и подобные. Это очень резкая, заметная диалектная черта, объясняемая, вероятно, иноязычным влиянием.

Заднеязычные согласные [г], [к], [х] в литературном языке и подавляющем большинстве русских говоров перед гласными переднего ряда смягчаются и становятся средненёбными (среднеязычными) по месту образования. В некоторых среднерусских говорах передвижка вперед, сопровождающая смягчение этих согласных, становится столь значительной, что взрывные [г] и [к] переходят в переднеязычную зону образования, сближаясь с мягкими [д'] и [т']. То есть вместо [к'] произносится звук, близкий к [т'], вместо [г'] — к [д'], например: [р'ут'и], [н'од'и], [т'йсл'ид], [т'ин'о] (*руки, ноги, кислый, кино*) и подобные. Такая своеобразная диалектная особенность встречается (во всяком случае, совсем недавно встречалась) в говорах к северо-востоку от Москвы, например в Клинском районе.

В говорах отмечается также значительное число особенностей, связанных с позиционными изменениями согласных, упрощением групп согласных, явлениями ассимиляции и диссимиляции.

Во многих говорах, как северных, так и южных, а также среднерусских, наблюдается упрощение групп согласных на конце слова. Так, в конечных сочетаниях [ст], [с'т'] ([зд], [з'д']) обычно утрачивается конечный взрывной: *хвост* > [хвос], *мост* > [мос], *гвоздь* > [гвос'], *кость* > [кос'] и подобные.

В сочетаниях губных с [л'] утрачивается конечный сонорный, а губной оглушается: *журавль* > [жураф'], *корабль* > [корап'], *рубль* > [руп']. Обычно упрощается также сочетание [зн']: *жизнь* > [жыс'].

В ряде говоров наблюдается (или наблюдалось в недавнем прошлом) так называемое «прогрессивное ассимилятивное смягчение заднеязычных», т. е. смягчение [г], [к], [х] под влиянием предшествующего мягкого согласного, например: [М'ан'к'а], [Ол'г'а], [св'эр'х'у], [ч'а'жк'у], [к'вч'ир'у'а] и подобные. Особенно часто такому смягчению подвергается [к], причем по аналогии [к'] может появляться и после твердых согласных в уменьшительном суффиксе, т. е. не только [В'ан'к'а], [К'бл'к'а], но и [В'офк'а], [М'ишк'а] и подобные. В отличие от двух предыдущих это резкая диалектная черта, обычно вызывающая отрицательную оценку у окружающих (не являющихся носителями такого говора), поэтому территория распространения прогрессивного ассимилятивного смягчения значительно сократилась за последние десятилетия.

Некоторые диалектные явления, связанные с позиционными изменениями согласных, территориально закреплены. Так, одной из типичных особенностей северно-русской фонетики является полная ассимиляция в группах [бм], [дн]: *обман* > [ом'ан], *обменял* > [ом'ен'ал], *одна* > [о'н'а] и подобные. Существует даже такая дразнилка: [м'ёныц'и кофш уп'ал на н'о и об'й'но и дос'ано ну да ла'но фс'о о'но].

В некоторых северных говорах сочетание [вн] изменяется в [мн]: [дамнб] (*давно*), [мнук] (*внук*).

Для северо-западной, новгородской группы характерно отверждение конечных губных: [с'ем], [кроф], [гблуп], [прблуп] (*прорубь*), [л'уббф].

Для большей части северного наречия характерна утрата интервокального [j] (т. е. [j] между двумя гласными). Это происходит обычно в заударном положении, в окончаниях глаголов настоящего времени и прилагательных, например: [красна^яа] > [краснаа] > [красна]; [д'элайэт] > [д'элаэт] > [д'элаат] > [д'элат]. Как видно из примеров, утрата [j] (точнее [и]) сопровождается ассимиляцией гласных и их последующим стяжением. Степень изменения гласных в таких говорах может быть различной, т. е. формы [д'элаэт], [д'элаат], [д'элат] отмечаются иногда даже в речи одного лица. Утрата интервокального [j] — очень устойчивая диалектная черта, которая обычно не осознается носителями говора и сохраняется в речи людей, в целом овладевших литературным произношением.

В немногочисленных северных говорах отмечается прогрессивное ассимилятивное смягчение переднеязычных согласных после мягкого [л']: [л'д'ом], [л'н'ом] (*льдом, льном*) — и наоборот, иногда возможно отверждение [л'] перед твердым переднеязычным: [болшбй], [ббно], а также некоторые другие частные особенности.

В области согласных встречается еще ряд диалектных особенностей, представляющих большой интерес, но не имеющих широкой территории распространения, на которых мы в связи с объемом данного учебника не можем останавливаться подробно. Например, в некоторых говорах Костромской, Владимирской, Горьковской областей отсутствует оглушение звонких согласных на конце слова и перед следующим глухим: [зуб], [стог], [гброд], [лбдка].

Следует отметить, что многие резкие диалектные особенности в области согласных в последние десятилетия активно утрачиваются или уже почти утратились (мягкие шипящие, чоканье, изменение мягких [к'], [г'] в [т'], [д'], прогрессивное ассимилятивное смягчение заднеязычных). Однако некоторые достаточно существенные черты диалектного консонантизма оказываются относительно устойчивыми: цоканье, произношение аффрикат в соответствии с [ш'], [ж'], комплекс особенностей, связанных с характером губных фрикативных согласных и др.

Отдельные диалектные особенности сохраняются даже в речи людей, в целом владеющих нормами литературного языка. Это [γ] фрикативное, [w] губно-губное, утрата интервокального [j], упрощение группы согласных. Нередко можно услышать по радио

и телевидению произношение типа: [у ўбрат], [траўка], [кrow], [гвос'], [с'ем], [н'ев'ёска] и подобные.

Очевидно, что учитель, работающий в диалектных условиях или обнаруживший подобные орфоэпические ошибки в речи своих учеников, должен обращать на них особое внимание, а представителям интеллигенции следует более осознанно относиться к своей речи.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Какие отличия встречаются в говорах в составе согласных фонем?
2. Расскажите об особенностях аффрикат в говорах. Что такое цоканье? Приведите примеры.
3. Какие особенности существуют в русских говорах в реализации губных фрикативных согласных? Расскажите об истории звука [ф].
4. Расскажите об особенностях шипящих в говорах. Какова история долгих мягких шипящих и их место в консонантной системе говоров и литературного языка?
5. Какая особенность в области консонантизма обязательно учитывается при противопоставлении северного и южного наречий? Охарактеризуйте звук [γ].
6. Какие отличия встречаются в говорах при реализации фонемы <л>?
7. Приведите примеры диалектных различий, связанных с явлениями ассимиляции, диссимиляции, упрощения групп согласных.

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКИХ ГОВОРОВ

Как известно, *грамматика* (морфология и синтаксис) определяет специфику любого языка, составляет его ядро, она более устойчива, чем фонетика и лексика. В связи с этим диалектные отличия в морфологии носят обычно частный характер, в малой степени затрагивая систему говора, а касаясь в основном различий в оформлении отдельных грамматических форм. В данном учебнике будут рассмотрены лишь некоторые наиболее существенные морфологические особенности говоров.

Основные причины диалектных отличий в морфологии следующие:

1) сохранение древних, архаических форм, например таких, как формы *мати, дочи, свекры* в И. п. ед. числа;

2) стремление к унификации; более активное, чем в литературном языке, действие аналогии, например выравнивание основ в личных формах глаголов настоящего времени: [п'ек'óш], [п'ек'óт], [ст'ер'ег'óш], [ст'ер'ог'óт] под влиянием форм [пекú], [стерегú];

3) влияние фонетических факторов, например при разрушении категории среднего рода (см. ниже).

§ 10. Имя существительное

Имя существительное во всех русских говорах имеет те же основные грамматические категории, что и в литературном языке, т. е. категории рода, числа и падежа. Однако в говорах могут быть и некоторые отличия, касающиеся как состава самих этих категорий, распределения существительных по родам, количества падежей и типов склонения, так и (в основном) оформления конкретных падежных окончаний.

Рассмотрим наиболее заметные и существенные особенности, характерные для современных русских говоров.

Категория рода

В большинстве русских говоров различаются, как и в литературном языке, три рода: мужской, женский и средний. Но в некоторых южных, в основном юго-восточных, говорах наблюдается разрушение категории среднего рода. Причем те существительные, которые в литературном языке относятся к среднему роду, могут переходить в женский или (реже) в мужской род. Это выражается в согласовании с существительным прилагательных, местоимений, глаголов прошедшего времени ([бол'шаѝѣ хаз'аѝствѣ], [фс'а ста́дѣ пр'ишла́]) и отчасти в падежных окончаниях ([косим сѣну], [в ста́дѣ], [с повѣдлой], [без пла'тьи] и подобные).

Существуют различные точки зрения на причину этого процесса. Несомненно, имеет значение то, что группа слов среднего рода сравнительно немногочисленна в русском языке и не имеет поддержки в семантике, т.е. не связана с конкретной принадлежностью к определенному полу. Но, думается, основные причины замены среднего рода женским — фонетические. Дело в том, что рассматриваемое явление наблюдается лишь в акающих говорах, т.е. в тех, где происходит редукция безударных гласных. Неслучайно прежде всего переходят в женский род существительные с безударным окончанием. В безударном положении окончания существительных женского и среднего рода в И.п. не различаются: [ста́дѣ] — [па́лкѣ], [бало́тѣ] — [ко́шкѣ] и подобные.

Практически не различаются и безударные окончания прилагательных: [харо́шьѣѣ ко́шкѣ] — [харо́шьѣѣ м'а́сѣ] (различия конечных звуков прилагательных незначительны, а в беглой речи вообще утрачиваются). А так как существительные женского рода количественно значительно преобладают, то и слова типа *стадо*, *мясо*, *мыло* и подобные начинают также осознаваться как слова женского рода. Это постепенно приводит к разрушению среднего рода вообще, т.е. наряду с [харо́шьѣѣ м'а́сѣ] появляется [бал'шаѝѣ ста́дѣ], а затем и [худаѝѣ в'адро́], [бал'шаѝѣ с'ало] и подобные. Это явление захватывает и косвенные падежи: у бывших слов среднего рода появляются окончания 1-го склонения: [фс'у м'а́су], [из учѝл'иш'и], [жы́ту в'азáл'и], [ис с'ел'пы прин'о́с] и т.п.

Частичная утрата или разрушение категории среднего рода и замена среднего рода женским довольно широко распространены в южном наречии и некоторых среднерусских акающих говорах.

Гораздо реже встречается переход существительных среднего рода в мужской род. Это явление выражается только в согласовании ([бал'шóѝ с'ало́], [худóѝ в'адро́], [вес' ста́дѣ]), так как падежные формы у существительных мужского и среднего рода одинаковы. Именно этим, т.е. морфологическими причинами, объясняют большинство лингвистов вытеснение среднего рода муж-

ским. Принадлежность существительных мужского и среднего рода к одному склонению, наличие одинаковых окончаний во всех падежах, кроме И. и В., и численное преобладание слов мужского рода приводят к постепенному вытеснению среднего рода. Вероятно, этому способствует и иноязычное влияние, так как данное явление встречается в основном на периферии южных и среднерусских говоров, в соседстве с тюркскими или финно-угорскими языками, не знающими категории среднего рода. Интересно, что в некоторых современных говорах наблюдаются значительные колебания в роде у существительных исконно среднего рода. Например, в Волгоградской области отмечены такие случаи: *Какая одеяла? Стеганный он, лёгкий, байковый. Или: кислый, густый, парное, откидная молоко.*

Следует отметить, что разрушение категории среднего рода нигде не идет до конца. Будучи явлением сравнительно поздним, оно сейчас активно тормозится влиянием литературного языка. Поэтому практически нет или почти нет говоров, в которых средний род полностью отсутствовал.

Помимо диалектных особенностей, касающихся категории среднего рода и затрагивающих так или иначе морфологическую систему, в говорах встречаются отличия в принадлежности отдельных слов или групп слов к тому или иному роду. Это отличия частного характера, однако они довольно многочисленны и широко распространены в говорах, поэтому также представляют определенный интерес.

Так, в некоторых северных (в основном вологодских) говорах к среднему роду относятся названия молодых существ: *моё телятко, телёнок, одно парнишко, девчонко*, — а также слова *кололо (колокол), бересто*. В этих случаях сохраняется исконный род существительных.

В то же время *облако, яблоко* нередко оформляются как слова мужского рода: *облак, яблок*.

Часто наблюдаются колебания в роде существительных, оканчивающихся на мягкий согласный. Так, слова *зверь, ячмень, лебедь, тополь* в ряде говоров относятся к женскому роду (ср. у Пушкина: *лебедь белая плывет*). Особенно часто как слово женского рода осознается существительное *путь (долгая путь, на моей пути* и подобные), что проникает в просторечие и профессиональную речь железнодорожников («Поезд № 10 прибывает на *пятую путь*»).

Наоборот, слово *мышь* в ряде говоров (в основном южных и среднерусских) переходит в мужской род и соответственно во 2-е склонение (*большой мышь, кошка поймала мыша, играла с мышом*). Встречаются и некоторые другие отличия, касающиеся рода отдельных слов.

Категория числа

Диалектные отличия, касающиеся категории числа, сравнительно незначительны. Во всех говорах различается ед. и мн. число, двойственное число повсеместно утрачено (частные различия в некоторых формах существительных, возможно связанные с особой историей двойственного числа, будут рассмотрены в § 11 «Особенности склонения существительных»).

Отличия могут касаться соотношения основ и некоторых существительных, которые в литературном языке не имеют ед. или мн. числа. Так, в некоторых говорах шире, чем в литературном языке, распространена основа мн. числа, осложненная суффиксом [-j-], т. е. не только [брат] — [брáт'ja], [з'ат'] — [з'ат'já], но и [волос'ja], [стакáн'ja], [снóп'ja], [дúб'ja] (*дубы*). В некоторых северо-западных говорах с суффиксом [-j-] могут образовываться формы мн. числа даже от существительных женского рода: [площад'já], [лошад'já], [jam'já], [берез'ja] и подобные. По происхождению это формы собирательных существительных, и в говорах они сохраняют оттенок собирательности. В то же время в северных говорах широко распространены и собственно собирательные существительные с суффиксом [-j-] и флексией [-o] типа [коз'jó], [л'ис'jó], [р'еб'ат'jó], [муж'jó], [волос'jó] и подобные. (Интересный пример такого типа записан в Новгородской области: [Да што там в лесу? П'ён'jo да кор'ён'jo!].) Формы такого типа согласуются с глаголами и прилагательными мн. числа: [л'ис'jó] (*листья*) *отпадут*, [зверjó] *сбегутся* — и таким образом сближаются с образованиями на [-ja].

В некоторых северных говорах шире распространены основы мн. числа на [-ов-], [-овj-], т. е. не только [сынов'já], но и [зятев'já], [мужев'já], [дядев'já] и подобные.

Нередко в говорах нарушается характерное для литературного языка соотношение основ на [-онок]//[-'ат] типа: *ребёнок* — *ребята*, *телёнок* — *телята*. Возможны формы мн. числа: *ребёнки*, *телёнки*, *котёнки* и, наоборот — *котенята*, *гусенята*, *волченята*. В обоих случаях наблюдается тенденция к выравниванию основ.

В говорах часто приобретают форму мн. числа те существительные, которые в литературном языке обычно употребляются только в ед. числе. Это отвлеченные существительные (*жары сильные были, какие тут веселья, давай кажи свой творчества*), вещественные (*горохи сеяли, из разных шерстей, пивá варили* и подобные). Особенно часто употребляются во мн. числе названия злаков, овощей, ягод (*ржи нынче хорошие, картошки надо копать, малины поспели, да и брусники скоро поспеют, пирог с черникам* и т. п.).

В то же время иногда существительные *pluralia tantum* могут выступать в форме ед. числа (*заморозка, опилка*). Широко распространено в говорах употребление ед. числа с собирательным значением: *всю бульбу жук съел, поле кустом заросло, комар налетел, немец пришел* и подобные.

§ 11. Особенности склонения существительных

Наибольшее число диалектных отличий в области имени существительного обнаруживается в склонении. Причем отличия могут касаться как принадлежности существительного к тому или иному типу склонения, так и (чаще) оформления отдельных падежных окончаний.

Единственное число

В единственном числе для большинства говоров можно выделить те же три типа склонения, что и в литературном языке, хотя 3-е склонение иногда разрушается, и в некоторых случаях уже можно говорить о тенденции к распределению всех существительных между двумя типами склонения. Рассмотрим те основные диалектные особенности, которые отмечаются в каждом из трех склонений.

1-е склонение

К 1-му склонению в говорах относятся, как и в литературном языке, существительные женского рода, имеющие флексию *-а* в И.п. ед. числа ([женá], [земл'á]), и небольшая группа слов мужского рода на *-а* (*староста, дядя, Миша* и подобные). Однако в диалектном языке состав 1-го склонения может несколько расширяться, во-первых, за счет слов мужского рода, оканчивающихся на два согласных, последний из которых сонорный. Такие существительные развивают на конце гласный звук и переходят в женский род, например: *літра, мэтра, тїгра*. Во-вторых, за счет слов 3-го склонения типа *церковь, жизнь, болезнь*, которые часто оформляются как *цёрква, жїзня, болѣзня* и подобные. В то же время во многих северных говорах состав 1-го склонения может несколько сокращаться в связи с тем, что слова, обозначающие лиц мужского пола, с суффиксами *-ушк-, -ишк-* переходят во 2-е склонение (*сыншико, мальчишко, дедушко*).

Диалектные отличия касаются в основном оформления Р., Д. и П. п. Во многих северных говорах окончания существительных 1-го склонения в Д. и П. п. ед. числа совпадают с окончанием Р. п., например: *сын живет в Москвы, на шестой платформы, к классной доске ходил, круженье в головы*.

В некоторых южных и среднерусских говорах, наоборот, форма Р. п. может совпадать с формой Д. и П., например: *были у сестре, сено для козе*. В безударном положении происходит редукция, но конечный согласный основы остается мягким в отличие от исконных форм Р. п.: *из комна[т'ь], с рабо[т'ь], у ма[м'ь]* или даже: *из комна[т'и], у ма[м'и]* и подобные.

Наконец, есть такие говоры, в которых формы Р. п. оканчиваются на *-е* (от *сестре*), а формы Д. и П. п. — на *-ы* (*-и*) (*на горы, к земли*). Все это многообразие падежных форм объясняется историческими причинами. В древнерусском языке в склонении **ā*-основ, к которому восходит современное 1-е склонение, различались твердая и мягкая разновидности. Соотношение окончаний в рассматриваемых падежах было такое:

Р. — *жены, землѣ*

Д. — *женѣ, земли*

Местный (современный П. п.) — *женѣ, земли*.

В период перестройки древней системы склонений¹ утратилось различие между твердой и мягкой разновидностями внутри одного склонения. В тех говорах, которые легли в основу литературного языка, унификация шла по твердой разновидности, т. е. под влиянием форм типа *женѣ* стало и *землѣ* (позднее *ѣ > е*, стало *жене, земле*), под влиянием *жены* — стало *земли*, но изменение могло идти и другими путями. Сказанное можно иллюстрировать табл. 2.

Таким образом, в большинстве говоров процесс унификации падежных окончаний пошел дальше, чем в литературном языке, но в основе лежало общерусское явление: разрушение старой системы разных окончаний у существительных твердой-мягкой разновидности внутри одного типа склонения.

Некоторые диалектные особенности отмечаются и в формах Т. п. Так, довольно широко в некоторых южных и среднерусских говорах распространено окончание *-уй* (*палкуй, ложкуй, с бабуй* и подобные). Эта флексия чаще встречается у существительных с основой на губной или заднеязычный согласный. По-видимому, в акающих говорах [-ь] в окончании [-ъиу] (из *-ою*) подвергся сильной лабиализации под влиянием как предшествующего согласного, так и последующего *-у*, т. е. [палкѣиу], [палкуиу],

¹ Эти вопросы будут подробно рассматриваться в курсе исторической грамматики.

Таблица 2

Древнерусский язык	Современный литературный язык	Современные говоры		
		I тип	II тип	III тип
Р. <i>жены, земля</i>	<i>жены, земли</i>	<i>жены, земли</i>	<i>жене, земле</i>	<i>жене, земле</i>
Д. <i>женѢ, земли</i>	<i>жене, земле</i>	<i>жены, земли</i>	<i>жене, земле</i>	<i>жены, земли</i>
М. (П.) <i>женѢ, земли</i>	<i>жене, земле</i>	<i>жены, земли</i>	<i>жене, земле</i>	<i>жены, земли</i>

[палкуѣ] (конечный у утратился в большинстве говоров, как и в литературном языке).

В некоторых, в основном западных, говорах в Т. п. встречается окончание *-эй* ([под водѣй], [за горѣй], [с палкѣй]). Эту флексию рассматривают как результат особого взаимодействия твердой и мягкой разновидностей. Под влиянием [з'эмл'эйу] > [з'эмл'эй] стало [женѣй], а не наоборот, как в литературном языке: [женѣй] > [з'эмл'эй] > [з'эмл'бѣй].

2-е склонение

Ко 2-му склонению в говорах, как и в литературном языке, относятся существительные мужского рода с нулевым окончанием в И. п. ед. числа, основа которых оканчивается на твердый или мягкий согласный (*дом, конь, соловей*), и среднего рода на *-о, -е* (*окно, море*). Состав этого типа может расширяться в большинстве говоров за счет слов типа *кино, пальто*. Подобные существительные в диалектном языке обычно склоняются (*из кина, без пальта, в метрѣ*), что является результатом аналогии, искусственно сдерживаемой в литературном языке. Изменяются по 2-му склонению и сложносокращенные слова, и аббревиатуры (*к сельпо, в эмтеесе — от сельпо, МТС* и подобные).

Во многих северных говорах, как уже отмечалось, переходят во 2-е склонение слова, обозначающие лиц мужского пола, с суффиксами *-ушк-*, *-ишк-*: *батюшка, дедушка, сынишка* и подобные. В И. п. они обычно получают флексию *-о* (*батюшко, дедушко, сынишко*). В целом парадигма склонения этих существительных приобретает такой вид:

- И. *батюшко, сынишко*
- Р. *батюшка, сынишка*
- Д. (к) *батюшку, сынишку*
- В. *батюшка, сынишка*
- Т. *батюшком, сынишом*
- П. *батюшке, сынишке*

Ко 2-му склонению нередко относятся слова *мышь* (*мышя, с мышом*) и *путь* (*без путя, по путю*). В то же время иногда могут осознаваться как слова женского рода, и соответственно, изменяться по 3-му склонению слова *зверь, тополь, лебедь* и некоторые другие существительные с основой на мягкий согласный. Могут переходить в 1-е склонение слова типа *метр, литр*.

Отличия в падежных окончаниях отмечаются в формах Р. и П. п.

В литературном языке, как известно, в Р. п. могут быть окончания *-а* и *-у* (*из дома — из дому*). Окончание *-у* обычно употребляется при обозначении части от целого (*кусочек сахара, стакан чаю, ложка меду*) и в значении места в словах с односложной основой (*из лесу, из дому*). В говорах это окончание может употребляться шире, не связывается смысловыми или формальными ограничениями: *от берегу, с острову, из городу, сахару купил* и т.п.

Шире распространено окончание *-у* и в формах П. п. В литературном языке *-у* употребляется обычно в формах П. п., образованных от существительных с односложной основой, в местном значении: *в лесу, на мосту, на ходу, в дыму* и т.п. При этом ударение переносится на флексию: *о лесе — в лесу, в ходе* (*избирательной компании*) — *на ходу*. В говорах чаще отмечаются формы на *-у*, образованные от слов с неодносложной основой (*на острову, в городу*) и даже от одушевленных существительных, что невозможно в литературном языке (*на быку, при отцу, о своем сыну* и подобные).

Различие двух окончаний в формах Р. и П. п. и их неравномерное распределение в различных говорах и литературном языке также объясняются историческими причинами. Флексия *-у* восходит к формам Р. и М. (П.) п. древнего склонения с основой на **-й* (типа *сынъ*). В ходе исторического развития русского языка этот тип склонения разрушился, однако в некоторых случаях оказал влияние на более продуктивный тип **-о-основ*, который лег в основу современного 2-го склонения. С результатами этого взаимодействия древних типов склонения мы имеем дело в данном случае (подробнее об этом — в курсе исторической грамматики).

Вопрос о разрушении исконной системы склонения существительных рассматривается в курсе исторической грамматики.

3-е склонение

К 3-му склонению в говорах относятся существительные женского рода с нулевым окончанием в И. п. и основой на мягкий согласный или шипящий (*лошадь, дочь, рожь*), как и в литературном языке.

Состав этого склонения может несколько расширяться за счет слов типа: *зверь, ячмень, лебедь* и подобных (см. выше), — однако чаще он, наоборот, сокращается. Это происходит из-за того, что слова *жизнь, церковь, болезнь* и некоторые другие переходят в 1-е склонение (*болезня, такую болезнь*), а существительные *мать, дочь, свекровь* либо сохраняют исконные архаические формы, либо, подвергаясь словообразовательным изменениям (*матка, дочка, свекрова* или *свекровка*), переходят также в 1-е склонение. 3-е склонение вообще испытывает в говорах значительное влияние со стороны 1-го, что сказывается на некоторых падежных формах. Так, в ряде северо-восточных говоров в Д. и П. п. появляется окончание *-е*, что обычно сопровождается переносом ударения: *к лошаде́, на печё, в грязё*. В Т. п. возможно окончание *-ей* (вместо *-у*): [сѡл'ей], [гр'аз'ей], [нѡчей], а также своеобразная контаминация (объединение двух окончаний в одно новое): [гр'аз'иуи], [кѡчиуи], [лѡшад'иуи] (или [гр'аз'уи], [кѡчуи]).

Все эти факты свидетельствуют о постепенном разрушении 3-го склонения под влиянием 1-го, что объясняется общей для русского языка тенденцией к последовательному распределению существительных по типам склонения в зависимости от рода. Однако этот процесс, как правило, не идет до конца, нет полного совпадения окончаний 1-го и 3-го склонений во всех формах. Сейчас он к тому же тормозится влиянием современного литературного языка.

Особый интерес представляют существительные, исконно относившиеся к древнему склонению с основой на согласный. Некоторые архаические формы сохранились в склонении слов *мать* и *дочь*. Во многих северо-восточных говорах еще бытуют формы И. п. ед. числа *мати, дочи* (или *доци*) в отличие от В. п. — *матерь, дочерь*, например: *моя мати идет, но встретил его матерь*. В ряде южных говоров, наоборот, утратилось не только старое различие И. и В. п., но и сами слова *мать, дочь* вышли из употребления, заменившись существительными *матка, дочка*, относящимися к 1-му склонению.

В некоторых говорах эпизодически сохраняется форма И. п. ед. числа *свекры́*, например: [св'ѡкрѣ был урѡзнаи, а св'акрѣ... пѣул'ят' л'уб'йла] — записано в Серпуховском районе Московской области в конце 1960-х гг.

В то же время литературной форме *свекровь* в говорах часто соответствуют *свекрова, свекровка*, изменяющиеся по 1-му склонению.

Действию аналогии часто подвергаются существительные на *-мя* (*имя, время* и подобные). Во многих говорах они в косвенных падежах теряют так называемое «наращение» и относятся ко 2-му склонению.

И. [ím'о], [врém'о]

Р. [ím'a], [врém'a]

Д. [ím'у], [врém'у]

В. [ím'о], [врém'о]

Т. [ím'ем], [врém'ем] (или [ím'ом], [врém'ом])

П. [ím'е], [врém'е] ([ím'и], [врém'и])

Реже выравнивание основ идет по другому пути: наращение появляется и в И.п. — *именó* (или *имено*), *имена, имену* и т.д.

Множественное число

В древнерусском языке существительные различались по типам склонения не только в ед., но и во мн. (и в двойственном) числе. Например, в Д. п. мн. числа существовали формы: *женамъ, столомъ, гостъмъ, сынъмъ* и т.д. Сейчас, как известно, во мн. числе существительные не различаются по типам склонения. В Д., Т., П. п. все существительные имеют одинаковые окончания *-ам, -ами, -ах* (*женам, столам, ночам; женами, столами, ночами; женах, столах, ночах*). В говорах здесь возможны некоторые отличия от литературного языка, о которых будет сказано ниже.

Особый интерес представляют формы И., Р. и В. п. мн. числа, в которых существительные имеют различные окончания, хотя и не связанные непосредственно с типами склонения (например: *жены, города, кости; жен, городов, костей* и т.д.). Поскольку В. п. совпадает либо с И., либо с Р., рассмотрим более подробно лишь две падежные формы.

Именительный падеж

В И.п. мн. числа в литературном языке возможны окончания *-и, -ы* у существительных женского и мужского рода (*жены, земли; столы, кони*) и окончание *-а* у существительных среднего и отчасти мужского рода (*сёла, поля; глаза, учителя*). В большинстве южных и среднерусских говоров шире распространено окончание *-а* в мужском роде: *ветра́, снопа́, арбуза́, выбора́, комара́*

и т. п. Флексию *-а* иногда могут приобретать даже существительные женского рода: *деревня́, матеря́, костя́* и подобные. Одно слово в таком оформлении проникло в литературный язык, это *зеленя́* в значении «всходы озимых».

Расширение сферы употребления флексии *-а* в И. п. мн. числа — черта сравнительно новая и весьма продуктивная. Она распространяется на просторечие и постепенно все больше проникает в литературный язык. Так, еще в начале XX в. обычны были формы *учители, профессора, директора*. Сейчас они полностью вытеснены формами на *-а*. Становятся нормативными формы: *кондуктора, слесаря* и др. В просторечии типичны: *бухгалтера, шофера, торта* и подобные.

Окончание *-а* может распространяться и на слова с суффиксом *-анин*, т. е. в И. п. мн. числа: *горожана, крестьяна, дворяна* (а не *горожане, крестьяне* и подобные). Как уже отмечалось, в ряде говоров с флексией *-а* оформляются формы И. п. существительных, основа которых во мн. числе осложняется [j]: [дяд'ja], [девер'ja,] [кус'ja] (*кусты*), [кос'ja] (*кости*), [куч'ja] (*кучи*).

В то же время в некоторых северных говорах сохраняются исконные, архаические формы на *-и*: *снеги, облаки, береги, учителя* и подобные (ср. у Е. Евтушенко: *Идут белые снеги...*).

Родительный падеж

В современных говорах, как и в литературном языке, в Р. п. мн. числа возможны окончания *-ов (-ев)*, *-ей* и нулевая флексия (*столов, стульев, коней, ночей*, жен□, сел□). Однако распределение этих окончаний может быть различным. Прежде всего следует отметить, что наиболее продуктивной в говорах оказывается флексия *-ов (-ев)*. Она не только вытесняет нулевую у существительных мужского рода (*сапогов, солдатов, глазов, волосов, товарищев*), но и проникает в формы Р. п. мн. числа существительных среднего и женского рода. Так, во многих говорах (как северных, так и южных) отмечается: *озеров, болотов, окнов* и подобные. Вспомним всем известные, проникшие в просторечие формы: *местов, делов*. Реже это окончание отмечается у слов женского рода: *свадьбов, бабов, песнев, деревнев*.

Окончание *-ов (-ев)* может вытеснить и флексию *-ей*. Отмечаются формы: *желудев, конев, дождей, ножев, кирпичов* и даже — *полев, лошадев*. То есть наблюдается сильная тенденция к унификации окончаний; флексия *-ов (-ев)* стремится стать единственной в Р. п. мн. числа.

Но процесс этот не прямолинейный. Встречаются в говорах и противоположные случаи. Может быть более широко распростра-

нено окончание *-ей* в соответствии с литературным *-ов* и нулевым у существительных мужского рода (*братовей, волосей, дохторей*), особенно часто оно отмечается у слов с основой на *-ц*: *пальцей, огурцей, молодцей, зайцей*. Иногда это окончание отмечается и в женском роде (*пашней, грушей*) и известное в просторечии — *курей*.

В некоторых восточных южнорусских и среднерусских говорах отмечается еще окончание *-ох* (*годаох, концаох, комарох, делох, местох* и подобные). Возможно, это объясняется фонетическими причинами: ослаблением артикуляции [ф] и заменой [ф] звуком [х], что известно в ряде говоров. Но некоторые лингвисты предполагают, что здесь было влияние старых форм местного падежа. Местный падеж склонения *о-основ во мн. числе имел окончание *-охъ*, в двойственном числе формы Р. и местного падежей совпадали, что создавало предпосылки для их совпадения и во множественном числе.

Следует отметить, что наименее характерны для говоров формы Р. п. мн. числа с нулевой флексией. Это объясняется стремлением к унификации в пределах одного падежа и в то же время большей грамматической выразительностью падежных форм (наличие нулевой флексии в Р. п. мн. числа у существительных мужского рода создает омонимию с И. п. ед. числа: *солдат — солдат, сапог — сапог* и подобные).

Некоторые диалектные особенности форм дательного, творительного и предложного падежей

Особый интерес представляют формы Т. п. Наряду с окончанием *-ами* в говорах отмечаются флексии *-ама, -амы, -ам, -ми*. В южных и среднерусских говорах преобладают формы на *-ами*, но шире, чем в литературном языке, распространены формы на *-ми* (*свечми, плечми, ушми, слезми* и подобные). По происхождению это формы Т. п. множественного числа старого склонения *i-основ (ср. в литературном языке: *людьми, лошадьми, лечь костями*).

В ряде северных говоров, например в архангельских, Кировских, отмечаются формы Т. п. мн. числа на *-ама: рукама, ногама, городама, берегама* и подобные. По-видимому, окончание *-ама* восходит к старому окончанию Д. и Т. п. двойственного числа. Интересно, что это архаическое окончание распространяется на новую лексику, заимствованную из литературного языка: *машинама, колхозама* и подобные. Так, в 1960-е годы диалектологами был записан пример: *Сколько можно отделяваться накладными да разными шпаргалками*.

В ряде говоров, причем не только северных, но и южных, таких как курские, брянские, отмечается флексия Т. п. мн. числа *-амы*: *ногамы, столами, делами, конямы* и подобные. Она также встречается и в новых словах: *студентамы, косилкамы, наукамы* и т.д. Предполагается, что это окончание возникло в результате контаминации (сложения, скрещивания) флексии *-ами* со старой флексией Т. п. мн. числа склонения *о-основ *-ы* (было: *с товарищи, плоды, внуки*).

Наконец, во многих северных, северо-западных и западных среднерусских говорах (например: в Новгородской, Псковской, Тверской областях) широко распространено окончание *-ам*: *за грибам, за ягодам, за дровам, с рукам, с ногам, со своим братьям* и т.д. Подобные формы до сих пор весьма устойчивы. Они сравнительно новые, и их происхождение не вполне ясно. Большинство лингвистов связывают их возникновение с неразличением форм Т. и Д. п. в двойственном числе. Это неразличение могло распространиться на мн. число, причем совпадение произошло в форме Д. п. В таких говорах форма Т. п. мн. числа совпадает с формой Д. п. мн. числа: *к братьям — с братьям, пошел за дровам — подошел к дровам* и подобные. При усвоении литературной нормы иногда возникает обратное явление: формы Д. п. приобретают вслед за Т. окончание *-ами*, т.е. если в говоре было: *к братьям — с братьям*, и носители говора усваивают, что форма *с братьям* неверная, надо говорить *с братьями*, они механически переносят новое окончание *-ами* и на форму Д. п., так как не привыкли различать Т. и Д. п. Так возникает новая диалектная особенность: окончание *-ами* распространяется и на форму Д. п. мн. числа (*к мужиками, по делами, к сестрами*).

Изредка в некоторых южных говорах в Д. и П. п. мн. числа отмечаются окончания *-ом, -ох* (*по грехом, по делом; на столох, на [кон'ох]*). По происхождению это окончания старого склонения с основой на *-о* (Д. *-омъ*, М. *-охъ*), но в говорах они могут распространяться и на существительные, принадлежавшие к другим типам склонения: [к гост'ом], [к лошад'ом], [на лошад'ох], [в гост'ох], [в лапт'ох] и подобные.

Таковы основные диалектные особенности, касающиеся оформления категорий рода, числа и падежа существительных в современных русских говорах. Следует отметить, что в настоящее время большинство из них постепенно утрачивается под влиянием литературного языка.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Опишите диалектные особенности, наблюдающиеся в категориях рода и числа существительных.

2. Какие особенности в распределении существительных по типам склонения отмечаются в говорах?
3. В чем особенности склонения существительных на *-а* (1-го склонения) в говорах? Приведите примеры.
4. Какие диалектные особенности отмечаются во 2-м склонении существительных (в существительных мужского и среднего рода)? Приведите примеры.
5. В чем особенности склонения существительных женского рода на мягкий согласный и шипящий (3-го склонения)?
6. Какие диалектные особенности наблюдаются в склонении существительных во мн. числе?
7. Охарактеризуйте архаические черты, которые сохраняются в формах существительных в говорах.

§ 12. Местоимение

В говорах существуют все те же разряды **местоимений**, что и в литературном языке: личные, возвратное, указательные, притяжательные, отрицательные, определительные, неопределенные, относительно-вопросительные. По своему значению и грамматическим признакам они разделяются на две неравные группы: личные (к которым примыкает возвратное) и неличные.

Личные местоимения

В склонении личных местоимений 1-го и 2-го лица и возвратного местоимения наибольший интерес представляют формы **Р.** и **В.** п. ед. числа¹. Они четко противопоставляются в северном и южном наречиях. Для северного наречия характерно окончание *[-'a]: [м'ен'á], [т'еб'á], [с'еб'á]*, как в литературном языке, для южного наречия — окончание *[-'e]: [м'ин'é], [т'иб'é], [с'иб'é]*. Эти формы обычно учитываются при классификации говоров как один из основных противопоставленных признаков. Следует отметить, что окончание *[-'e]* является архаичным, именно оно было свойственно форме **Р.** п. в древнерусском языке.

При склонении личных (1-го и 2-го лица) и возвратного местоимения некоторые отличия встречаются в говорах в типах основ.

Так, в некоторых северных говорах в **Р.** и **В.** п. местоимения 1-го лица отмечается основа *мн-*: [у м'на́], видимо, под влиянием

¹ Следует помнить, что, как и в литературном языке, возвратное местоимение не имеет формы **И.** п. и форм мн. числа.

форм Д. п. ([ко мнѣ]), П. п. ([обо мнѣ]). В некоторых говорах, наоборот, в Д. п. встречается форма [м'ин'ѣ], вероятно, под влиянием Р. и В. п.

В ряде говоров, преимущественно юго-западных, формы Д. и П. п. ед. числа личного местоимения 2-го лица и возвратного образуются от основ *тоб-*, *соб-*: [тоб'ѣ], [соб'ѣ]; при аканье — [таб'ѣ], [саб'ѣ]. Изредка встречаются и формы [тоб'а], [соб'а] (в Р. и В. п.), очевидно, под влиянием Д., Т. и П. п.

Иногда в Р., В. и Д. п. отмечается своеобразная основа [т'ej-], [с'ej-] вместо [т'ѣб-], [с'ѣб-]: [т'ejá] (*тебя*) > [с'ejé] (*себе*).

Наконец, в некоторых говорах в Р. и В. п. встречаются краткие формы рассматриваемых местоимений *мя*, *тя*, *ся* (вместо *меня*, *тебя*, *себя*), восходящие к древним энклитическим формам В. п.

Личные местоимения 3-го лица иногда рассматриваются в группе неличных, так как по происхождению являются неличными местоимениями. Однако для современных говоров, как и для современного литературного языка, представляется целесообразным относить их к разряду личных местоимений. Диалектные отличия здесь не очень значительны.

Прежде всего в ряде говоров, как северных, так и южных, часто наблюдается возникновение начального [j] в формах И. п.: [jон], [jона] (*он*, *она*). Это объясняется влиянием косвенных падежей, формы которых начинаются с [j] ([jово], [jему] и подобные).

В И. п. мн. числа наряду с формой *они* наблюдается *оны* (и [jоны]), возможны колебания этих форм в одном говоре. Это объясняется историческими причинами. В древнерусском языке местоимения различались по родам не только в ед., но и во мн. числе. В И. п. мн. числа мужского рода была форма *они*, в женском роде — *оны*. Сейчас употребление этих форм не обусловлено родом. Изредка отмечается и форма *онѣ*, которая обычно объясняется влиянием указательного местоимения *те*.

В Р. п. ед. числа мужского рода наряду с формой [jeво] отмечаются также формы [jeбó], [jeубó]. Подробнее об этом — в разделах о неличных местоимениях и прилагательных.

В некоторых северных говорах в В. п. ед. числа женского рода употребляется форма *ю* (*видел* [ju]), а после предлога возможно *ню* ([на н'у]).

Это архаическая черта, сохранение соответствующей древнерусской формы.

Наконец, в говорах может отсутствовать протетический звук [н-] в предложно-падежных конструкциях типа *у него*, *к нему*, *с ней* и подобных, т.е. бытуют формы: [к jemú], [у jeвó], [к jeú]. Такая особенность нередко отмечается и в просторечии.

Неличные местоимения

Диалектные особенности неличных местоимений во многом совпадают с особенностями прилагательных. Поэтому здесь мы кратко охарактеризуем те отличия, которые свойственны именно этой группе местоимений. Во многих говорах наблюдаются осложнения некоторых форм указательных местоимений добавочным элементом, состоящим из [j] и гласного окончания. Например, И. п. ед. числа женского рода [та́йа] — *та*, И. и В. п. ед. числа среднего рода [та́џе] или [то́џ] — *то*, В. п. ед. числа женского рода [ту́йу] — *ту*. Все эти формы имеют историческое объяснение: они образованы присоединением к формам местоимений *та*, *то* древних указательных местоимений *и* [jъ], [ja], [je]. Аналогичный процесс происходил когда-то и при образовании полных прилагательных.

В так называемом местоименном склонении (склонении неличных местоимений) исконно различались твердая и мягкая разновидности в зависимости от характера (твердости или мягкости) конечного согласного основы. Например, *тот*, *та*, *то* склонялись по твердой разновидности; *мой*, *моя*, *моё* — по мягкой. В говорах возможно как влияние твердой разновидности на мягкую ([мо́џи], [тво́џи], [фс'о́џ], как [то́џ], [какóџ]; [мо́џе], как *тэ*), так и мягкой на твердую (*тых*, *тым*, как *моих*, *твоих*; поскольку согласный [т] в основе твердый, произносится как [ы], а не [и]). Эта особенность отмечена в разных, в том числе и в среднерусских, говорах.

В Р. п. ед. числа мужского и среднего рода наряду с окончанием *-ово* ([-овъ], [-ъвъ]), широко распространенным в северных, большинстве среднерусских говоров и являющимся нормой литературного языка, отмечается также: *-ого* — [ко́џ], [то́џ]; [-оуо] — [тоу́џ], [коу́џ]; [-оо] — [то́џ], [ко́џ]. Формы типа [то́џ] распространены в говорах Архангельской области и в Карелии. Форма без согласного [то́џ] также отмечается в архангельских говорах. Окончание с [γ] фрикативным широко распространено в южном наречии, но встречается и в некоторых северо-западных говорах, где звук [г] обычно взрывного образования; [γ] фрикативное в этих окончаниях является характерной своеобразной чертой онежской группы.

В Р. п. ед. числа женского рода в некоторых северных говорах (архангельских, вологодских) отмечается окончание *-ое* (-еџ), *-ые* (-џе): *у такбе жены*, *тбе зимы*, *у тые бабы* и подобные.

В ряде северо-западных говоров находим окончание *-ей* после твердых согласных в формах Р., Д. и П. п.: [у тэ́џ], [к тэ́џ], [о какэ́џ]. Здесь возможно влияние мягкой разновидности склонения ([сво́џџ], [фс'э́џ]), но конечный согласный основы сохраняет свою твердость.

В некоторых смешанных говорах формы П. п. совпадают с Т. п.: *в какѣм году, в такѣм платке*.

В тех говорах, где существуют особые диалектные формы Т. п. мн. числа существительных, наблюдаются и соответствующие формы согласуемых с ними неличных местоимений: *за такѣм грибам, со своѣм братьям; с такѣма ногѣма, своѣмы руками* и подобные. Интересно, что Т. п. мн. числа на *-м, -ма* встречается и у личных местоимений: *с нам, с вам, с имѣ* (с ними).

Наконец, в говорах отмечены неличные местоимения, не встречающиеся в литературном языке, например: *ѣнтот, ѣвтот, ѣкой, ѣдакой, кой, ин, ѣнокой, ѣйный, ѣхний* (последние обычно в просторечии); в отдельных выражениях — *сей* (*сей год, на сем свете*) и некоторые другие.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Охарактеризуйте особенности в склонении личных местоимений, встречающиеся в русских говорах.
2. По каким падежным формам личных (1-го и 2-го лица) и возвратного местоимений противопоставляются северные и южные говоры? Приведите эти формы в качестве примеров.
3. Каковы в говорах различия в окончаниях Р. п. личного (3-го лица) и неличных местоимений?
4. Опишите другие диалектные отличия, которые отмечаются в склонении неличных местоимений.

§ 13. Имя прилагательное

Имя прилагательное в говорах, как и в литературном языке, характеризуется согласуемыми формами рода, числа и падежа. Различаются прилагательные качественные, относительные и притяжательные. Качественные могут выступать в полной и краткой форме. Различия между говорами и отличия от литературного языка носят частный характер, во многом сходны с особенностями неличных местоимений, однако довольно многочисленны. Назовем лишь основные из них.

В северном наречии и северо-восточной части среднерусских говоров широко распространены так называемые стяженные формы прилагательных. Они возникают при утрате интервокального [j] и последующем стяжении гласных, т. е. объясняются фонетическими причинами, например: [краснаѣа] > [краснаа] > [красна]; [краснуѣу] > [краснуу] > [красну].

Иногда после утраты [j] стяжение гласных не происходит и форма оканчивается на долгий гласный: [краснѣа], [б'ѣлѣа], [нѣвѣо].

Стяженные формы отмечаются в И. и В. п. ед. числа женского и среднего рода и в И. п. мн. числа: *картошка крупна, чисто небо, нбвы валенки, бѣлы грибы, больщюу копну* и т. п.

Стяженные прилагательные отличаются от кратких местом ударения. Они сохраняют ударение полных прилагательных, в то время как у кратких прилагательных ударение на окончании, например: *холодна вода* (стяженная форма) — *вода холоднѧ* (краткое прилагательное); *велики люди* — *сапоги великѧ, красна кофта* — *весна краснѧ* и подобные.

Синтаксическая роль стяженных прилагательных — определение, а кратких — именная часть составного именного сказуемого.

Наличие стяженных форм прилагательных — довольно резкая, заметная, но в то же время весьма устойчивая диалектная черта. Она обычно не осознается носителями говора и часто сохраняется в речи людей, в целом владеющих литературной нормой.

Некоторые диалектные особенности наблюдаются в формах кратких прилагательных. Так, в ряде рязанских, орловских, калужских говоров бытуют формы И. п. мн. числа на *-и*: *сыти, ради, богѧти, виновѧти* и подобные. Это объясняется историческими причинами. В древнерусском языке краткие (именные) прилагательные имели разные окончания в зависимости от рода не только в единственном, но и во множественном числе. Затем в большей части говоров (и в литературном языке) произошло обобщение окончаний по женскому роду и установились формы *сыты, рады* и подобные, а в некоторых говорах «победили» формы мужского рода типа *сыти, ради*. Интересно, что такие формы еще сохраняются в литературном языке начала XIX в. Так, в комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума»: «Чацкий. — Вы ради? В добрый час»...

В притяжательных прилагательных иногда сохраняются старые падежные формы именного склонения, например в вологодских говорах: *рыбья жиру, тѣтина дома, с мужовы стороны*. Но чаще они имеют окончания полных прилагательных, в том числе и в формах, где в литературном языке еще сохраняются старые окончания, например: *отцового ружья, тѣтиновой соседки, колиновому другу*.

Многочисленные особенности встречаются в говорах в падежных окончаниях полных прилагательных.

В И. п. ед. числа мужского рода в литературном языке под ударением *-ой*, без ударения *-ый, -ий* (*молодѧй, краснѧй, синѧй*). В северных говорах окончание *-ой* может быть и в безударном положении: *старой дуб, дерзкой парень, умной дед* — и даже после мягкого согласного основы: *лѣт[н'оѧ] день, сѧ[н'оѧ] платок, ко[л'учоѧ] еж*. В то же время в некоторых западных (брянских)

говорах встречается окончание *-ый* под ударением: *боев^{ый}*, *кос^{ый}*, *сух^{ый}*.

В ряде вологодских и владимирских говоров отмечено окончание *-эй*: *молод^{эй}*, *стар^{эй}*, *худ^{эй}*, — а после мягких согласных: *з^{йм}[н'эй]*, *с^й[н'эй]*. Это обычно (но не вполне убедительно) объясняется влиянием неличных местоимений типа [тэй].

В Р. п. ед. числа мужского рода прилагательные, как и неличные местоимения, могут иметь в говорах окончания *-ого*, [-оуо], *-оо*, *-ово* (соответственно, после мягких согласных: *-его*, [-еуо], *-ео*, *-ево*): *красного*, *красно[γ]о*, *красноо*, *красново*; *синего*, *сине[γ]о*, *синео*, *синево*.

В акающих говорах в безударном положении гласный выступает соответственно в виде [ъ] или [’ъ]: [красъвь, с’йн’въ] и подобные.

Флексия *-ого* встречается в архангельских и некоторых карельских говорах; [-оуо] — в говорах, расположенных около Онежского озера, и во многих южных (в южных, естественно, с редукцией гласных). В архангельских говорах и в говорах Поволжья широко распространена флексия *-оо*, однако обычно наряду с другими. Наконец, шире всего распространено окончание *-ово*, являющееся также нормой литературного языка (написание *-ого* традиционное и не отражает современного произношения).

Это разнообразие форм Р. п. прилагательных неоднократно привлекало внимание исследователей. Сейчас в общем принята такая точка зрения: исконным окончанием рассматриваемой падежной формы было *-аго* (*краснаго*), изменившееся под влиянием указательного местоимения (*того*) в *-ого*. Ослабление интервокального взрывного согласного [г] в безударном окончании привело к его изменению в [γ] фрикативное. Слабый звук [γ] утрачивается и получается флексия *-оо*. Зияние (сочетание двух гласных) вообще не характерно для русского языка, и между двумя лабиализованными гласными возникает протетический губной звук [в]. Таким образом, различные окончания в современных говорах представляют собой разные этапы эволюции древней флексии. Данное объяснение касается и неличных местоимений, и местоимений 3-го лица.

Интересно, что в северном наречии широко распространена форма с *-а* на конце: *краснова*, *худова* и подобные. Существует много точек зрения на причины появления здесь *-а* вместо *-о*. Наиболее убедительным представляется объяснение этой особенности влиянием именного склонения (*стола*, *отцова*).

Отдельные диалектные особенности встречаются также в окончаниях Т. и П. п. Так, в некоторых среднерусских акающих говорах в Т. п. возможно окончание *-ом*: с *белом грибом*, с *хорбиом человеком*.

В П. п. в некоторых владимирских, псковских, брянских говорах отмечается окончание *-ым (-им)*: *в прѣшлѣм годѣ, на толстѣм бревнѣ* — и даже под ударением: *в большѣм шкафѣ*.

Подобные случаи, вероятно, объясняются действием аналогии.

В то же время в некоторых говорах известны архаические нестяженные формы Т. п.: *краснѣим, добрыѣим*.

Определенные диалектные особенности встречаются и в склонении прилагательных женского рода.

Так, в Р. п. наряду с обычным (как и в литературном языке) окончанием *-ой* (*у старѣй бабы, от злоѣ судьбы*) в некоторых северных и среднерусских говорах сохраняется архаическая флексия *-ые (-ья), -ое (-оя)*: *у простѣе женѣцны, от молодѣе бабы, у молодѣя жены, нет правѣя руки* и подобные.

Наличие этих вариантов связано с историей образования полных прилагательных, которая будет подробно изучаться в курсе исторической грамматики.

В некоторых северо-западных говорах встречается окончание *-эй* (реже *-эя*) в Р., Д. и П. п.: *у молод[эй] жены, от зл[эй] собаки, по сух[эй] дороге, на больш[эй] реке* (и — [от зл[эйа] собаки).

Подобная форма отмечается и у неличных местоимений.

В В. п. в некоторых южных и среднерусских говорах распространено окончание *-уя* как под ударением, так и в безударном положении: *большѣуя избу, молодѣуя сноху, нѣвуя шаль*; реже *-ою (-ей)*: *рябѣю девицу, сѣльною руку*.

В Т. п. наряду с односложным окончанием *-ой* встречается архаическое двусложное *-ою* [бѣю]: *молодѣю женою, большою избою*, — а также своеобразная флексия *-уй* (*краснѣуй кѣфтуй, длѣннѣуй пѣлкуй*). В Рязанской области наряду с *-ою* возможно окончание *-оя* (*с молодѣя, с худѣя* и подобные).

Все эти флексии имеют определенные объяснения, приводить которые не имеем возможности в связи с ограниченным объемом учебника.

Во мн. числе в форме И. п. преобладает флексия *-ые*, разные варианты которой объясняются фонетическими причинами. В большинстве северных и среднерусских говоров (и в литературном языке) она произносится как *-ыи (-ии)*: *новѣи дома, злыи люди, редкии волосы*.

В некоторых костромских, ярославских, новгородских говорах это окончание произносится как *-ые* [бѣйэ]: *яснѣе дни, разнѣе люди*, — а при наличии в говоре заударного ёканья — как [-бѣйо]: *тѣп[к'ийо] болота, сѣл'н[бѣйо] лошади*. В южных акающих говорах возможно окончание *-аи* (*старѣаи, умнаи*). Своеобразные диалектные формы на *-эи (-эя)* в основном характерны для вос-

точной части среднерусских говоров: худ[эи], худ[эиэ], худ[эиа], их происхождение не вполне ясно.

В Р., Д. Т. и П. п. изредка сохраняются старые нестяженные формы типа: *белых, белым, белыми, (о) белых*.

В небольшой группе Белозерских говоров в Р. и П. п. отмечены редкие формы на *-ыв* [-ыф]: *от худ[ыф], без родн[ыф], о стар[ыф]*, — возникшие, видимо, под влиянием соответствующих форм существительных.

В Т. п. мн. числа полные прилагательные, так же как существительные и местоимения, могут иметь в говорах разные окончания. Формы на *-ыми (-ими)*, являющиеся нормой литературного языка (*красными, синими*), употребляются повсеместно, но наряду с ними достаточно широко распространены диалектные окончания *-ымы (с белымы грибами)* в ряде северных, северо-западных и юго-западных говоров; *-ыма (со старыма друзьяма)* в онежских и в северной части северных говоров; *-ымя (с малымя дитяма)* в некоторых вологодских, архангельских и в то же время орловских и тульских говорах; *-ым (с новым соседям)* в западных среднерусских говорах. Изредка отмечаются также флексии *-ыими (красныими), -эми, -эими (краснэми, краснэими)* в ряде восточных среднерусских говоров.

Формы прилагательных обычно совпадают с существительными, с которыми они согласуются (*большыма городама, новымы домамы, с белым грибам*), хотя иногда возможно и расхождение в окончаниях (*с добрымя друзьями, с наукамы большыма*).

Причины возникновения рассмотренных окончаний различны и не вполне ясны. Под влиянием литературного языка повсеместно устанавливается форма на *-ми*, как и у существительных, но и диалектные формы отмечаются еще нередко. Естественно, учителям, работающим в местах распространения соответствующих говоров, следует это учитывать.

В говорах наблюдается также многообразие форм сравнительной степени.

Суффиксы *-ее, -ей, -е, -ше* являются общими для литературного и диалектного языка. Но распределение суффиксов между основами может быть различным. Так, суффикс *-ее* отмечается повсеместно, но наряду с общерусскими формами типа *сильнее, быстрее, главнее* в говорах можно встретить: *хужее, молодее, старее*. Как вариант суффикса *-ее* [’эиэ] часто выступает суффикс *-ей* [’эй]. В говорах Смоленской, Брянской, Калужской областей сравнительная степень прилагательных образуется только при помощи этого суффикса (*быстрэй, большэй, ширшэй*), который может быть и безударным (*бллей, мёней, блížей*).

Суффикс *-ей* часто употребляется в соответствии с литературным *-е*: *тоньшей, хуже́й, ширше́й (тоньше, хуже, шире)*. Одна-

ко возможно и более широкое распространение суффикса *-е*: *боле, мэне, стáре, лóвче*.

Шире может употребляться и суффикс *-ше*: *дешевше, длиньше, ширше, красивше*. Это отмечается в центральных среднерусских говорах и активно проникает в московское просторечие.

Особенно интересно наличие специфически диалектных суффиксов: *-áе* — *толицáе, добрjáе, скорjáе* (например, в архангельских говорах); *-ейше (-айше)* — *хужейше, густейше, ближайше, хужайше* (в западных среднерусских говорах); *-че* — *тяжелече, ранече, веселече*. Территория распространения этих суффиксов четко не определяется, они встречаются в отдельных говорах, как, например, *-оше*: *гладоше, крепоше, прямоше* в псковских говорах и некоторых других.

Всего в говорах отмечается около 15 видов суффиксов, используемых при образовании сравнительной степени прилагательных. Таким образом, мы видим, что в современных диалектах система образования сравнительной степени прилагательных весьма сложна и своеобразна.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Какие формы прилагательных называют стяженными? Как они возникли? Для каких говоров характерны?
2. Какие диалектные особенности наблюдаются в формах кратких прилагательных?
3. Какие диалектные отличия в падежных окончаниях наблюдаются в склонении прилагательных мужского и среднего рода?
4. Охарактеризуйте диалектные отличия, которые наблюдаются в склонении прилагательных женского рода.
5. Какие диалектные особенности наблюдаются в склонении прилагательных во множественном числе?
6. Опишите особенности, наблюдающиеся в говорах при образовании сравнительной степени?

§ 14. Глагол и глагольные формы

Глагол в современных русских говорах характеризуется теми же основными грамматическими категориями, что и в литературном языке, т.е. категориями наклонения, времени, вида, залога, а в некоторых формах — лица, числа и рода.

Диалектные отличия касаются в основном конкретного оформления тех или иных грамматических форм, однако они бывают достаточно заметными и устойчивыми при усвоении норм литературного языка.

Изъявительное наклонение. Настоящее время

Во всех русских говорах существует три наклонения: изъявительное, повелительное и условное (сослагательное). В изъявительном наклонении различаются три времени: настоящее, прошедшее и будущее. Рассмотрим сначала диалектные отличия в формах настоящего времени.

1. Одним из основных признаков, характеризующих северное и южное наречия, считается оформление 3-го лица ед. и мн. числа глаголов настоящего и простого будущего времени.

Для северного наречия в целом для этой формы характерно окончание [-т] твердое: [ид'óт], [иду́т]; [кричи́т], [крича́т]. Такое окончание свойственно и северной части среднерусских говоров. Оно является также нормой литературного языка.

Для южного наречия и южной части среднерусских говоров характерно окончание [-т'] мягкое: [ид'óт'], [иду́т']; [кричи́т'], [крича́т'] и подобные. Однако это общее положение не является абсолютным. В небольшой группе северных говоров, расположенных около Онежского озера, встречаются формы 3-го лица настоящего времени на [-т'], но, как правило, только в 3-м лице мн. числа глаголов I спряжения: [живу́т'], [знаю́т'], [думаю́т'], [иду́т'] (при [ид'óт], [кричит], [кричат], [гл'ад'ат] и т.п.).

Кроме того, во многих говорах, как южных, так и северных, а также среднерусских, встречаются формы без конечного [-т], например на Севере (Крайнем Севере и северо-западе), в 3-м лице ед. числа глаголов I спряжения ([ид'ó], [в'ед'ó], [н'ес'ó]) и в 3-м лице мн. числа глаголов II спряжения ([гл'ад'á], [в'йд'á]).

Во многих южных говорах, а также западных среднерусских (в основном псковских) отмечаются формы без окончания и в 3-м лице ед. числа у глаголов II спряжения, причем конечное *и* изменяется в *а*: *он* [хóд'а], [л'уб'а], [в'йд'а], [прóс'а] и т.д. Однако нет ни одного говора, где отмечались бы только формы без [-т], они всегда сосуществуют с основными формами на [-т] или [-т'].

Исконными для русского языка являются формы на [-т'] (в древнерусском языке формы 3-го лица настоящего времени оканчивались на *-тъ*). Происхождение других окончаний не вполне выяснено. Существует ряд объяснений, фонетических и морфологических, предложенных А.А. Шахматовым, М.П. Обнорским, П.Я. Черных. Подробнее об этом будет говориться в курсе исторической грамматики. Пока уместно только вспомнить, что в старославянском языке рассматриваемые формы имели окончание *-тъ*.

2. В большинстве северных и некоторых северо-восточных среднерусских говорах при спряжении глаголов с безударным окончанием наблюдается утрата [j] (точнее [j̣]) в положении между двумя гласными и последующее стяжение гласных, которое может сопровождаться их ассимиляцией, например: [игра́ѣт] > [игра́эт] > [игра́ат] > [игра́т]; [ч'ита́ѣт] > [ч'ита́эт] > [ч'ита́ат] > [ч'ита́т].

Этот процесс не всегда идет до конца, т.е. в говорах можно реально услышать и формы типа [игра́эт], или [игра́ат], или [игра́т].

Некоторые современные исследователи говорят даже об особом спряжении. Оно выглядит примерно так: *дúму, дúмаш, дúмат, дúмам, дúмате, дúмут*.

Но утрата [j] во всех лицах и числах отмечается редко, чаще всего она касается форм 2-го и 3-го лица ед. числа.

Следует отметить, что рассматриваемая диалектная черта очень устойчива, обычно не осознается говорящими и сохраняется в речи лиц, в целом овладевших нормами литературного произношения. Утрата интервокального [j] нередко воспроизводится в языке художественной литературы для придания местного колорита речи персонажей.

3. В литературном языке при спряжении глаголов с основой на задненёбный согласный наблюдается чередование задненёбного с шипящим: [к]//[ч'] — *пеку* — *печешь*; г//[ж] — *могу* — *можешь*, *лягу* — *ляжешь*. Во многих говорах подобные чередования могут либо отсутствовать полностью (*пеку* — *пекош*, *жгу* — *жгош* — во владимирских говорах), либо чаще заменяться чередованием [к]//[к'], [г]//[г']: *пеку* — *пе[к']ош*, *жгу* — *ж[г']ош*, *стерегу* — *стере[г']ош* и подобные. Это явление объясняется действием аналогии, стремлением к выравниванию основ. Оно широко проникает в просторечие, а иногда отмечается и у носителей литературного языка: *тол[к']ош*, *воло[к']ош* и подобные. Литературной нормой такое чередование является только в одном случае: в глаголе *ткать*: *тку* — *т[к']ош*, но как раз в этом слове в некоторых говорах может наблюдаться чередование с шипящим: *тку* — *то[ч']ош*. Иногда выравнивание глагольных основ приводит в говорах к появлению шипящих во всех формах: *бежу* (под влиянием *бежишь*), *ляжь*, *ляжут* и подобные. Такие формы также иногда проникают в просторечие.

4. В некоторых, как северных, так и южных, говорах (например, архангельских, вологодских, курских, орловских, калужских) может отсутствовать также чередование зубных и губных согласных в глагольных основах. Для литературного языка характерны чередования [т']//[ч'] (*колотить* — *колочу*), [д']//[ж] (*водит* — *вожу*), [з']//[ж] (*возить* — *вожу*), [с'т']//[ш'] (*нустить* — *нущу*),

а также: *любить* — *люблю*, *копить* — *коплю*, *ловить* — *ловлю* и подобные. В говорах же возможны формы: *коло*[т'у́], *во*[д'у́], *во*[з'у́], *пус*[т'у́], *лю*[б'у́], *ло*[в'у́] и подобные. Явление это, как и рассмотренное ранее, сравнительно новое, объясняется тенденцией к выравниванию основ, но распространено значительно меньше и не оказывает влияния на литературный язык. Подобное аналогическое выравнивание наблюдается лишь в детской речи.

5. В некоторых архаических северных говорах сохранились старые формы 2-го лица ед. числа настоящего времени глаголов *дать* и *есть*. Эти глаголы относились когда-то к так называемому 5-му нетематическому классу, и их спряжение значительно отличалось от спряжения всех остальных глаголов. Остатком этого спряжения в литературном языке являются формы 1-го лица: *ем*, *дам*. В говорах возможны и формы 2-го лица *еси*, *даси*, представляющие собой сохранение исконных форм. (Современные литературные формы *дайшь*, *ешь* восходят к повелительному наклонению.) Эта частная и редкая диалектная черта интересна именно в силу своей архаичности.

Диалектные особенности в формах будущего времени

Простое будущее время не представляет в говорах особого интереса, так как его формы в основном не отличаются от соответствующих форм литературного языка. Отличия, связанные с твердостью—мягкостью ([зд'элььѣт]) или отсутствием конечного [т] в 3-м лице ([зд'эльь]) и утратой интервокального [j] ([пръч'и^егáэт], [пръч'и^етáт]), описаны в подпараграфе, посвященном настоящему времени.

Некоторые диалектные особенности связаны с образованием форм будущего сложного. В качестве вспомогательного глагола в ряде новгородских, вологодских, костромских говоров может выступать не глагол *быть*, а глагол *имать*, т. е. будущее сложное приобретает такой вид: *иму орать* (*буду пахать*), *имешь робить*, *имет косить*, *имем играть* и т. д. Изредка в качестве вспомогательного глагола употребляется также глагол *стать* и еще реже — *почать*, *учать* в некоторых архаических вологодских говорах: *стану спать*, *стану косить*, *учну реветь*. Все эти особенности представляют собой архаические черты. В древнерусском языке в качестве вспомогательных глаголов при образовании сложных форм будущего времени использовались глаголы *имати*, *почати*, *начати*, *хотети*. Только с XVI в. они вытесняются глаголом *быть*, поскольку он оказался наиболее се-

мантически нейтральным (не имел самостоятельного лексического значения). В литературном языке и в большинстве говоров этот глагол постепенно становится в этой функции единственным, но в некоторых архаических говорах сохраняются и старые формы.

Прошедшее время

В подавляющем большинстве русских говоров формы прошедшего времени не отличаются от литературных: *пошёл* (-а, -о), *ходил* (-а, -о), *принёс* (-ла, -ло) и т. п. Лишь в некоторых архаических северных и северо-западных говорах отмечаются случаи, напоминающие древние формы перфекта и плюсквамперфекта.

Перфект в древнерусском языке — это сложное прошедшее время, состоявшее из формы настоящего времени глагола **быти** и причастия на **-ль** спрягаемого глагола (**есть несаль, суть несан** и подобные) и обозначающее действие, совершившееся в прошлом, но результат которого налицо в настоящее время. В отдельных заонежских, архангельских, вологодских говорах изредка отмечаются формы типа *пришёл **есть**: там **есть** с города приехали; туды к лесу **есть** столбы завалило*. В них подчеркивается момент состояния в настоящее время, т. е. *пришел **есть*** обозначает не просто «пришел», а «пришел и сейчас находится здесь», т. е. люди из города приехали и сейчас находятся в том месте, о котором идет речь; столбы завалило, они там еще лежат.

В северо-западных (новгородских) и некоторых западных (псковских) говорах широко распространено употребление деепричастий в роли сказуемого в сходном значении: *приехавши были сын с женой; она была уехавши в гости, а теперь приехавши; платье упавши; все ушодши* и подобные. Если деепричастие употреблено без глагола-связки, то оно имеет перфектное значение: *платье упавши* обозначает, что «платье упало и в данный момент лежит, не поднято»; *отец заболевши* — «отец заболел и сейчас болен». В случаях же употребления деепричастия со связкой значение приближается к плюсквамперфекту. Это или давно прошедшее действие, или предпрошедшее, т. е. предшествовавшее какому-либо состоянию в прошлом: *приехавши были сын с женой* обозначает, что «они когда-то давно приезжали и некоторое время находились здесь»; *она была уехавши в гости, а теперь приехавши* — «она уезжала, некоторое время отсутствовала, а теперь приехала и находится здесь».

Плюсквамперфект в древнерусском языке состоял из формы перфекта глагола **быти** и причастия на **-ль** спрягаемого глагола (**есль былъ пришель**).

Изредка сходные формы (без первого элемента) встречаются в архаических архангельских и вологодских говорах: *у меня того лета сын был приехал; песни была пела, танцевала была, а когда замуж вышла — нет, дети пошли, некогда было.*

Предполагают, что к формам плюсквамперфекта восходит сказочный зачин *жили-были*. Последнее время эта мысль оспаривается, однако ее подтверждает такой пример, записанный в 1970-е годы в Вологодской области: *В этом доме до революции купец был жил*. Сообщение абсолютно нейтральное, местный житель, показывая дом, вспомнил, кто в нем жил в далеком прошлом.

Подробнее сказуемые перечисленных типов рассматриваются в главе 4 «Синтаксические особенности русских говоров».

Повелительное наклонение

В говорах встречаются некоторые отличия в формах 2-го лица ед. числа повелительного наклонения. В литературном языке эти формы оканчиваются на *-и* в положении под ударением и после группы согласных (*неси, сиди, мёрзни, хлопни*), а также в глаголах с приставкой *вы-* (*вынеси, выброси*). В остальных случаях — на мягкий согласный (*сядь, встань, пой* и подобные).

В северных говорах шире распространено безударное окончание *-и*, которое может быть и у глаголов бесприставочных, с основой на один согласный: *вста́ни, уда́ри, сяди, броси*. Это архаичные формы. В древнерусском языке формы 2-го лица ед. числа всех глаголов в повелительном наклонении оканчивались на *-и*. Постепенно конечный безударный *-и* подвергся редукции, однако в ряде северных говоров старые формы сохранились.

В южных говорах, наоборот, шире распространены формы без *-и* с переносом ударения на основу: *отво́рь, при́дь, поса́дь, взгля́нь, станóвь* и подобные. Некоторые подобные формы особенно широко распространены и проникают в городское просторечие: *не тро́жь, положи́, ляжи́, подо́ сюда*. Следует помнить, что в литературном языке употребление таких форм недопустимо.

Инфинитив

В литературном языке формы инфинитива оканчиваются на *-ть* (*писа́ть, люби́ть*), *-чь* (*печи́, мочи́*) или *-ти* (*нести́, взети́*). Суффикс *-ти* выступает под ударением или в приставочных глаголах, где ударение переносится на приставку (*вы́нести, вы́везти*).

В говорах наблюдаются некоторые отличия. Так, в северном наречии шире распространен суффикс *-ти*, который может выступать и в безударном положении: *зна́ти*, *бра́ти*, *люби́ти* и подобные. Эта черта архаическая, в древнерусском языке инфинитив всегда оканчивался на *-ти* или *-чи*. Сохранение безударного *-и* особенно часто встречается после групп согласных: *се́сти*, *е́сти*, *кра́сти*. Отмечается и конечное *-чи* (*мбчи*, *лэчи*), при этом возможен перенос ударения (*печѹ́*), а также своеобразные формы: *пецѹ́* (при цоканье), *пекчѹ́*, *пектѹ́*. Последнее напоминает древнейшую форму (*p'ekti), но в действительности является новой, возникшей по аналогии (корень *пек-* плюс суффикс *-ти*).

В южных говорах, наоборот, шире представлены формы без конечного *-и*, при этом наблюдается перенос ударения на основу: *растѹ́* > *рѹсть*, *плетѹ́* > *плѣсть*, *грестѹ́* > *грѣсть*. При упрощении групп согласных на конце слова появляются формы: [рѹс'], [пл'ес'], [гр'ес'].

Подобные формы иногда используются в поэтической речи:

Зевоту можно *произвесть*
Поэмой длинной, громкой одой.

(Е. А. Боратынский)

Я с теми, кто вышел строить и *месть*...
Я знаю — город будет, я знаю — саду *цвѣсть*...

(В. Маяковский)

Реже, но встречаются и архаические формы с конечным *-и*:

Беда, коль пироги начнет *печи* сапожник...

(И. А. Крылов)

Нашему теляти да волка поймати.

(Пословица)

У глагола *идти* и производных от него иногда появляется вторичный элемент *-ть*: *идтѹть*, *прѹйтѹть*.

Ср. у А. С. Пушкина:

Не засмеяться ль им, пока
Не обагрилась их рука,
Не *разойтѹться* ль полюбовно?

Причастия и деепричастия

В говорах наблюдаются довольно существенные особенности в образовании и употреблении причастий и деепричастий.

Причастия настоящего времени (как действительные, так и страдательные) в диалектах практически не встречаются, поскольку они вообще характерны для книжной, письменной речи.

Действительные причастия прошедшего времени образуются, как и в литературном языке, при помощи суффиксов *-ш-*, *-вш-*, но они употребляются сравнительно редко, в официальной деловой речи (*бригада, собравшая высокий урожай...*) или в функции сказуемого (а не определения), например: *муж и сын, на войне погибшие*. Гораздо шире распространены деепричастия с теми же суффиксами (см. ниже).

Наиболее употребительны в говорах страдательные причастия прошедшего времени, особенно краткие. Как и в литературном языке, они обычно образуются от переходных глаголов (*взят, написан, положен*), но в некоторых северных говорах встречаются интересные формы от непереходных глаголов: *у них еще не ляжено* (т.е. *они еще не легли*), *здесь волками хождено* (*здесь волки ходили*). Иногда подобные формы даже осложняются возвратной частицей: *у него простуженось* (*он простужен*), *у него еще не жёненось* (*он еще не женат*). Своеобразная синтаксическая роль таких причастий подробнее рассмотрена в главе 4 «Синтаксические особенности русских говоров».

Страдательные причастия прошедшего времени образуются от основы инфинитива при помощи суффиксов *-н-*, *-т-*, *-ен* (*-он*): *сжат, дан, полбжен, свáрен* (или с переносом ударения): [положбн], [свар'бн]. Распределение этих суффиксов может отличаться от принятого в литературном языке. Так, в ряде южных говоров в соответствии с литературным *-н-* употребляется суффикс *-т-* (*отдато, забрато, вскопато*) или, наоборот, может быть шире распространен суффикс *-н-* (*распброно, выплоно, смблоно*).

В некоторых юго-западных и среднерусских говорах отмечаются также образования с суффиксом *-ден-*: *отдаден, сдáден, взяден* (ср. в литературном языке — *съеден, украден*).

Более употребительны и своеобразны в диалектной речи формы **деепричастий**. Деепричастия несовершенного вида образуются от основы настоящего времени при помощи суффиксов *-а*, *-учи* (*лежа, будучи*), причем суффикс *-учи* (*-ючи*) распространен шире, чем в литературном языке: *идучи, едучи, знаячи*. Но в целом они не особенно частотны.

Гораздо более употребительны в говорах деепричастия совершенного вида. Они образуются от основ прошедшего времени при помощи суффиксов *-ши*, *-вши*, характерных для большинства говоров и литературного языка (*несши, шедши, взявши, гулявши*). Но в некоторых южных и среднерусских говорах отмечен суффикс *-миши* (*взямиши, разделиши, свалямиши*) (отсюда, видимо,

просторечие *выпи~~ми~~*), а в западных среднерусских говорах зафиксированы еще более редкие образования с суффиксом *-лиши* (*осталиши, взялиши, свалилиши*).

Интересно, что деепричастия от возвратных глаголов образуются без возвратной частицы: *крадучи* (от *красться*), *сваливши* (от *свалиться*), *напивши* (от *напиться*) и т. п.

В северо-западных (новгородских) говорах употребляются особые формы деепричастий от глаголов движения, такие как: *ушот, ушотцы, ушотчи, пришоцы, вышецы* и подобные. Интересный фразеологизм был неоднократно зафиксирован в речи пожилых жительниц Новгородской области: [да ја уш згодѣф вышецы], т. е. «состарилась».

Особый интерес представляет синтаксическая роль диалектных деепричастий совершенного вида. В северо-западной части среднерусских говоров они обозначают не добавочное действие и в предложении являются не обстоятельствами, а сказуемыми, как бы заменяя глаголы прошедшего времени. Например, предложение *Кошка легши, легши и померши* обозначает «Кошка легла и померла». Подробнее об этом написано в главе 4 «Синтаксические особенности русских говоров».

Итак, русская морфологическая система представляет собой структурное единство, составляющее основу национального языка. Диалектные отличия в морфологии касаются в основном различий в наборе аффиксов, распределении аффиксов по классам основ, их конкретного звукового оформления. Под влиянием литературного языка многие диалектные морфологические особенности утрачиваются или постепенно разрушаются. Прежде всего исчезают архаические черты: особенности склонения слов *мати, дочи, свекры*; остатки сложных глагольных форм прошедшего времени; древние формы инфинитива и повелительного наклонения и некоторые другие. В то же время отдельные продуктивные диалектные явления оказывают влияние на литературный язык, например на распространение форм на *-а* в И. п. мн. числа существительных мужского рода.

Разумеется, учитель, работающий в диалектном окружении, должен учитывать морфологические особенности определенного говора в своей методике.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Каковы особенности форм 3-го лица глаголов настоящего времени в говорах? Как по этому признаку противопоставляются северное и южное наречия?
2. Какие глагольные формы называют стяженными? Как они образуются?

3. Какие особенности чередования согласных при образовании глагольных форм наблюдаются в говорах? Приведите примеры.
4. Какие остатки архаических форм будущего и прошедшего времени сохраняются в некоторых говорах? В каких именно?
5. Охарактеризуйте особенности образования форм повелительного наклонения и инфинитива в говорах.
6. Опишите диалектные особенности, которые наблюдаются в формах причастий и деепричастий.

Саратовский государственный
университет
им. Н.Г.Чернышевского

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКИХ ГОВОРОВ

§ 15. Непротивопоставленные синтаксические особенности, характерные для диалектной речи в целом

Синтаксис до сих пор остается наименее исследованным разделом русской диалектологии, так как его систематическое изучение началось только с середины XX в., когда появилась возможность точной записи больших фрагментов связной речи. К настоящему времени собран значительный материал, на основе которого сделаны определенные выводы о специфике диалектного синтаксиса.

Следует отметить, что для всех говоров характерны общие черты разговорного синтаксиса: преобладание простых предложений, значительное количество бессоюзных, неполных, нераспространенных, назывных предложений; отсутствие сложных синтаксических конструкций, причастных и деепричастных оборотов.

Собственно диалектные синтаксические особенности можно разделить на два типа: черты, не прикрепленные к определенной территории, т.е. характерные для диалектной речи в целом (непротивопоставленные), и черты противопоставленные, т.е. распространенные на территории определенного наречия, группы говоров или говора.

К диалектным синтаксическим особенностям, не прикрепленным к определенной территории, относятся:

1) согласование сказуемого с подлежащим не грамматически, а по смыслу, т.е. если существительное, выступающее в роли подлежащего, стоит в единственном числе, но обозначает множество (группу) лиц или животных, то сказуемое употребляется в форме множественного числа, например: *народ пришли, вся бригада работали, молодежь собралась, стая ворон слетелась* и подобные.

Такую особенность народной речи использует А.С.Пушкин в «Сказке о рыбаке и рыбке»:

Вкруг ее стоит грозная *стража*,
На плечах топорики *держат*.

Это черта архаическая, подобные формы отмечаются в древнерусском языке;

2) употребление предлога *по* с В. п. в соответствии с литературной конструкцией «предлог *за* + существительное в Т. п.», например: *поехал по дрова; пойти по воду, по грибы, по ягоды*; возможны даже формы *по бабушку, по сестру*. Выражение *по грибы, по ягоды* иногда употребляется в речи и носителями литературного языка. Подобные конструкции широко представлены в произведениях устного народного творчества;

3) широкое употребление во многих говорах предлога *с* в соответствии с литературным *из*, например: *с Москвы приехали, с Орла, вышел с лесу*. Подобные конструкции проникают и в просторечие;

4) употребление словосочетаний с двойными предлогами *по-под, по-над, по-за* (*прошел по-под мост, уехал по-за луг, пролетели по-над лесом*);

5) употребление существительных в В. и П. п. с предлогом *о* (*об*) (*жили о реку, о саму речку; дорога шла об озеро; о масле блины пекли*);

6) широкое употребление постпозитивной частицы *-то*, при помощи которой выделяются наиболее важные слова, обычно подлежащее или дополнение (*Никак привезли дрова-то? Дочка-то хорошо училась*). В акающих говорах, естественно, она имеет вид *-тѣ*.

В литературном языке эта частица также употребляется при необходимости выделить, подчеркнуть какое-то слово: *Я-то поехал бы, но родители против; В Крым-то я бы поехала*. Но в говорах она распространена значительно шире, иногда ее употребление представляется избыточным, например: *Унопá-то поповá-то дбчка отданá за простѣго; Тот-то дбм у реку-то отданá-то былá...*

Для северного наречия характерно употребление так называемой согласованной постпозитивной частицы. Поскольку она восходит к указательным местоимениям *тѣ, та, то*, то может изменяться по родам, числам и падежам, например: *жена-та, село-то, дом-от* (из *домъ-тѣ*), *старики-те, реку-ту* (особая падежная форма сохраняется лишь в В. п. ед. числа);

7) некоторые особенности построения сложного предложения.

Следует еще раз отметить, что в диалектной речи преобладают простые предложения, часто неполные, причем нередко нарушается обычный порядок членов предложения: [*јѣдут нáкр'ес полот'ѣнца полудрѣж'јо*] — из рассказа о свадебном обряде.

Среди сложных предложений преобладают бессоюзные. При этом не всегда можно четко определить, употреблено ли бессоюз-

ное сложное предложение или несколько простых: [кака́я пла́т'я-та ты́'ишо́м на́ру́жы | вот на ё́тък'их л'а́мьцках д'е́жыца | фс'е с'ис'к'и в'ида́т']. Здесь необходимо учитывать интонацию, продолжительность пауз.

Диалектная специфика сложносочиненных предложений определяется в основном союзами. Так, во многих говорах для выражения соединительных отношений чаще используется союз *да* (*ды*), чем *и* (*Там поезд остановился, **ды** он слез*); для выражения разделительных отношений — союзы *ли*, *али*, *ай* (*Мы **ли** туда, они **ли** к нам; Пойду узнаю, придет она, **ай** нет*).

Специфическое употребление союзов и союзных слов характерно и для сложноподчиненных предложений. Так, в говорах шире распространены союзные слова *который*, *как*, *пока* (и варианты последнего: *Покуль*, *покель*, *покуда*, *покудова*), в главном предложении часто употребляется коррелятивная частица *дак* (*дык*).

Например: *А **который** парень вчера́сь-то приходил, **дак** ему верно уж тридцать; **Как** рыбы принесё, **дык** и можно варить; **Как** попьёшь, **дык** сморщишься*.

Считается, что диалектные различия в этой области синтаксиса в целом незначительны, однако возможно, что это связано с недостаточной изученностью диалектного синтаксиса в целом.

§ 16. Синтаксические особенности, территориально ограниченные

Синтаксические особенности, противопоставленные, характерные для определенных групп говоров, отмечаются в основном в северном наречии и западной диалектной зоне. Они касаются прежде всего выражения сказуемого и построения простых предложений. Отметим наиболее яркие черты.

1. В западной диалектной зоне, а именно: в западных среднерусских (новгородских) говорах, широко распространено употребление деепричастия в роли сказуемого, например: *Вы с Москвы **приехавши**; Зинка мало **учивши**; Мы как **привыкши**, так и зовем; Хозяин **напивши** и **сваливши***.

Все эти деепричастия образуются от непереходных глаголов совершенного вида, возвратные глаголы, как правило, утрачивают постфикс *-ся* (*упавши*, *сваливши* и подобные).

Они как бы заменяют формы прошедшего времени, практически не употребительные в таких говорах.

Особую группу составляют своеобразные формы, от глаголов движения *уйти*, *прийти*, *выйти*: *куда девчата [ушб́т]? все [ушб́ты]; [пришб́ты] домой; я уж с годов [вышотб́ы]*, т. е. «состарилась».

Все подобные деепричастия-сказуемые имеют особое перфектное значение, т.е. обозначают состояние предмета, вызванное предшествующим действием.

Например, предложение *Там столбы упавши* обозначает не только то, что столбы упали, но и то, что они в настоящее время там лежат; *сын с женой приехавши* — не просто «приехали», а «приехали и сейчас находятся здесь».

В сочетании с глаголом *было* подобные формы приобретают плюсквамперфектное значение, т.е. обозначают результат действия, совершившегося в далеком прошлом или предшествовавшего другому прошедшему действию: *Она была уехавши в город да теперь приехавши*; *Отец был заболевши*; *Все было засохши* и подобные.

2. В этих же говорах деепричастия на *-вши*, образованные от переходных глаголов, могут употребляться в качестве именной части составного сказуемого (в соответствии с литературным кратким страдательным причастием): *Все давно убравши* (убрано); *Вам молоко поставивши* (поставлено); *Оно было спортивши*; *Сын женивши был на другой бабы* и подобные.

3. Примерно на той же территории, т.е. в западной диалектной зоне, а также в некоторых архангельских говорах, широко представлено употребление в роли сказуемого кратких страдательных причастий, особенно среднего рода ед. числа (*взято, оставлено, напоено* и подобные).

С этим тесно связан вопрос о специфике безличных предложений в говорах. Различаются два типа предложений с главным членом — кратким страдательным причастием. Это, во-первых, безличные предложения типа: *У крыс проедено*; *У меня схожено*; Во-вторых, своеобразные предложения типа: *Корова напоено*; *Дрова нарублено*, в лингвистической литературе обычно относимые также к безличным.

Предложения первого типа отличаются от соответствующих безличных предложений литературного языка двумя особенностями. Во-первых, тем, что страдательное причастие-сказуемое может быть образовано не только от переходных, но и от непереходных глаголов; во-вторых, в говорах реальный производитель действия в страдательном обороте выражается существительным (или местоимением) не в Т. п. (как в литературном языке), а в Р. п. с предлогом *у*, например: *Оклёвано у куриц*; *Туды унесено у ребят*; *У волков корову едено*; *У меня схожено*; *У нас на мельницу езжено* и подобные.

Иногда в предложениях рассматриваемого типа субъект может быть не назван (т.е. существительное в Р. п. с предлогом *у* отсутствует). Такие примеры отмечаются обычно в предложениях со сказуемым-причастием, образованным от непереходного глагола:

И не подумано; В молодости было гуливано; Везде быто; Много было хожено.

Интересно, что производитель действия может быть выражен существительным в Р. п. с предлогом и в некоторых личных предложениях, причем возникает своеобразная страдательная конструкция, создающая определенную двусмысленность: *Молоток у парнишка унесён был* (т. е. «парнишка унес молоток»); *Ион склёван у петуха был* (т. е. «петух его склевал»); *А у тёти взята эта иголка* (в значении «тетя взяла эту иголку»).

Еще более интересны предложения второго типа, в которых при сказуемом, выраженном кратким страдательным причастием среднего рода, стоит существительное или местоимение в форме И. п., например: *Корова напоено; Дрова нарублено; Грибы собрано; Рука в прошлом году испорчено; Прислано гостинец от тётенек* (т. е. «тётенки прислали гостинец»).

В некоторых случаях возникает необходимость в «переводе»: так, *Она увезена у его с Хвойной* — означает: «Он её увёз из Хвойной»; *Я у быка была збудано* — «Бык меня забодал».

В отдельных случаях страдательное причастие может быть употреблено в полной форме: [от'ёц н'е знаёт, што Ван'ка у ж'ен'ихá угош'чóныц].

Совершенно своеобразными и трудно сопоставимыми с литературным языком представляются случаи, когда краткое причастие осложняется возвратной частицей: [а у н'их уж пов'ёнч'анос'] — «они уже повенчались» или, точнее, «они уже были повенчаны», [а у н'их уж стовор'óнос' было] — «они уже стоворились», «у них уже была стоворенность».

Грамматическая природа подобных предложений не вполне ясна: они могут быть личными, безличными или их можно считать каким-то особым типом, характерным только для диалектной речи.

4. В западных среднерусских говорах отмечены также своеобразные конструкции с главным словом *надо* (реже — с другими словами, выражающими долженствование, желание), например: *Надо итить гряда полить; Надо завтра баня стопить; Можно другая постель постлать* и подобные.

В таких предложениях существительное, выступающее в значении прямого объекта, стоит в форме И. п.

Иногда прямое дополнение в форме И. п. встречается и в личных предложениях с инфинитивом: *Пойду косить трава; Начну плита ломать.*

Подобные обороты (типа *земля пахать*) отмечаются в древнерусских памятниках.

В говорах отмечаются также случаи, когда существительное в И. п. непосредственно примыкает к слову *надо*: *Ей надо корзника; Я тебе не надо; То одёжина надо, то хлеб; Может быть*

она вам **нужно** и подобные. Своей грамматической двусмысленностью эти конструкции напоминают предложения со сказуемыми-причастиями среднего рода (*У вас свечи **положено***).

5. Характерной диалектной синтаксической чертой является также употребление своеобразных безличных предложений со сказуемым, выраженным глаголом *быть* в форме 3-го лица, к которому примыкает существительное в Р. п. мн. числа, обозначающее логический субъект: ***Есть** у нас старых людей; У меня лодок-то **есту**; У нас таких **есту**; Короф подошот **были***.

Объем данного учебника не позволяет рассмотреть синтаксические особенности русских говоров более подробно, остановимся лишь на нескольких моментах, связанных с употреблением служебных слов.

1. Сравнительно широко представлено в северных говорах постпозитивное употребление слова *да*. Оно может выступать как союз в предложении с однородными членами, но своеобразие его в том, что пауза делается после союза, перед каждым следующим однородным членом, а *да* интонационно примыкает к предыдущему слову: *были Витька **да**, Олёша **да**, Катерина **да**, Шура **да**; пришли Мухтор **да**, Водолазушко **да**, Сивый **да**; картошка **да**, свёкла **да**, табак **да***.

Когда соединяются два однородных члена, первый союз ставится между ними (интонация обычная, как в литературном языке), а второй, собственно, теряет значение союза и приближается к частице или даже своеобразному междометию, например: *окошко **да** дверь, **да**...; была Тамарка **да** Красавка, **да**...; лук **да** чеснок, **да**...*

Полностью утрачивается союзное значение слова *да*, когда оно выступает на конце простого предложения, создавая интонацию незавершенности: *Ситцевый плат подарила, **да**...; Было у нас три брата, **да**...; Много годов прошло, **да**...; Приехавши были сын с женой, **да**...*

2. Существует еще ряд диалектных частиц, из которых упомянем лишь вопросительные частицы *ти* и *чи*, обычно входящие в состав вопросительных предложений, например: ***Чи** я знаю? **Ти** много нас будет? **Ти** бачила ты его?*

Частица *ти* характерна для говоров, пограничных с белорусскими, а *чи* — с украинскими, так как они являются общенародными элементами соответственно белорусского и украинского языков.

Таким образом, мы видим, что принципиальное единство синтаксического строя русского языка не исключает наличия достаточно существенных диалектных отличий, касающихся структуры словосочетаний и предложений, способов выражения сказуемого, субъекта, объекта и некоторых других синтаксических явлений.

Следует отметить, что синтаксис русских говоров до сих пор изучен недостаточно. В то же время под влиянием литературного языка и сходных с ним по синтаксической структуре говоров наиболее яркие диалектные синтаксические особенности постепенно разрушаются и утрачиваются.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Какие синтаксические особенности свойственны большинству говоров в отличие от литературного языка?
2. В каких говорах наблюдается употребление деепричастия в роли сказуемого? Какова специфика образования и значения этих глагольных форм?
3. Опишите специфику употребления кратких страдательных причастий прошедшего времени в роли сказуемых.
4. В чем особенности построения безличных предложений в говорах?
5. Охарактеризуйте особенности в грамматическом выражении субъекта и объекта, которые могут встретиться в говорах.
6. Что такое постпозитивная частица? Каковы ее происхождение и роль в предложении?

ДИАЛЕКТНОЕ ЧЛЕНЕНИЕ (ГРУППИРОВКА ГОВОРОВ) РУССКОГО ЯЗЫКА

§ 17. История вопроса

Одним их наиболее существенных, сложных и спорных вопросов диалектологии является вопрос о классификации, или группировке, русских говоров. Уже на ранних этапах их изучения исследователям стало ясно, что местные слова, формы, звуковые различия не случайны, не разбросаны по огромной России как попало, а каким-то образом взаимосвязаны и прикреплены к определенной территории, т. е. могут быть как-то классифицированы.

Первая попытка классификации русских говоров принадлежит **М. В. Ломоносову**. В заметке «О диалектах» он выделяет три «главных российских диалекта: московский, поморский и малороссийский». Московский диалект он характеризует как «главный и при дворе и в дворянстве употребительный, а особливо в городах, близ Москвы лежащих... Другой несколько склонен ближе к старому славянскому и великую часть России занял. Третий больше всех отличен и смешен с польским». В «Российской грамматике» Ломоносов выделяет как один из принципов правописания, чтобы «оно не отходило далече от главных российских диалектов, которые суть три: московский, северный, украинский».

Как важнейшую черту «московского наречия» он отмечает аканье: «особливо выговор буквы о без ударения, как а, много приятнее». Если учесть, что до Октябрьской революции 1917 г. украинский (малороссийский) язык считался наречием русского языка, а белорусский во времена Ломоносова не был известен, то видно, что Ломоносов во многом уже предопределил основу диалектного членения: два основных наречия, различающиеся прежде всего оканьем и аканьем. Первое он называет «северным» или «поморским», а термином «московское» объединяет те говоры, которые мы сейчас называем южными и среднерусскими.

В первой половине XIX в. усиливается интерес к народному быту, культуре, фольклору и, соответственно, к народной речи. Составляются первые словари диалектной лексики (см. главу 1

«Лексические особенности русских говоров»). Большое внимание уделял народным говорам известный в то время писатель **Н. И. Надеждин**, который пытался дать их классификацию, впрочем, с современной точки зрения неудачно.

Интересную группировку русских диалектов предложил **В. И. Даль**, автор знаменитого словаря и непревзойденный для своего времени знаток народной речи. В статье «О наречиях русского языка» он выделяет восемь наречий: московское, северное (или новгородское), рязанское, восточное (или владимирское), смоленское, а также сибирское, новорусское и донское. Для того времени классификация В. И. Даля была большим шагом вперед, в ней уже угадываются элементы диалектного членения, принятого в XX в.

Практически одновременно (в 1851 г.) выходит в свет статья выдающегося лингвиста **И. И. Срезневского** «Замечания о материалах для географии русского языка», значительно опередившая свое время. В ней впервые употребляется термин «лингвистическая география» и ставятся задачи этой науки. Срезневский пишет: «Первой принадлежностью лингвистической географии должна быть... карта языков, наречий и говоров, карта, на которой место границ политических, религиозных и всяких других занимают границы лингвистического разнообразия народов. Границы языка обведены как границы государства, границы наречий — как границы области, границы местных говоров каждого из наречий — как границы округов и волостей каждой области».

Идеи И. И. Срезневского начали воплощаться в жизнь лишь в конце XIX в. в западноевропейской науке. А в XX в. метод лингвистической географии стал ведущим при исследовании народных говоров.

Большой вклад в развитие русской диалектологии внес один из интереснейших лингвистов второй половины XIX в. **А. А. Потебня**. Он впервые делит великорусское наречие (так в дореволюционной науке называли русский язык в отличие от белорусского и малорусского) на два поднаречия: северно-великорусское и южно-великорусское. Эти термины сохранялись в диалектологии до середины XX в. Потебня уделяет большое внимание фонетике и в работе «О звуковых особенностях русских наречий» дает подробное описание фонетики северных и южных говоров.

Большую роль в развитии диалектологии, и в частности проблемы группировки говоров, сыграли работы **А. И. Соболевского**. Он впервые выделил диалектологию как самостоятельную учебную дисциплину, составил систематический курс лекций и создал первый учебник «Очерки русской диалектологии» (1892), в котором дается описание говоров всех восточнославянских языков.

Соболевский был одним из основателей исторической диалектологии русского, белорусского и украинского языков, а также пытался решить проблемы их диалектного членения. Он поддерживал идею создания атласа, серия карт которого могла бы дать представление о распространении тех или иных диалектных явлений. Труды Соболевского способствовали подъему русской диалектологии.

В конце XIX — начале XX в. многие выдающиеся лингвисты занимались разными аспектами изучения русских говоров, и проблема их научной классификации стала особенно актуальной.

На этом этапе огромный вклад в решение рассматриваемого вопроса внес академик **А. А. Шахматов**. Под его руководством при Отделении русского языка и словесности Академии наук была создана **Московская диалектологическая комиссия (МДК)**, составлены программы для собирания особенностей русских говоров, разработан ряд вопросов, связанных с методикой собирания материала и его картографирования. На основе материала, собранного в первое десятилетие XX в., члены МДК Н. Н. Дурново, Н. П. Соколов и Д. Н. Ушаков подготовили и в 1915 г. опубликовали «Диалектологическую карту русского языка в Европе с приложением очерка русской диалектологии» (см. карту на первом форзаце). Этот труд сыграл огромную роль в развитии русской диалектологии и лингвистической географии, на долгие годы определил подход к изучению и классификации русских говоров. В классификацию МДК было внесено лишь одно существенное изменение: после Октябрьской революции 1917 г. украинский и белорусский были признаны самостоятельными языками (т. е. перестали считаться наречиями русского языка), а термин «великорусский язык» заменен термином «русский». Таким образом, объектом русской диалектологии стал только собственно русский («великорусский») язык. Но его диалектное членение оставалось неизменным практически полвека.

Итак, в соответствии с картой МДК русский язык делится на три наречия: великорусское, малорусское и белорусское. Велико-русское, в свою очередь, включает в себя два наречия: северно-великорусское и южновеликорусское. Между ними расположены переходные средневеликорусские говоры. В основу деления были положены прежде всего три признака, по которым северно-великорусское и южновеликорусское наречия противопоставлены друг другу. Два из них фонетические и один морфологический. Это в области гласных оканье — аканье, согласных — взрывное или фрикативное образование звонкого заднеязычного, в морфологии — твердое или мягкое [т] в окончаниях 3-го лица глаголов настоящего времени.

Схематически это можно изобразить таким образом (табл. 3).

Таблица 3

Северное наречие	Южное наречие
1. Оканье: [совá] — [самá], [молоко́] — [сарафа́н]	1. Аканье: [савá] — [самá], [мьлако́] — [сьрафа́н]
2. [г] взрывное, оглушающееся в [к]: [дру́га] — [друк], [с'н'э́га] — [с'н'ек], [гус'], [го́рот] и подобные	2. [γ] фрикативное, оглушающееся в [х]: [дру́γα] — [друк], [с'н'э́γα] — [с'н'ех], [γус'], [γо́рът]
3. [т] твердое в 3-м лице глаголов настоящего времени: [ид'о́т], [кр'ич'и́т], [иду́т], [кр'ич'а́т]	3. [т'] мягкое в 3-м лице глаголов настоящего времени: [ид'о́т'], [кр'ич'и́т'], [иду́т'], [кр'ич'а́т']

Мы видим, что некоторые из рассмотренных черт характерны и для литературного языка, но в данном случае представляются важными не отличия от литературного языка, а противопоставленность наречий друг другу, поскольку указанные особенности характерны для наречий в целом. Отмечается и ряд других фонетических и морфологических признаков, которые характеризуют большинство северных или южных говоров.

Между северным и южным наречиями расположена сравнительно узкая полоса распространения среднерусских говоров. Их не называют наречием, так как они практически не имеют собственных специфических черт, а объединяют признаки северного и южного наречий. В них встречаются и оканье, и аканье; [г] как взрывное, так и [γ] фрикативное; [т] в окончаниях глаголов и твердое и мягкое.

К северновеликорусскому наречию по классификации МДК относились говоры таких областей (губерний), как Новгородская, Петроградская, Архангельская, Вологодская, Вятская, Костромская, Ярославская, Владимирская, и говоры Поволжья вплоть до Саратова.

К южновеликорусскому наречию — говоры Смоленской, Брянской, Калужской, Тульской, Рязанской, Курской, Орловской, Тамбовской, Воронежской областей.

К среднерусским — псковские, московские, пензенские говоры.

Наречия делятся на группы говоров. На территории северновеликорусского наречия выделяется пять групп: поморская, олонечская, западная (или новгородская), восточная (вологодско-вятская) и владимирско-поволжская.

В основу деления был положен один фонетический признак: произношение гласного на месте старого Ъ («ять»), к которому затем были добавлены некоторые другие.

Южновеликорусское наречие делилось на три группы: южную (орловско-курскую), северную (тульскую) и восточную (рязанскую). В основу деления был положен тип яканья.

Средневеликорусские говоры делились на две группы: западную и восточную. Объем данного учебника, к сожалению, не позволяет остановиться более подробно на характеристике групп говоров.

Классификация МДК на протяжении первой половины XX в. пополнялась и уточнялась, однако в целом оставалась общепризнанной вплоть до начала 1960-х годов.

Следует отметить, что с конца 1940-х до начала 1960-х годов русская диалектология и лингвистическая география развивались весьма активно и успешно. Под руководством Института русского языка АН СССР было проведено беспрецедентное по охвату территории обследование русских говоров по специальной «Программе собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка» (ответственный редактор Р. И. Аванесов). Был собран и проанализирован материал более 5 000 населенных пунктов. В этой работе самое активное участие принимали преподаватели, студенты и аспиранты многих университетов и пединститутов нашей страны.

Собранный материал дал достаточно полное представление о состоянии русских диалектов к середине XX в. На основе этого материала и с учетом достижений лингвистической географии стало возможным предложить новую группировку русских говоров, во многом отличную от группировки МДК.

Необходимость в пересмотре старой классификации была обусловлена прежде всего следующими причинами. Во-первых, за полвека произошли существенные изменения в самих говорах. Во-вторых, усовершенствовались методы сбора и обработки материала. Кроме того, принципы выделения групп говоров на основе одного фонетического признака с самого начала были спорными.

В результате в 1964 г. в работе «Русская диалектология» под редакцией Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой было предложено новое диалектное членение русского языка (см. карту на втором форзаце). Согласно карте 1964 г. русские говоры традиционно делятся на три большие группы: северное наречие, южное наречие и среднерусские говоры, — но границы этих основных групп существенно изменились. Значительно расширилась территория среднерусских говоров, граница которых продвинулась на север. К среднерусским теперь относят кроме традиционных говоров значительной части Новгородской и Ленинградской областей, а также владимирско-поволжские говоры, которые раньше считались группой северного наречия, т. е. в состав среднерусских вклю-

чают теперь не только акающие диалекты, но и говоры с неполным оканьем.

Вводится понятие «диалектная зона». Диалектные зоны, как и наречия, представляют собой большие территории, объединяющие говоры с рядом общих признаков. Характерной особенностью диалектных зон является их несоотнесенность друг с другом по комплексу явлений. Каждая диалектная зона хотя территориально и охватывает значительные части северного или южного наречия, но относится к членению не наречий, а всего русского диалектного языка¹. В общем выделяется восемь диалектных зон.

Внутри наречий, как и раньше, выделяются группы говоров, новая группировка которых весьма существенно отличается от классификации МДК как по охвату территории, так и по основаниям для объединения говоров в группы².

Диалектное членение, предложенное в «Русской диалектологии» (1964), составлено на основе большого надежного материала и с учетом достижений современной науки, так что не может вызывать возражений по существу. Однако методически оно неудобно и нуждается в определенной корректировке. Успешному усвоению данной группировки говоров, с нашей точки зрения, мешают прежде всего три момента.

1. Предлагаются три основные единицы членения: наречие, диалектная зона, группа говоров. Но членение здесь построено на разных основаниях, и овладение понятием «диалектная зона» требует серьезного изучения лингвистической географии, на которое в вузовском курсе нет времени.

2. Признаки, на основе которых противопоставлены группы говоров, представляются неравноценными, принципы их выделения не всегда достаточно убедительны, например: среди общих черт, характеризующих северное наречие, едва ли можно рассматривать в одном ряду такие диалектные особенности, как оканье и произношение слов *ковда*, *колда* или упрощение сочетания *-ст* на конце слова.

3. Группировка говоров южного наречия и среднерусских чрезмерно детализирована и запутана. В южном наречии выделяется 9 групп говоров, а среднерусские делятся на 13 (!) групп.

Думается, что предлагаемая в данном учебнике несколько упрощенная картина диалектного членения адекватно отражает современное состояние русских говоров и является достаточной для первоначального знакомства с русской диалектологией.

¹ См.: Русская диалектология / под ред. Л. Л. Касаткина. — М., 1989. — С. 198.

² Подробно ознакомиться с упомянутыми проблемами можно в кн.: Русская диалектология / под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой. — М., 1964.

§ 18. Диалектное членение русского языка на современном этапе

Итак, все русские говоры можно объединить в три большие группы. Это северное наречие, южное наречие и среднерусские говоры.

Северное наречие

Северное наречие занимает северную и северо-восточную часть европейской территории России. К нему относятся говоры Архангельской¹, Вологодской, Кировской, Костромской, восточной части Ленинградской и Новгородской областей.

Все северное наречие противопоставлено южному по таким признакам, как: оканье, [г] взрывное, [т] твердое в окончаниях глаголов 3-го лица настоящего времени, окончание [’а] в Р. и В. п. личных местоимений 1-го и 2-го лица и возвратного местоимения, ряд лексических особенностей (см. главу 1 «Лексические особенности русских говоров»).

Для многих северных говоров характерны также определенные диалектные черты.

1) в фонетике:

– изменение [а] в [э] под ударением между мягкими согласными: [гр’эс’], [оп’эт’], [м’эч’ик];

– наличие ударного и в соответствии с исконным Ъ: [л’йс], [в’йт’эр];

– различие безударных гласных после мягких согласных, ёканье: [п’атáк], [р’экá], [с’олó], [мóр’о], [пóл’о];

– цоканье: [ц’áц], [ц’ýсто], реже чоканье: [ýл’ич’а], [от’эч’];

– наличие «л европейского» (l): [былá], [кóлокол];

– утрата [j] в интервокальном положении, последующая ассимиляция и стяжение гласных: [д’элаэт], [д’элаат], [д’элат]; [нóвая], [нóва];

– произношение [̄м] на месте [бм]: [ом̄án], [ом̄’эрит’], [̄н] на месте [дн]: [он̄á], [м’э̄ныц̄];

2) в морфологии:

– переход существительных мужского рода с суффиксами -ушк- -ишк- во 2- склонение (*дедушко, дедушка, дедушку...*, *мальчишко, мальчишка, мальчишку...*);

– формы Д. и П. п. ед. числа существительных 1-го склонения с окончанием -и (-ы): *к реки, на горы, в Москвы*;

¹ Игнорирование в новой классификации архангельских говоров как расположенных на территории позднего заселения представляется неубедительным.

– формы Т. п. мн. числа, совпадающие с формами Д. п. мн. числа: *за грибам, за ягодам, с рукам, с ногам*;

– стяженные формы полных прилагательных и глаголов настоящего времени: *красна кофта; читат, делат*;

3) в синтаксисе:

– употребление кратких страдательных причастий среднего рода в качестве сказуемого: *корова напоено, дрова нарублено*;

– деепричастие в роли сказуемого: *девки с Москвы приехавши*;

– употребление существительного, обозначающего прямой объект, в форме И. п.: *надо земля пахать, картошка сажать*;

4) в лексике:

– употребление слов *квашня* («посуда для приготовления теста»), *зыбка* («колыбель»), *орать* («пахать землю»), *пахать* («подметать пол»), *берёжая* («жерёбая» — о лошади), *суягная* (об овце).

В отдельных северных говорах отмечаются и другие диалектные особенности, о которых мы говорили в соответствующих главах учебника.

В составе северного наречия в настоящее время представляется возможным выделить четыре группы говоров: западную (новгородскую), северную (архангельскую), восточную (вологодско-кировскую) и онежскую (олонецкую).

Рассмотрим только те диалектные черты, которыми эти группы отличаются друг от друга.

Вологодско-кировская группа — самая большая по территории и наиболее яркая по своим диалектным чертам. Она включает говоры Вологодской и Кировской областей, т. е. восточной части северного наречия.

Для вологодских говоров характерно:

1) абсолютно последовательное полное оканье, при этом звук [о] в безударном положении практически не отличается по своему качеству от [о] ударного;

2) иногда (в архаических говорах) сохранение семифонемной системы гласных под ударением с [ô], [ê] или соответствующими дифтонгами;

3) цоканье (реже, в восточной части — чоканье);

4) [l] европейское, изредка [w] губно-губное — и тогда возможно совпадение фонем <л> и <в> на конце слова и перед согласным в звуке [ў]: [жиў], [лаўка], [наўка];

5) ударное окончание *-е* у существительных 3-го склонения в Д. и П. п. (*по грязё, на лошаде*);

6) сохранение исконной лексики (*туес, назём, кадка* и др.).

Западная (новгородская) группа расположена соответственно в западной части северного наречия и включает говоры северо-востока Новгородской и Ленинградской областей.

Для нее характерно:

1) ударное [и] в соответствии со старым Ъ (сейчас эта черта утрачивается, но достаточно последовательно сохраняется в некоторых словах и формах: *гди́, вси́, на земли́, на столу́*);

2) отверждение конечных губных: *се[м], любо[ф], голу[п]*;

3) окончание *-и (-ы)* в формах Д. и П. п. существительных 1-го склонения: *к доскѣ́, на горѣ́*;

4) совпадение форм Т. п. мн. числа с формой Д. п.: *со своим братьям, с пустым ве́драм*;

5) употребление деепричастий на *-вши* и *-тцы* в роли простого глагольного сказуемого: *дочка в Москвы учивши; они уже пришотцы.*

Онежская группа занимает сравнительно небольшую территорию. К ней относятся говоры, расположенные к югу и западу от Онежского озера и русские говоры Карелии. Она резко выделяется среди других северных говоров наличием [ɣ] фрикативно-го (обычно в интервокальном положении ([поу́ды], [jэ́у́]), [красноу́]) и [т'] мягкого в формах 3-го лица мн. числа глаголов I спряжения ([иду́т'], [несу́т']).

В некоторых падежных формах существительных, местоимений и прилагательных наблюдается окончание *-эй* без смягчения предшествующего согласного: [с с'естрэй], [такэй], [молодэй], [утэй], [с однэй].

Архангельская (северная, или поморская) группа расположена соответственно в северной части европейской территории России. Она включает говоры Архангельской и севера Вологодской области, в частности говоры побережья Белого моря. Для архангельских говоров характерны все основные признаки северного наречия в целом, но они лишены собственных ярких диалектных черт, отличающих их от других групп. Можно отметить своеобразие безударного звука [о], который (при системе полного оканья) несколько менее лабиализован, чем в других северных говорах.

Для безударного вокализма после мягких согласных характерно ёканье, т. е. неразличение гласных неверхнего подъема: [п'ета́к], [р'ека́], [с'елó].

В этой группе богато представлена диалектная лексика, особенно связанная с мореплаванием и рыболовством: *лонѣ́* — «в прошлом году»; *ка́рбас, карбасо́к* — «большая деревянная лодка»; *ла́мбы* — «лыжи, употребляемые при промысле моржа, тюленя»; *поря́дие* — «набор сетей» и др.

В целом северные говоры более архаичны, чем южные. Они сохраняют ряд особенностей древнерусского языка, при этом довольно активно разрушаются, и территория распространения северного наречия постепенно сокращается.

Южное наречие

Южное наречие занимает южную часть европейской территории Российской Федерации и граничит на западе с белорусским, а на юге — с украинским языком. К нему относятся говоры Смоленской, Брянской, Калужской, Рязанской, Орловской, Курской, Белгородской, Липецкой, Тамбовской, Воронежской областей.

Южное наречие в целом противопоставлено северному по таким основным признакам, как: аканье, [γ] фрикативное, [-т'] в 3-м лице глаголов настоящего времени, окончание *-е* в Р. и В. п. личных местоимений 1-го и 2-го лица и возвратного местоимения: [у м'ин'ё], [у т'иб'ё], [у с'иб'ё]. Для большинства южных говоров характерны такие диалектные черты:

- 1) в фонетике:
 - яканье (разных типов);
 - губно-губное образование звука [в] как [w]: [wдава], [лаwка], [каrow];
 - отсутствие звука [ф] и замена его звуком [х] или сочетанием [хв]: [хвартук], [хронт];
 - отвердение долгих мягких шипящих: [мушпына], [женшпына], [вошпы];

- 2) в грамматике:
 - разрушение среднего рода: *всю стаду, худая ведро*;
 - окончание *-е* в Р. п. ед. числа у существительных 1-го склонения: *у сестре, для козе*;
 - безударное окончание *-и (ы)* в формах существительных И. п. мн. числа среднего рода: *пятны, окны*;
 - совпадение окончаний глаголов I и II спряжения в 3-м лице мн. числа: *пишут, дышут*;
 - формы инфинитива типа *несть, плесть*;
 - отсутствие ярких синтаксических особенностей, характерных для северных и среднерусских говоров;

- 3) в лексике: распространение таких слов, как *дежа* («посуда для приготовления теста»), *рогач (ухват)*, *чапля, чапельник (сковородник)*, *кочет (петух)*, *бирюк (волк)*, *погода* («хорошая погода») и др.

В южном наречии представляется возможным выделить четыре группы говоров: западную (смоленскую), северную (тульскую), восточную (рязанскую) и курско-орловскую.

В основу этого деления положены две существенные фонетические черты: тип яканья и характер губных фрикативных согласных, но учитываются и некоторые другие особенности.

Западная группа занимает соответственно западную часть южного наречия, территорию Смоленской, Брянской, отчасти Калужской области.

Для нее характерны последовательное и устойчивое диссимилятивное аканье, диссимилятивное яканье жиздринского типа; реализация звонкой губной фрикативной согласной в разных вариантах: [w] — [п'р'áвдa]; [ǔ] — [д'áр'еǔн'и]; [y] — [yc'á]; мена <в> — <у>: [вборка] — [уборка]; [унук] [внук]; замена звука [ф] звуком [x] или сочетанием [xв]: [хронт], [хванар']. Звук [ǔ] отмечается иногда на месте фонемы <л>, т.е. возможно совпадение фонем <в> и <л> в одном звуке: [быǔ] (*был*) и [роǔ] (*ров*).

В говорах этой группы отмечаются некоторые белорусские черты: [ч] твердое или полумягкое: [уч'ít'ил'], [у ǔр'áчым баǔǔ]; сохранение результатов II палатализации: [н'ь дарб'з'и], [на ј'олц'и] (*на дороге, на елке*); изменение сочетания [-нј-] в [н']: [св'ин'á].

Северная (тульская) группа включает говоры Тульской и отчасти Калужской области.

Для нее характерны умеренное яканье; [в] губно-зубное, оглушающееся в [ф]; в морфологии — формы 3-го лица глаголов настоящего времени без конечного [-т]: [он н'ис'ó], [л'уб'á], [ан'ис'ид'á], некоторые лексические особенности.

Говоры этой группы в общем лишены многих ярких диалектных черт южного наречия и в настоящее время постепенно сближаются со среднерусскими.

Восточная (рязанская) группа охватывает говоры Рязанской области и отчасти Липецкой, Тамбовской и Воронежской областей.

Для этих говоров характерны различные смешанные типы яканья, в основном ассимилятивно-диссимилятивного; [в] губно-зубное, оглушающееся в [ф]; иногда отсутствие перехода [е] в [о] ([ав'эс], [б'ир'эза], [н'ес'эт]); в архаическом слое говора наблюдается прогрессивное ассимилятивное смягчение заднеязычных согласных ([Вán'к'а], [Ол'г'а], [ч'áк'ý]); богатая диалектная лексика — неслучайно словарь одного говора составлялся в деревне Деудино Рязанского района Рязанской области¹.

Наиболее ярко выражены основные черты южного наречия в говорах **курско-орловской** (или **орловско-курской**) группы. Они являются также наиболее устойчивыми и занимают самую большую территорию. Это говоры Орловской, Курской, Белгородской, части Липецкой и Воронежской областей. Для них характерно диссимилятивное яканье различных типов, в основном архаического. При этом под ударением могут сохраняться остатки различения фонем <о> и <ò>, <е> и <ê>. В I предударном слоге после твердых согласных в целом сохраняется диссимилятивное ака-

¹ См.: Словарь современного русского народного говора / под ред. И.А. Осовецкого. — М., 1969.

ные, однако значительно менее ярко выраженное, чем в западной группе, поэтому фиксируемое не всеми диалектологами.

Следует обратить внимание на губно-губное образование звука [w] с возможной реализацией фонемы <в> в звуках [ў] и [y], замену звука [ф] сочетанием [хв] или звуком [х], распадение аффрикат и произношение в соответствии с <ч> звука [ш'], с <ц> — [с]: [ш'ац], [сар'] — чай, царь.

Основные морфологические черты южного наречия (см. с. 109, п. 2).

Своеобразие лексики, например: *емок* — *ухват*, *извара* — *ушат* и др.

Границы между группами говоров в настоящее время нечетки, подвижны, само деление на группы несколько условно. Но в целом южные диалектные особенности более устойчивы, чем северные, и сама территория южного наречия сохраняется без существенных изменений на протяжении многих десятилетий.

Среднерусские говоры

Между северным и южным наречиями расположена большая группа говоров, которые называют среднерусскими. По отношению к ним не принято употреблять термин «наречие», так как на территории их распространения отмечаются черты как северного, так и южного наречия и почти нет специфических признаков, свойственных только этим говорам.

Это объясняется историческими причинами. Исконно большинство этих говоров (в том числе московские) были северными, но затем в процессе формирования единого Русского государства и языка великорусской народности они испытали большое влияние южного наречия в связи с перемещением на север значительного числа населения из южных областей. В то же время есть и исконно южно-русские говоры, претерпевшие определенные изменения под северным влиянием, они встречаются преимущественно на территориях позднего заселения.

Первоначально среднерусские говоры даже называли «переходными». Так, профессор П. С. Кузнецов пишет: «Средневеликорусские переходные говоры, т. е. говоры, образующие как бы переход от северновеликорусского наречия к южновеликорусскому, тянутся узкой полосой с северо-запада на юго-восток»¹.

К территории их распространения относили говоры Псковской, Тверской, Московской и Пензенской областей.

На протяжении XX в. именно эта группа претерпела наибольшие изменения. Прежде всего значительно увеличилась ее терри-

¹ Кузнецов П. С. Русская диалектология. — М., 1960. — С. 151.

тория. Сейчас к среднерусским относят диалекты большей части Новгородской, Псковской, Тверской, Московской, Пензенской областей, часть Ярославской, Ивановской, Нижегородской, Владимирской областей, т. е. граница распространения среднерусских говоров значительно сдвинулась к северу. К ним теперь относят такие исконно северные говоры, как новгородские и владимирско-поволжские. Как среднерусские рассматриваются также говоры территорий сравнительно позднего заселения, т. е. Саратовской, Самарской, Волгоградской областей.

Таким образом, характеристика среднерусских говоров становится еще более расплывчатой, нечеткой. В них отмечается и оканье, и аканье; [г] взрывное и [γ] фрикативное; в 3-м лице глаголов настоящего времени и [-т'] мягкое и [-т] твердое, а также ряд других черт как северных, так и южных говоров.

Специфически среднерусскими можно признать, пожалуй, лишь две фонетические особенности: *й*канье ([п'ита́к], [р'ика], [с'илб́]) и изменение мягких заднеязычных согласных в мягкие зубные: [г'] в [д'], [к'] в [т'] ([но́д'и], [ру́т'и], [т'и́но́] — *ноги, руки, кино*). Первая из этих черт весьма продуктивна и активно проникает в литературный язык. Вторая, наоборот, малопродуктивна и в настоящее время сохраняется в отдельных корнях: [т'ис'ёл'], [т'йслы́], [т'йнул] — *кисель, кислый, кинул*.

В соответствии с диалектологической картой русского языка 1964 г. среднерусские говоры делятся на 13 групп и подгрупп. Такая детализация представляется излишней и неудобной в методическом отношении. Поэтому в данном учебнике, предназначенном для первоначального знакомства с диалектологией, считаем возможным выделить четыре основные группы.

Это западные среднерусские говоры, которые делятся на окающие, распространенные в Новгородской области, и акающие — в Псковской, а также восточные, соответственно, окающие (бывшая владимирско-поволжская группа северного наречия) и акающие (центральная и юго-восточная часть среднерусских говоров). Иногда особо выделяют говоры центра, расположенные вокруг Москвы и наиболее близкие к литературному языку.

Особняком также стоят говоры так называемого «Чухломского акающего острова» в Костромской области.

Для **западных среднерусских окающих** говоров характерно неполное оканье, часто в стадии разрушения. При этом образуются типы безударного вокализма переходные от оканья к аканью. В безударном положении после мягких согласных возможны остатки различения гласных неверхнего подъема; [г] взрывное; в 3-м лице глагола окончание [-т] твердое и возможные формы без конечного [-т] (*он делае, они ходя*); некоторые черты западной группы северного наречия (окончания *-ам* в Т. п. мн. числа, фор-

мы деепричастий *ушот*, *ушбтцы*, употребляющиеся в роли сказуемого).

Западные среднерусские акающие говоры характеризуются недиссимилятивным аканьем, сильным яканьем, цеканьем и дзеканьем ([ц'йхъ] — *тихо*, [д'з'ад'з'я] — *дядя*), наличием шепелявых свистящих ([с''ет'], [з''имá] или [с^ш'ет'], [з^ж'им'á]). В южной части рассматриваемой группы иногда отмечаются [-т'] в 3-м лице глаголов и [γ] фрикативное; в юго-восточной части возможно белорусское влияние: [ч] твердое или полумягкое ([чысть] — *чиство*), отвердение мягкого [р'] ([γрып] — *гриб*), утрата [j] и удлинение согласного в сочетании [-нj-] ([св'ин'а] — *свинья*).

В восточных среднерусских акающих говорах отмечается последовательное неполное оканье, остатки различия безударных гласных после мягких согласных с ёканьем ([п'атáк], [р'екá], [с'олб]), причем ёканье может встретиться и на месте старого Ъ ([п'от'ух], [б'одá] и подобные); произношение [у] во II предударном слого в соответствии с [о] в начале слова ([утурцá], [уторóт]); утрата интервокального [j] с последующим стяжением гласных. По классификации МДК эти говоры относили к владимирско-поволжской группе северного наречия, и до сих пор они сохраняют ряд северных черт.

Для **восточных среднерусских акающих** говоров характерны недиссимилятивное аканье, умеренное яканье или йканье; [г] взрывное, но в юго-восточной части этой группы встречается [γ] фрикативное; возможно изменение мягких заднеязычных в мягкие зубные. Только для этих говоров характерно наличие долгих мягких шипящих ([иш'ý], [вóж'и]). В целом рассматриваемая группа, особенно говоры центра, наиболее близка к литературному языку. Неслучайно считается, что именно эти говоры легли в основу русского литературного языка.

В настоящее время границы среднерусских говоров нечетки и подвижны.

В связи с процессами, происходящими в самих русских диалектах, и достаточно сильным влиянием литературного языка территория среднерусских говоров постепенно расширяется, причем не только к северу, но и к югу.

Следует еще раз отметить, что предлагаемая группировка говоров, как и предыдущие, охватывает только говоры, расположенные на европейской территории России. Говоры Урала, Сибири и Дальнего Востока, а также русские диалекты, сложившиеся на территориях бывших союзных республик СССР, активно исследовались во второй половине XX в. Им посвящен ряд научных трудов, собран большой практический материал. В вузах соответствующих городов (Красноярска, Новосибирска, Челябинска и др.) они серьезно изучаются. Однако в общий курс диалектологии эти говоры

пока традиционно не включаются, что обусловлено не столько научными, сколько практическими причинами: отсутствием необходимого количества учебных часов. В последние годы усилились миграция населения, отток исконных жителей из деревень и в то же время заселение старых деревень горожанами, и не только русскими. Это расшатывает не только системы и границы местных говоров, но и устойчивость литературной нормы. Диалектные черты, особенно в области фонетики, активно проникают в городское просторечие и даже в речь людей, призванных быть носителями образцового литературного языка (работников радио и телевидения, артистов, политических деятелей).

Современные процессы в русских говорах требуют самого пристального внимания диалектологов. Знание основ диалектологии становится все более необходимым преподавателям всех уровней, работникам СМИ, так называемым «публичным» людям — политикам и общественным деятелям, т.е. в конечном счете всем носителям литературного языка.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Когда и кто начал изучение вопроса о группировке русских говоров? Какие ученые на протяжении XIX в. обращались к этой теме?
2. Когда и под чьим руководством началось систематическое изучение русских говоров? Когда и в каком труде были опубликованы первая научная классификация диалектов русского языка и диалектологическая карта?
3. Каковы основные положения группировки говоров, предложенной МДК? По каким основным признакам противопоставляются северновеликорусское и южновеликорусское наречия? Какие группы говоров выделяются?
4. Когда и в связи с чем произошел пересмотр классификации МДК? В чем основные отличия от нее новой группировки говоров, предложенной в «Русской диалектологии» 1964 г.?
5. Какую территорию занимает в настоящее время северное наречие? Назовите его основные отличительные черты.
6. На какие группы говоров можно разделить северное наречие? Каковы их основные различительные черты и территория распространения?
7. На какой территории расположено южное наречие? Назовите его основные отличительные черты.
8. Дайте общую характеристику групп говоров, входящих в состав южного наречия.
9. Опишите территорию распространения, основные признаки и группировку среднерусских говоров. Почему их не называют наречием?

Транскрипция

Запись диалектной речи обычно дается в транскрипции. Цель любой фонетической транскрипции — наиболее точная передача звуков речи на письме. Основной принцип транскрипции — одному звуку должен соответствовать один знак (или, что то же, один знак должен изображать один звук). Сравним с орфографией. В написании слов *голова*, *головка* четыре раза использован знак *о*, но звук [о] он обозначает только один раз: в слове *голова* под ударением. В остальных случаях он обозначает другие звуки, что и отражается в транскрипции: [г'э́лв'а], [г'э́л'о́фк'э].

В основе транскрипции, принятой в русской диалектологии, лежит русский алфавит, но одни буквы традиционно не используются, другие употребляются в ином значении, наконец, вводятся дополнительные буквы, отсутствующие в русской графике.

Не используются буквы *щ*, *я*, *ю*, *ё*.

Буква *щ* обозначает звук [ш'] долгий мягкий или сочетание звуков [ш'ч'] мягких. Соответственно, в транскрипции используется знак [ш'] или [ш'ч']. Например, [ш'ш'ý] или [ш'ч'ý] — *ищу*; [ш'úк'] или [ш'ч'úк'] — *щука*.

Так называемые йотированные гласные могут обозначать соответствующий гласный с предшествующим [j] или указывать на мягкость предшествующего согласного. Схематически это можно изобразить так:

я $\left\{ \begin{array}{l} [jа] : [j'ámь] — яма \\ [ʼа] : [п'ат'] — пять \end{array} \right.$

ю $\left\{ \begin{array}{l} [jу] : [jук] — юг \\ [ʼу] : [л'ук] — люк \end{array} \right.$

ё $\left\{ \begin{array}{l} [jо] : [j'о́лк'] — ёлка \\ [ʼо] : [л'от] — лёд \end{array} \right.$

Особого уточнения требует употребление буквы *е*. В строгой транскрипции она обозначает [jэ] или [ʼэ]:

ё $\left\{ \begin{array}{l} [jэ] : [j'эл'] — ель \\ [ʼэ] : [л'эс] — лес \end{array} \right.$

Но при записи диалектной речи *е* обычно используется для обозначения звука [э]: [л'эс], [п'эл], [jэл'], [j'эхт'] — и, соответственно, написания [ето], [ех], читаемые как *это*, *эх*. Такая погрешность и при записи, и при печати объясняется техническими причинами.

Буквы *э* и *ь* используются для обозначения безударного гласного 2-й степени редукции. Например: [х'раш^{о́}], [п'ыг'вар'й^л] [г^{о́}р'ыт] [п'ьри'д'эль'ыт']. Знаком [ъ] обозначается звук среднего ряда среднего подъема, [э] — переднего ряда, верхнесреднего подъема.

Значок [л] не используется по техническим причинам. Гласные типа [а] обозначаются буквой *a* (*ваза*, *трава*), для более точной передачи качества этих звуков можно использовать дополнительный значок сверху справа от основного знака. Например: в слове [ва^бд^{а́}] [а^б] — звук несколько короче обычного [а], слегка сдвинутый вверх; в [ва^од^{а́}] [а^о] — звук, несколько лабиализованный.

Для передачи звуков, отсутствующих в русском литературном языке, вводятся дополнительные буквы:

[γ] — обозначает [г] фрикативное — [наγ^{а́}], [γ^{о́}р'ыт][иγ^{ра́}];

[h] — [г] гортанное, т.е. звук более глубокий, чем [γ]: [Н^{а́}л'а], [h'вар'йт'];

[w] — [в] губно-губное (билабиальное): [лаwка], [prow], [дам^{о́}w];

[l] — [л] европейское, полумягкое: [лук], [láпа], [к^{о́}локол].

Как в любой фонетической транскрипции, существует система надстрочных знаков: [ма́ма] — обозначено ударение; [п'а́т'] — мягкость согласного; [ч'исто] — полумягкость; [а́на] — долгота; [л'иес][к^{уо́}т] — дифтонги; [н'ёт], [в^{о́}л'а] — закрытый характер гласного; [тра́ўка], [воўк] — неслоговой гласный, неслоговость обозначается дужкой под буквой [мои́].

Слово или предложение, данное в транскрипции, заключается в квадратные скобки: [ульва́], [пош^{о́}л ф с'ол^{о́}]. В квадратные скобки заключается также буква, обозначающая звук: [а], [о], [ч'], [ж'], а при необходимости обозначить фонему, ставятся угловые скобки: <а>, <о>, <к > и т.д.

В транскрипции обязательно отмечается ударение, мягкость, озвончение и оглушение согласных.

Диалектные тексты могут быть представлены в более или менее строгой транскрипции. Это объясняется техническими причинами, условиями записи, временем, когда она проводилась. В связи с этим различают строгую, последовательную фонетическую транскрипцию, несколько упрощенную и орфографическую запись с элементами транскрипции. Последнюю обычно находим в старых записях (конца XIX — начала XX в.).

Знаки препинания в строгой транскрипции не ставятся, паузы обозначаются вертикальными чертами | или ||.

Образцы анализа текста

На практических занятиях по русской диалектологии большое место занимает анализ текстов, представленных как в хрестоматиях и сборниках упражнений, так и в аудиозаписи. Современные студенты преимущественно горожане, очень слабо знакомы с народной речью, поэтому и теоретические знания по диалектологии, в том числе изложенные в данном учебнике, воспринимают отвлеченно и с большим трудом. Чтение (или прослушивание) и анализ образцов диалектной речи необходимы как для общелингвистического развития, так и для понимания основных положений диалектологии как науки.

Анализ текста должен строиться в определенной последовательности, чтобы в результате студенты могли сделать обоснованные выводы.

Предлагаем примерный план разбора текста. Каждый пункт иллюстрируется примерами, из которых делается краткий вывод. В итоге студент должен определить, к какому наречию и группе говоров относится анализируемый говор.

План разбора текста

I. Система записи (транскрипция, упрощенная транскрипция или орфографическая запись).

II. Фонетика:

1) гласные под ударением.

Определить систему гласных фонем и отметить особенности в области ударных гласных;

2) гласные I предударного слога после твердых согласных.

Определить, оканье или аканье в говоре; если аканье, указать его тип (диссимилятивное или недиссимилятивное);

3) гласные I предударного слога после мягких согласных.

Определить тип вокализма;

4) гласные других безударных слогов.

Если в говоре оканье, определить его тип (полное или неполное);

5) согласные.

Определить характер звука [г], аффрикат, шипящих, губных фрикативных, звука [л], отметить особенности изменений в группах согласных.

III. Морфологические особенности:

1) имя существительное. Особенности в категориях рода и числа;

2) особенности склонения существительных:

а) в единственном числе;

б) во множественном числе;

- 3) специфика местоимений в говоре;
- 4) имя прилагательное. Краткие, полные и стяженные формы;
- 5) особенности глагольных форм в говоре;
- 6) причастия и деепричастия.

IV. Синтаксические особенности:

- 1) специфика выражения сказуемого;
- 2) особенности построения простых предложений;
- 3) сложные предложения.

V. Лексические особенности:

- 1) собственно лексические диалектизмы;
- 2) семантические диалектизмы;
- 3) словообразовательные (лексико-грамматические) диалектизмы;
- 4) лексико-фонетические (фонематические) диалектизмы.

VI. Общий вывод:

определить наречие и группу говоров. Доказать свой вывод.

В качестве образца предлагаем анализ текста, записанного в деревне Горка Смоленской области.

«Крууом д'ар'ёун'и быў з'з'элын т'анквыи роў. В м'ан'э штап стыйаў, как кп'ал'и з'оты. Ваша м'эсные' приуната л'и б'тар'эй. Случаим н'а вд'ержут', будут' б'ит' п'ил'ам'оты, б'тар'эй на том был'шаку. А з'имл'анк'и п' л'исам паз'з'эльны с камн'у, ус'а чыста высьльна камн'им.

Байц'и р'сказвыиут': и н'эм'иц д'элыў т'анквыи рав'и, а на'ша в'йск'а туд'и и н'ь п'шла.

Л'этым са'мыйа в'борка б'ла, к'да й'ан'и пр'ийэхл'и. А в нас б'ыл'и пр'иш'оўшы м'лад'и.

Л'ит'ийнант штаба маскоўск'ий быў м'лад'эй ро'сл'ёск'ий. Й'ан'и у'вар'ил'и: ваз'м'ом Б'арл'ин. Даўно к'да-та йон быў наш, кл'уч'и у нас. Вот ы ўз'ал'и. Раз'в'етка п'ир'адом ишла на кон'их, н'ь лыш'д'ах.

Н'ь лууаўском балоту, пры'изаны с'ем маш'ин раз'б'ил'и н'ам'ецк'их. Н'эмцы д'ар'ёун'и жул'и, у Лушку сажул'и шк'олу.

Мой ма'л'иц быў у Кр'му два у'оды. В м'ан'э сыноў мно'га, двух н'ет, а шес' пр'ишл'и, ранн'и брат'и. П'ав'ил уч'ыл'ил' быў, а пр'иш'оў к'п'итан, и ап'ат' уч'ыл'ил'.

Стар'ший сын у са'мым у'рачым байу' быў, как у п'ечк'и к'ип'аток к'ип'ит'. Тр'и ра'за ран'ит быў. Йон быў т'ыл'ихван'истым, ман'т'орым, т'и капт'орым.

I. Система записи.

Есть система надстрочных знаков. Достаточно последовательно отмечено ударение: [штаба], [с камн'у], [сын'оў]) и мягкость согласных: [с'ем], [н'эм'иц], [раз'в'етка], отмечен неслоговой характер гласного: [роў], [быў].

Не употребляются буквы *я, ю, ё*, которые заменяются соответствующими знаками транскрипции: [зимл'анк'и], [са'мыйа], [с камн'у], [байу'], [ваз'м'ом], [йон].

Отмечена ассимиляция согласных: [раз'в'етка] — оглушение, [з'з'елын] — *сделан* — озвончение и ассимиляция по способу образования.

Таким образом, мы видим, что текст записан в транскрипции.

Транскрипция несколько упрощенная, так как:

- не везде проставлено ударение: [круу́бм], [штап], [ус'á];
- вместо знаков [j], [и] используется буква й: [ст'ьйáў], [байцы́], [байу́];
- проставлены знаки препинания, употребляются прописные буквы: [Б'арл'и́н], [у Лушкú].

II. Фонетика:

1) гласные под ударением:

- [б'ит'] — <и>;
- [будут'] — <у>;
- [л'етым] — <е>;
- [вбо́рка] — <о>;
- [штап] — <а>.

В говоре 5 гласных фонем, отличий от литературного языка в ударном вокализме не наблюдается;

2) гласные I предударного слога после твердых согласных:

[ранний], [байу́], [б'ьтар'эй], [б'ьл'шакú], [байцы́], [ваз'м'о́м] и т.д., т.е. гласные <о> и <а> в рассматриваемой позиции совпадают в звуке [а], в говоре **яканье**; но перед ударным [а] произносится звук более краткий и высокий по подъему, обозначаемый знаком [ъ]: [ст'ьйáў], [к'ьпáл'и], [в'ьйскá], [к'ьдá], [п'ьшлá], следовательно, аканье д и с с и м и л я т и в н о е.

В некоторых случаях звук [ъ] отмечен на месте [ы]: [б'ьлá], [Кр'ьму́];

3) гласные I предударного слога после мягких согласных:

[д'ар'е́ун'и], [в м'ан'е́], [п'ил'ам'о́ты], [йаньí], [Б'арл'и́н], [п'ир'адóм], [н'ам'е́цк'их], [к'ип'ато́к] — гласные неверхнего подъема совпадают в звуке [а], т.е. в говоре **яканье**. Однако перед ударным [а] они реализуются в звуке [и]: [п'ь л'исáм], [з'имл'áнк'и], [л'ит'ийнáнт], т.е. это д и с с и м и л я т и в н о е яканье ж и з д р и н с к о г о т и п а;

4) гласные других безударных слогов:

[б'ьтар'эй], [г'ьвар'и́л'и], [та́нкв'ьый], [б'ьл'шакú], [м'ьладэ́й], [к'ьп'итáн], [ка́мн'им], [н'е́м'иц], [т'ьл'ихван'истым].

В безударных слогах, кроме I предударного, гласные неверхнего подъема после твердых согласных реализуются в звуке [ъ], после мягких — в [ь] или [и]. В заударном закрытом слоге отмечается [ы] вместо [ъ]: [у самб́йм], [ман'т'о́рым], [кап'т'о́рым], [т'ьл'ихван'и́стым];

5) согласные:

- в говоре наблюдается последовательное употребление [у] фрикативно-го: [круу́бм], [пр'иу́нáта], [г'ьвар'и́л'и], [сажул'и́], [мнóуа] и др.;
- наблюдается целый комплекс диалектных особенностей, связанных с произношением губных фрикативных согласных: фонема <в> перед со-

гласным и на конце слова реализуется в звуке [ў]: [д'ар'еўн'и], [роў], [маскоўск'ий], [ро́сьляўск'ий], [даўно́], [ўза́л'и];

– в начале слова и в предлоге возможно произношение [y]: [ус'а́], [у Лушкú], [у Крэмú], [у самы́м]; на месте [y] возможно произношение [в]: [в ма́н'е́] — у меня, [вд'ёржут'], [вбо́рка], [в нас] — у нас;

– фонема <ф> отсутствует, звук [ф] заменяется сочетанием [хв]: [т'ьл'ихван'йстым];

– оглушение [в] в [ф] отсутствует;

– фонема <л> на конце слова реализуется в звуке [ў]: [быў], [сцьйáў], [д'э́лыў], [пр'ишоў].

Таким образом, в этой позиции наблюдается совпадение фонем <в> и <л> в звуке [ў]: [быў] — [роў];

– в говоре [ч] твердое: [ўра́чы́м] — *горячем*, [случа́им], [чы́ста], [кл'учы́], что, вероятно, объясняется устойчивым влиянием белорусского языка;

– отмечено отверждение [р'] [ўра́чы́м] — *горячем*;

– отверждение конечных губных [с'ем];

– полная ассимиляция в сочетании [дн]: [ра́нны́и] — *родные*;

– полная ассимиляция (по звонкости и способу образования) в сочетании *сд*: [з'з'э́лын] — *сделан* [паз'з'э́льны] — *посделаны*, упрощение группы *дз*: [зо́ты] — *дзоты*;

– упрощение групп согласных на конце слова: [шес'] , [м'э́сныс'];

– протеза в начале слова: [ишлá] — *шла*.

Таким образом, для говора, представленного в анализируемом тексте, характерен ряд ярких и достаточно устойчивых диалектных черт в области согласных;

б) особенности ударения.

Отмечен лишь один пример переноса ударения: [случа́им].

III. Морфологические особенности:

1) имя существительное

– *на́ша вёйска ... пшы́ла* — разрушение категории среднего рода, переход существительного среднего рода в женский;

– [на был'шакú], [с ка́мню] — более широкое, чем в литературном языке, употребление окончания — у в Р. и П. п. существительных мужского рода 2-го склонения. Это явление распространяется и на существительные среднего рода: [на бало́ту];

– во множественном числе отмечены диалектные формы: [браты́] — *братья*, [сынóў] — *сыновей*, [на ко́н'их] — архаическая форма П. п. мн. числа, [два ўо́ды];

2) местоимение:

– [йяны́], [йо́н] — развитие протетического [j] в И. п. личного местоимения 3-го лица;

– [в ма'не́] — у меня — окончание *-е* в Р. п. личного местоимения 1-го лица;

3) прилагательное:

– [мьладэй] — в И. п. ед. числа мужского рода окончание *-эй*;

4) особенности глагольных форм:

– [бўдут’], [н’а вд’ёржут’], [к’ип’йт’] — глагол в 3-м лице настоящего и простого будущего времени оканчивается на [т’];

– образование страдательных причастий прошедшего времени с суффиксом *-т* в соответствии с литературным *-и*: [р’ан’ит], [пр’иун’ата];

– своеобразная форма деепричастия: [пришбўшы].

IV. Синтаксические особенности:

– употребление деепричастия в качестве сказуемого: [б’ыл’и пр’ишбўшы мьладэй]; сказуемое выражено деепричастием со вспомогательным глаголом *были* и имеет плюсквамперфектное значение;

– [а пришбў кьпитан] — косвенное дополнение выражено формой И. п. (*пришёл капитаном*);

– [случа́им н’а вд’ёржут’ бўдут б’ит’ п’ил’ам’оты] — своеобразное построение сложного предложения, которое можно, видимо, считать и сложноподчиненным и бессоюзным;

– [мант’орым т’и капт’орым] — частица *-ти* выступает в качестве соединительного союза.

V. Лексические особенности:

– словообразовательные диалектизмы [п’ир’адом] — *впереди*, [капт’ор] — *каптенармус*, завхоз воинской части;

– лексико-фонетические диалектизмы: [п’ил’ам’оты] — *пулемёты*, [пр’т’изаны] — *партизаны*, [равы] — *рвы*.

VI. Общий вывод:

Представленный в анализируемом тексте говор по ряду существенных различительных признаков, несомненно, относится к южному наречию. Это аканье, [γ] фрикативное, окончание [т’] у глаголов 3-го лица настоящего времени, окончание [’е] в Р. п. личного местоимения 1-го лица.

Такие диалектные особенности, как последовательное диссимилативное яканье жидринского типа, губно-губное образование фонемы <в> и ее реализация в звуках [ў], [у], отсутствие звука [ф], некоторые другие особенности в области согласных, элементы белорусского влияния, позволяют отнести данный говор к западной группе южного наречия.

Следует отметить, что рассматриваемый говор весьма устойчиво сохраняет исконные диалектные черты.

Предложенный план анализа диалектного текста может быть использован на зачете, при написании контрольной работы, а также во время практических занятий при изучении отдельных тем. Ответы на вопросы могут быть представлены в более развернутом виде, чем в данном образце.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Основная

Артамонова Н.А., Махова О.А., Нефедова Е.А. и др. Русская диалектология: учеб. пособие для практ. занятий. — М., 2005.

Горшкова О.В., Хмелевская Т.А. Сборник задач и упражнений по русской диалектологии. — М., 1980.

Колесов В.В. Русская диалектология. — М., 2006.

Русская диалектология / под ред. Л.Л. Касаткина. — М., 1989.

Дополнительная

Аванесов Р.И. Очерки русской диалектологии. — М., 1949.

Баранникова Л.И., Бондалетов В.Д. Сборник упражнений по русской диалектологии. — М., 1980.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. — М., 1955.

Захарова К.Ф., Орлова В.Г. Диалектное членение русского языка. — М., 1970.

Касаткин Л.Л. Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. — М., 1999.

Кузнецов П.С. Русская диалектология. — М., 1960.

Мельниченко Г.Г. Хрестоматия по русской диалектологии. — М., 1985.

Русская диалектология / под ред. Р.И. Аванесова и В.Г. Орловой. — М., 1965.

Русская диалектология / под ред. П.С. Кузнецова. — М., 1973.

Русская диалектология / под ред. Н.А. Мещерского. — М., 1972.

Трубинский В.И. Русская диалектология. Говорит бабушка Марфа, а мы комментируем... — М., 2004.

Язык русской деревни / под ред. И.А. Букринской, Н.Л. Голубевой и др. — М., 1994.

Предисловие.....	3
Введение. Предмет и задачи диалектологии. Связь диалектологии с другими науками, ее научное и практическое значение	5
Глава 1. Лексические особенности русских говоров	17
§ 1. История изучения диалектной лексики. Лексикография, типы словарей	17
§ 2. Типы диалектной лексики.....	19
§ 3. Основные тематические группы диалектной лексики	22
§ 4. Системные отношения в лексике говоров	25
§ 5. Противопоставленные диалектные различия.....	27
§ 6. Диалектные фразеологизмы.....	28
Глава 2. Фонетические особенности русских говоров	30
§ 7. Система гласных фонем в русских говорах. Ударный вокализм... 30 Диалектные отличия в составе гласных фонем	31
Диалектные различия в системе ударных гласных	34
Диалектные различия в качестве звуков, реализующих ударные гласные	36
§ 8. Безударный вокализм	37
Оканье	38
Аканье	40
Гласные I предударного слога после мягких согласных	44
§ 9. Система согласных фонем в русских говорах (консонантизм)	50
Диалектные отличия в составе согласных фонем.....	51
Аффрикаты <ц> и <ч> в русских говорах	52
Вопрос о долгих мягких шипящих в говорах.....	54
Губные фрикативные согласные	55
Диалектные отличия, не затрагивающие состава фонем, но связанные с их отношениями в системе.....	57
Диалектные отличия в качестве отдельных согласных звуков и в позиционных изменениях согласных	59
Глава 3. Морфологические особенности русских говоров	63
§ 10. Имя существительное	63
Категория рода.....	64
Категория числа.....	66

§ 11. Особенности склонения существительных.....	67
Единственное число.....	67
Множественное число.....	72
§ 12. Местоимение.....	76
Личные местоимения.....	76
Неличные местоимения.....	78
§ 13. Имя прилагательное.....	79
§ 14. Глагол и глагольные формы.....	84
Изъявительное наклонение. Настоящее время.....	85
Диалектные особенности в формах будущего времени.....	87
Прошедшее время.....	88
Повелительное наклонение.....	89
Инфинитив.....	89
Причастия и деепричастия.....	90
Глава 4. Синтаксические особенности русских говоров.....	94
§ 15. Непротивопоставленные синтаксические особенности, характерные для диалектной речи в целом.....	94
§ 16. Синтаксические особенности, территориально ограниченные.....	96
Глава 5. Диалектное членение (группировка говоров) русского языка.....	101
§ 17. История вопроса.....	101
§ 18. Диалектное членение русского языка на современном этапе... Северное наречие.....	107
Южное наречие.....	110
Среднерусские говоры.....	112
Приложения.....	116
Приложение 1. Транскрипция.....	116
Приложение 2. Образцы анализа текста.....	118
Рекомендуемая литература.....	123

Учебное издание

Иваницкая Елена Николаевна

Русская диалектология

Учебник

Редактор *Г. Е. Конопля*

Технический редактор *Е. Ф. Коржуева*

Компьютерная верстка: *Л. М. Беляева*

Корректор *Н. В. Козлова*

Изд. № 101116237. Подписано в печать 01.03.2013. Формат 60 × 90/16.

Гарнитура «Ньютон». Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Усл. печ. л. 8,0.

Тираж 1 000 экз. Заказ №

ООО «Издательский центр «Академия». www.academia-moscow.ru

1129085, Москва, пр-т Мира, 101В, стр. 1.

Тел./факс: (495) 648-0507, 616-00-29.

Санитарно-эпидемиологическое заключение № РОСС RU. АЕ51. Н 16067 от 06.03.2012.

Отпечатано в Идел-Пресс